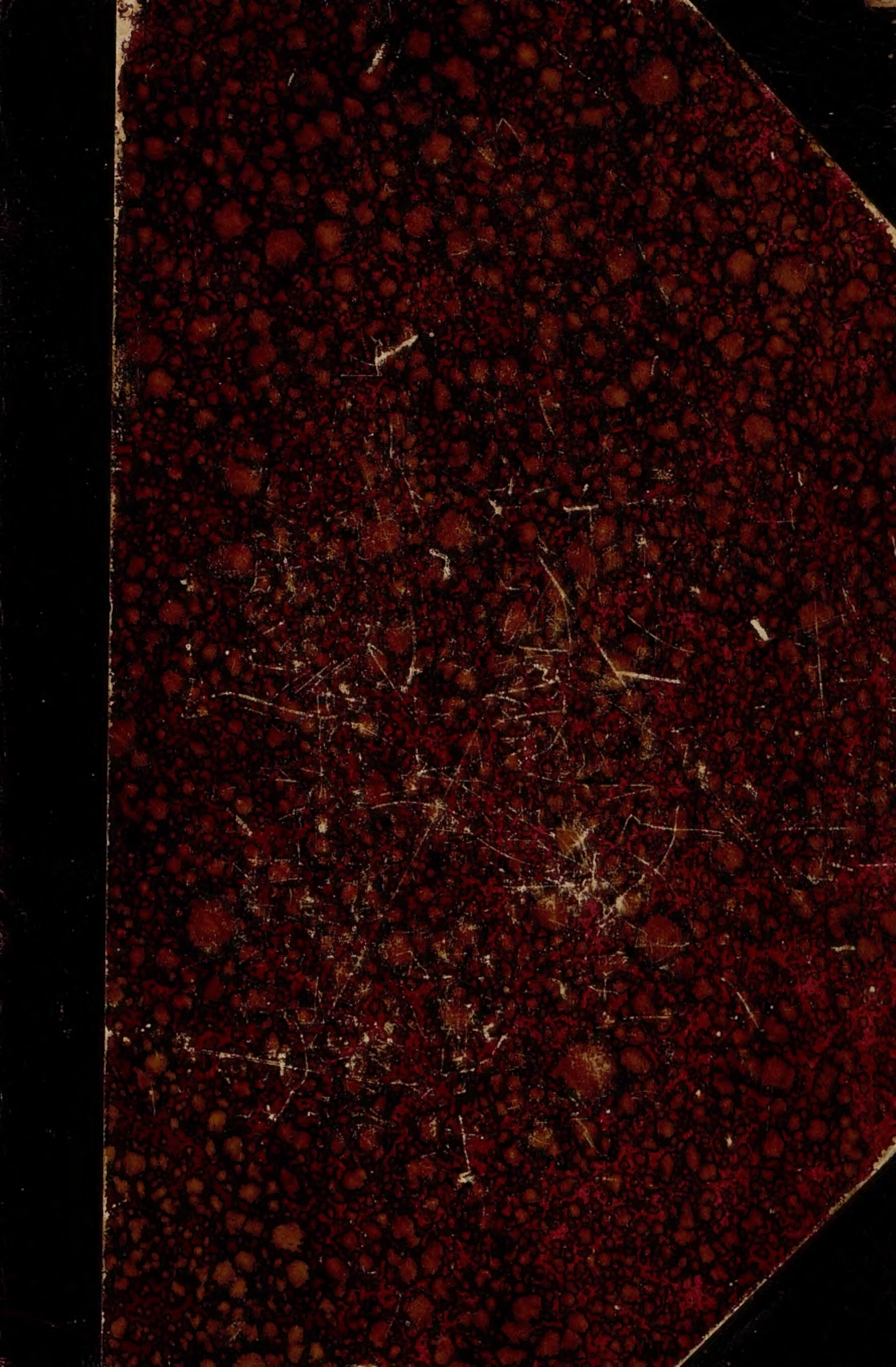
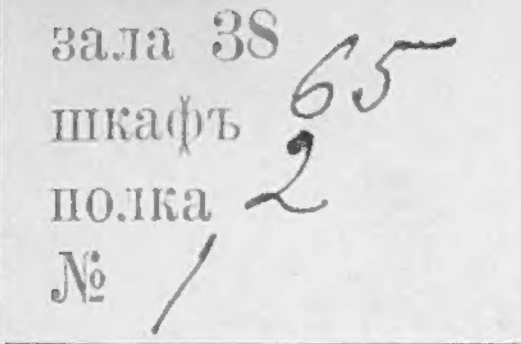

ВОЙНА

НА

ФИНСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ

1854—1855 г.г.

М. Бородкинъ.

Съ рисунками и чертежами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1903.

М. Бородкинъ.

ВОЙНА
НА
ФИНСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ
1854—1855 г.г.

Съ рисунками и чертежами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Великая драма 1854—1855 гг. была разыграна въ главныхъ своихъ частяхъ на Крымскомъ полуостровѣ, почему исторія Восточной войны естественно превратилась въ исторію Крымской войны. Желая разъединить наши силы, непріятель произвелъ весьма серьезную диверсію въ Балтійское море, отправивъ туда невиданный по своимъ размѣрамъ флотъ. Союзныя державы хотѣли поднять тамъ противъ насъ Швецію, взять Кронштадтъ и подвергнуть осадѣ Петербургъ. Какъ ни велика была сама по себѣ эта диверсія, тѣмъ не менѣе, она, по сравненію съ исторіей многострадальнаго Севастополя, явилась только второстепеннымъ эпизодомъ и потому историки Восточной войны не могли удѣлить ей значительнаго мѣста въ своихъ описаніяхъ. Въ четырехтомномъ изслѣдованіи генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича [1], дѣйствіямъ въ Балтійскомъ морѣ отведено только двѣ главы, а Н. Ѳ. Дубровинъ ихъ вовсе не коснулся. Поэтому, не удивительно, что эта часть кампаніи до сего времени мало изслѣдована. И если

[1]) «Восточная война 1853—1856 гг.» Изд. 2-е, СПБ., 1877 года.

она еще нѣсколько разсмотрѣна съ военной точки зрѣнія, то историко-политическая ея сторона остается совершенно нетронутой.

Въ ближайшемъ очеркѣ, мы пытаемся представить преимущественно эту послѣднюю сторону Балтійской кампаніи и то лишь настолько, насколько она коснулась Финскаго побережья. Для этого мы ознакомились съ дипломатическими переговорами, предшествовавшими войнѣ, изучили прежнія описанія этой кампаніи, просмотрѣли воспоминанія современниковъ и изъ имѣвшейся въ нашемъ распоряженіи русской, финляндской и шведской литературы вопроса, извлекли все, заслужившее вниманіе.

Если событія 1854 — 1855 гг. во всей своей совокупности имѣютъ всемірно-историческое значеніе, то полагаемъ, что отдѣльные эпизоды ея, происшедшіе въ раіонѣ Балтійскаго моря, не лишены извѣстнаго интереса и значенія.

Послѣ Крыма, наибольшія испытанія, во время Восточной войны, выпали на долю Финляндіи: она потеряла значительные запасы своей вывозной торговли — досокъ, брусьевъ и смолы — и 60% ея флота были уничтожены, не говоря уже объ общихъ стѣсненіяхъ, причиненныхъ ей строгой двухлѣтней блокадой.

Въ 1863 году, прошелъ слухъ о томъ, что западно-европейскія державы, собираясь напасть на Россію, избрали Финляндію мѣстомъ своей высадки и первой операціи. Говорили даже, что въ архивѣ французскаго штаба сохраняется планъ предполагавшейся войны. (Профессоръ Т. Рейнъ). Это показываетъ, что Финляндія—возможный театръ будущей войны. И такъ какъ Финляндія, кромѣ того, является ближайшей къ русской столицѣ окраиной, то, очевидно, что она должна быть особенно тщательно изучена нами.

Помня, что историкъ не долженъ быть ни прокуроромъ-обвинителемъ, ни адвокатомъ-защитникомъ, мы всюду старались взглянуть прямо въ лицо событіямъ и фактамъ. Описанія прошлаго должны быть правдивы, иначе уроки исторіи не будутъ поучительны и цѣнны.

Недостаточная обработка сего очерка объясняется тѣмъ, что собранныя въ немъ данныя являются лишь *матеріаломъ* для болѣе обширной работы по исторіи Финляндіи.

I.

Накануне войны.

(Взаимныя отношенія Россіи, Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи).

Россія.

«Въ морскихъ романахъ и въ описаніяхъ путешествій главную роль играетъ маленькое черное облачко, въ которомъ опытные капитаны кораблей видятъ предвѣстіе бури, между тѣмъ, какъ пасажиры, не предчувствуя ничего дурного, услаждаются видомъ яснаго неба и спокойнаго моря» [1]... На этотъ разъ роль чернаго облачка сыграла незначительная ссора греческаго духовенства съ латинскимъ въ Іерусалимѣ. Поднявшаяся затѣмъ буря охватила почти весь континентъ Европы и рѣдкое изъ государствъ не потерпѣло весьма существенныхъ аварій.

Главную причину общихъ крушеній каждый объяснялъ по своему. Нашъ посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ, утверждалъ, что она заключалась въ томъ недовѣріи, которое англичане выказали къ политикѣ Императора Николая Павловича. Графъ Орловъ, бывшій уполномоченный Россіи на парижскомъ конгрессѣ, усматривалъ причину войны 1854—1855 г. въ нетерпѣливости Императора, въ ошибкахъ дипломатовъ, а также въ раздражительности и ссорѣ надменнаго и самоувѣреннаго князя Меншикова съ турецкими властями [2]). Маршалъ Вальянъ говорилъ графу П. Д. Киселеву, что не будь письма Императора Николая I, въ которомъ Онъ съ суровой сдержанностью ставилъ на видъ Наполеону III двусмысленность его политики и лицемѣріе его миролюбія, то не было бы и войны [3]). Императрица Евгенія держалась того воззрѣнія, что «война произошла благодаря женскому посольству». Подъ этимъ посольствомъ она разумѣла княжну Ливенъ и госпожу Нарышкину—двухъ національныхъ посланниковъ въ юбкѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отмѣчено въ журналѣ французскаго маршала Кастелана [4]).

Прелюдіею столкновенію, какъ извѣстно, явился вопросъ о Св. мѣстахъ. Этотъ споръ былъ офиціальнымъ юридическимъ поводомъ, но не причиной войны. Для Европы исходная точка столкно-

---

[1]) «Русская Старина» 1887 г., май, стр. 389. [2]) «Древн. и Нов. Рос.» 1878 г., т. VI, стр. 133. [3]) Заблоцкій-Десятовскій. «Вѣстникъ Европы» 1881 г., августъ, стр. 491. [4]) «Рус. Стар.» 1898 г., августъ, стр. 371 и 379.

венія скоро отошла совершенно на задній планъ и она смотрѣла на него съ казеннымъ равнодушіемъ. Только въ Россіи вопросъ о богослуженіи въ Іерусалимѣ принятъ былъ къ сердцу. Въ тѣ времена Гробъ Господень посѣщало ежегодно до 12.000 богомольцевъ и почти всѣ они состояли исключительно изъ нашихъ православныхъ паломниковъ.

Въ Европѣ лишь немногіе оцѣнили значеніе палестинскаго вопроса для Россіи. Въ числѣ ихъ укажемъ на директора политической канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Франціи—Тувенеля. и французскаго представителя при Петербургскомъ дворѣ—генерала Кастельбажака. Первый изъ нихъ писалъ тогда, что для Россіи «это вопросъ жизни и смерти», а второй — призналъ, что споръ о Святыхъ мѣстахъ былъ возбужденъ Наполеономъ III «быть можетъ нѣсколько легкомысленно». («Рус. Вѣстн.» 1892 г., январь, стр. 283 и 284).

И дѣйствительно, принцъ-президентъ республики, по свидѣтельству того же Тувенеля, совершенно не отдавалъ себѣ отчета о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могли произойти отъ возбужденнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ онъ войны тогда не желалъ и не предвидѣлъ той серьезной развязки, которая произошла. Наполеонъ признался однажды, что онъ вовсе не былъ ознакомленъ даже съ подробностями дѣла («Рус. Вѣстн.» 1892 г., январь, стр. 286 и 290). И если тѣмъ не менѣе, онъ, ухватившись за забытый трактатъ 1740 г. и приказалъ своему уполномоченному въ Константинополѣ начать дѣло, то единственно изъ желанія расположить въ свою пользу папу и сильную во Франціи партію клерикаловъ. Религіозное чувство отнюдь не руководило авантюристомъ и «Іерусалимъ не входилъ въ линію его операцій». Западъ того времени не понималъ уже возможности войны изъ-за вѣры, «а потому»,—писалъ Кинглэкъ,—«Европа взирала съ улыбкой на католическую маску», которая была надѣта Людовикомъ Наполеономъ.

Наша дипломатія въ спорѣ о Св. мѣстахъ также не усматривала повода къ войнѣ, почему графъ Нессельроде весьма мало интересовался вопросомъ («Рус. Вѣстн.» 1892 г., январь, стр. 286 и 290). Того же мнѣнія держался и англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. «Раздоры изъ-за однихъ ключей»,—сказалъ онъ,—«никогда не были бы въ состояніи нарушить добрыя отношенія между дружественными державами» [1]).

[1]) Пальмерстонъ писалъ 20-го мая 1850 г. Стратфорду-Каннингу, что при противорѣчивыхъ интересахъ греческой и латинской церкви въ эту минуту гро-

Въ виду этого, истинныя причины страшнаго восточнаго пожара надо искать въ чемъ-то иномъ и преимущественно за кулисами событій того времени. Войну въ дѣйствительности вызвали самыя разнообразныя обстоятельства. Ею преслѣдовались самыя противоположныя цѣли. Клубокъ ея истинныхъ причинъ и цѣлей крайне запутанъ. Нѣкоторыя нити ихъ уходятъ даже довольно далеко въ прошлое. Одна изъ причинъ войны, внѣ всякаго сомнѣнія, кроется въ чрезвычайно усилившемся вліяніи и мощи «сѣвернаго колосса» (С. Жигаревъ. «Рус. политика въ Восточномъ вопросѣ», май, 1896 г., т. II, стр. 62; «Исторія Франціи Грегуара», т. III, стр. 475). Надъ материкомъ Европы безраздѣльно господствовалъ Государь Россіи, «исполняя роль державы покровительницы монархической легитимности» (Грегуаръ, т. III, стр. 475). Европа испугалась за свое равновѣсіе, въ виду громадныхъ размѣровъ нашего отечества и боевыхъ качествъ русскаго солдата. Европа желала поэтому унизить Россію и уменьшить ея значеніе. «Какъ ни важенъ восточный вопросъ»,—сказалъ французскій министръ Друэнъ-де-Луисъ,—«но онъ стоитъ тутъ на второмъ планѣ» (Бутковскій, т. II, стр. 74). Но кромѣ того, за длинный рядъ годовъ во внѣшней политикѣ нами были допущены существенныя ошибки, при постоянномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Запада. Въ Европейскихъ кабинетахъ родилось подозрѣніе въ завоевательныхъ стремленіяхъ Россіи, они опасались покоренія Константинополя, захвата торговли Леванта и подчиненія дунайскихъ княжествъ. Недовольство было всеобщимъ и мы оказались обособленными, такъ какъ прежняя дипломатія друзей намъ не подготовила [1]). Корни остальныхъ причинъ войны надо искать во враждебности къ намъ Великобританіи, которая съ недовѣріемъ смотрѣла на громадные наши арсеналы въ Кронштадтѣ и Севастополѣ (Л. Грегуаръ, т. III, стр. 484), въ личныхъ побужденіяхъ лорда Пальмерстона и Наполеона, въ недоброжелательности Австріи, въ изворотливости и боязни Пруссіи. Въ направленіи ихъ дѣйствій значительную роль играли зависть, интрига и честолюбіе (С. Жигаревъ, т. II, стр. 97 и 98; А. Петровъ. «Историческ. Вѣст.» 1891 г., январь, стр. 103).

зитъ возникнуть вопросъ, который, вѣроятно, поведетъ къ большимъ спорамъ (Бутковскій, т. II, стр. 20).

[1]) «Всему свѣту извѣстная правда есть»,—писалъ канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1745 г.,—«что ни одна держава безъ союзниковъ себя содержать не можетъ» («Историч. Вѣст.» 1889 г., т. I, стр. 72).

Особое значеніе въ свое время англійская печать придала разговору Государя съ Сеймуромъ. 9-го января 1853 г. на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны Императоръ Николай I, милостиво и дружественно бесѣдуя съ англійскимъ посланникомъ, сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что Турція близка къ полному разложенію и потому Россіи и Англіи слѣдовало бы совмѣстно подготовиться, дабы кончина «больного человѣка» не застала ихъ врасплохъ. При раздѣлѣ наслѣдства, Государь предполагалъ предоставить Англіи, за поддержку Россіи, Египетъ и Кандію, а нѣкоторымъ провинціямъ Турецкой имперіи (Сербіи и Болгаріи) даровать автономное управленіе подъ русскимъ главенствомъ. «*Пока мы согласны*»,—прибавилъ Августѣйшій собесѣдникъ,—«*Я не боюсь западной Европы. Что бы остальные ни думали или ни дѣлали, Мнѣ мало нужды*» [1]). Въ другой бесѣдѣ съ тѣмъ же сэромъ Сеймуромъ, Государь прибавилъ: «Скажу вамъ откровенно, что если Англія думаетъ рано или поздно утвердиться сама въ Константинополѣ, то Я этого не потерплю».

Этотъ разговоръ явился историческимъ, хотя въ сущности въ немъ не было высказано ничего новаго, такъ какъ эти же самыя мысли Государь излагалъ уже въ 1844 г., во время своего пребыванія въ Англіи [2]). Турція,—говорилъ тогда Царь Эбердину,—человѣкъ умирающій... Я не желаю наслѣдства больного, но не допущу также, чтобы другія державы чѣмъ-либо попользовались. Подобный же разговоръ Государь имѣлъ съ французскимъ представителемъ при его дворѣ, ген. Кастельбажакомъ. («Русскій Вѣстникъ» 1892 г., февраль, стр. 175). При враждебности къ намъ Англіи, рѣчь Государя была истолкована въ томъ смыслѣ, что Россія въ дѣйствительности нисколько не желаетъ сохраненія Оттоманской имперіи, а, напротивъ, какъ алчный наслѣдникъ съ нетерпѣніемъ ждетъ кончины «опасно больного наслѣдодателя» [3]). Заявленіе же Царя, что онъ не имѣетъ намѣренія «прибавить хотя бы единый вершокъ земли къ пространству Россіи, и безъ того уже обширному», — конечно, пропускалось безъ вниманія (С. Татищевъ. «Внѣшняя политика», стр. 138).

Рѣчь Государя дышала миролюбіемъ и «благородною откровенностью», которую въ данное время Англія не могла и не желала цѣ-

---

[1]) Кинглэкъ. «Рус. Вѣст.» 1866 г., № 8, стр. 744 и 751 (Н. Щебальскій) и Грегуаръ, т. III, стр. 479. [2]) Г. Е. Афанасьевъ. «Внѣшняя политика Наполеона III», стр. 11; Бутковскій, т. II, стр. 16. [3]) Мартенсъ, Ѳ. «Cosmopolis», 1897 г., іюнь, стр. 195.

нить. Она по пальцамъ сосчитала, что ей выгоднѣе было показать міру свое мнимое безкорыстіе и воспользоваться откровенностью русскаго Монарха для своихъ корыстныхъ цѣлей. Рыцарская натура Императора не переносила лжи и не любила обходныхъ путей. Занимавшія Его мысли Императоръ Николай Павловичъ высказалъ изумительно открыто. Его желаніе изгнать турокъ изъ Европы, а также рѣзкій отзывъ о Пруссіи, и особенно игнорированіе другихъ державъ, кромѣ Великобританіи (Альфредъ Рамбо), будучи оглашены въ англійскомъ парламентѣ, произвели громадное впечатлѣніе и нѣтъ сомнѣнія, что сильно содѣйствовали возбужденію общественнаго мнѣнія Европы въ пользу войны [1]).

Императоръ Николай I «не былъ дипломатомъ», имѣлъ теперь основаніе сказать гр. Нессельроде, такъ какъ въ политикѣ едва ли слѣдуетъ возбуждать вопросы объ отдаленныхъ случайностяхъ, которыя может быть никогда и не осуществятся [2]). «Я бригадный генералъ, мало свѣдущій въ политическихъ дѣлахъ», любилъ говорить о Себѣ прямодушный Государь. А между тѣмъ Николай Павловичъ иногда обнаруживалъ изумительно вѣрное пониманіе политическаго настроенія того или другого государства; но обстоятельства непосредственно передъ Крымской войной подняли Его на такую высоту среди Монарховъ, что Онъ лишенъ былъ возможности пристально всмотрѣться въ тѣ мелкіе ходы, которые дѣлались при разныхъ дворахъ. Не далѣе, какъ въ 1852 г. вліяніе Россіи было еще столь громаднымъ, что Императоръ Николай I являлся вродѣ властителя всей Европы [3]). Онъ одинъ диктовалъ ей законы. Въ Берлинѣ на Него смотрѣли, какъ на высшее существо; Франція старалась поддержать въ Немъ благопріятное настроеніе; въ Англіи сообразовались съ Его желаніями; «Венгрія была у ногъ Его Величества»; въ Вѣнѣ, на парадѣ 1852 г., Францъ-Іосифъ торжественно и почтительно передъ фронтомъ своей арміи салютовалъ Ему, какъ избавителю австрійской державы отъ грозной опасности, а въ Варшавѣ тотъ же молодой Францъ-Іосифъ, при взглядѣ на статую Собіескаго, воскликнулъ: «Вотъ первый спаситель Австріи! А Вы — второй! сказалъ онъ затѣмъ обратившись къ Императору Николаю I (Грегуаръ, т. III, стр. 476). Въ предположеніяхъ о дѣлежѣ Турціи, Императоръ Николай I игнорировалъ Пруссію и Австрію. «Пруссія вездѣ встрѣчала Россію на своей дорогѣ, Николай I,— писалъ

---

[1]) «Русская Старина» 1887 г., май, стр. 372. Записка гр. Фицтума-фонъ-Экштедта. [2]) Мартенсъ, Ѳ. «Cosmopolis» 1897 г., іюнь, стр. 195. [3]) «Русская Старина» 1898 г., апрѣль, стр. 258 и Л. Грегуаръ, т. III, стр. 475.

Ротанъ,—обращался съ нею, какъ съ бѣднымъ родственникомъ, не заботясь о томъ, чтобы щадить ея самолюбіе» [1]). «Пруссія у меня въ карманѣ»,—говорилъ русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, очевидно, усвоивъ себѣ нѣсколько высокомѣрный взглядъ на нашу сосѣдку. Францію Императоръ Николай I вообще не признавалъ опасной, а на Австрію и Пруссію смотрѣлъ, какъ на своихъ союзниковъ.

Какъ только Россія очутилась лицомъ къ лицу передъ труднѣйшей политической дилеммой—восточнымъ вопросомъ, то оказалось, что главные представители нашей дипломатіи заблуждались. Баронъ Бруновъ невѣрно понялъ и оцѣнилъ настроеніе англійскаго общества; князь Горчаковъ взялъ излишне угрожающій тонъ при вѣнскомъ дворѣ, а князь Меншиковъ заносчиво велъ себя въ Константинополѣ. Когда однажды Николай I выразилъ Сеймуру Свою непоколебимую вѣру въ дружбу королевы, то посланникъ, признавъ прочность дружбы, почтительнѣйше и осторожно напомнилъ, что личное вліяніе королевы въ дѣлахъ парламента Великобританіи и общественнаго мнѣнія незначительно [2]). И дѣйствительно, королевская власть въ Англіи давно уже представляла изъ себя «тѣнь безъ тѣла». Относительно Пруссіи князя Горчакова опредѣленно предостерегалъ графъ Буоль—министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи. «Что вамъ Пруссія? сказалъ онъ въ декабрѣ 1854 г. Офиціозно она вамъ благопріятна, а офиціально она вамъ враждебна» (hostile) [3]). Но подобныя указанія прошли какъ-то незамѣченными, а «кровосмѣсительнаго» союза Англіи съ Франціею Николай I тогда совершенно не допускалъ. Онъ не въ состояніи былъ даже предположить, чтобы «палачи Наполеона I могли вступить въ соглашеніе съ побѣжденными при Ватерлоо» (Л. Грегуаръ, т. III, стр. 182). Но, какъ оказалось, этотъ союзъ былъ въ то время уже рѣшенъ, если не заключенъ [4]).

Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что наша дипломатія не находилась въ то время на высотѣ своего призванія. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ графъ Нессельроде, который, хотя отличался умомъ и ловкостью, но по душѣ не былъ русскимъ [5]). Достаточно затѣмъ отмѣтить, что въ 1854 г. 81% нашихъ

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1890 г., апрѣль, стр. 31. [2]) «Мои воспоминанія», Кн. В. П. Мещерскій, т. I, стр. 18—19. [3]) «Русская Старина» 1888 г., октябрь. стр. 247. [4]) «Русская Старина» 1898 г., апрѣль, стр. 258—259.

[5]) Князь Мещерскій. «Мои воспоминанія», т. I, стр. 43. Для характеристики вице-канцлера, гр. Нессельроде, интересна слѣдующая маленькая выписка изъ

дипломатическихъ должностей было довѣрено иностранцамъ (С. Татищевъ). И этимъ-то лицамъ, нерѣдко не знавшимъ русскаго языка и Россіи и вовсе не понимавшимъ и не любившимъ нашего народа, надлежало отстаивать самые жизненные интересы Имперіи. Ихъ преклоненіе передъ тѣми дворами, при которыхъ они состояли акредитованными, иногда заходило столь далеко, что возбуждало ироническіе отзывы самихъ иностранныхъ монарховъ. «Баронъ Бруновъ», писалъ, напримѣръ, принцъ Альбертъ (Стокмару), «проливаетъ обильныя слезы, главнымъ образомъ потому, что его не оставили посломъ въ Лондонѣ». Викторія сообщила королю бельгійскому, «что Бруновъ былъ такъ возбужденъ нервно, такъ «ému» что съ трудомъ могъ говорить [1]).

Неудачно было также, какъ мы уже упоминали, и избраніе кн. А. С. Меншикова для исполненія дипломатическаго порученія. Онъ своимъ вызывающимъ движеніемъ въ Константинополѣ «далъ сильный толчекъ лавинѣ, разрушившей въ своемъ стремительномъ паденіи послѣдніе устои международнаго мира». Ко всему этому приходится добавить, что въ восточномъ вопросѣ наша политика не обходилась безъ значительныхъ колебаній. Было время, когда мы обнажили оружіе даже въ защиту Турціи (въ 1833 году въ періодъ возстанія противъ султана, египетскаго паши, Магометъ-Али).

Что касается лично Императора Николая Павловича, то несомнѣнно, что въ его дѣйствіяхъ всегда было много рыцарства, много возвышеннаго и благороднаго чувства; искренность и правдивость дышали въ его словахъ. «Мнѣ не нужно протоколовъ или договоровъ, общее согласіе достаточно между честными людьми», сказалъ онъ Сеймуру. Эту черту Его характера вынуждены признать всѣ историки, даже тѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ (какъ, напримѣръ, Альфреда Рамбо, шведскихъ историковъ и друг.) сквозитъ противъ Него недовольство. Николай I горячо любилъ миръ и думалъ даже о сокращеніи Своей арміи (Барсуковъ, Н., т. XIII, стр. 33), но въ политикѣ Онъ смотрѣлъ на Европу, какъ на одно политическое зданіе, каждый камень котораго, отторгнутый изъ его стѣны, могъ по-

---

письма извѣстнаго поэта Ѳ. И. Тютчева: «Мальцевъ вообразилъ на-дняхъ, будто ему позволено будетъ сказать (въ какой-то невинной статейкѣ, «Journal de St.-Petrsbourg»), что англичане на нашихъ берегахъ ведутъ войну, какъ морскіе разбойники, и что же! канцлеръ вычеркнулъ ему это выраженіе, какъ слишкомъ оскорбительное. Вотъ они, тѣ люди, — восклицаетъ Тютчевъ, — что управляютъ судьбами Россіи среди самаго грознаго перелома, когда-либо потрясавшаго міръ!». («Русскій архивъ», 1899 г., т. III, стр. 510).

[1]) «Древняя и новая Россія», 1878 г., т. V стр. 135.

влечь за собою ея разрушеніе (Н. С. Листовскій), да кромѣ того, «политика законности священнаго союза была его религіей», какъ выразился Бунзенъ.

Отношенія Императора Николая I къ Австріи, особенно поразили кн. Бисмарка, и онъ въ своихъ «мемуарахъ» отводитъ особое мѣсто «австрофильству» Государя. «Врядъ ли можно», — писалъ Бисмаркъ,—«встрѣтить еще одинъ примѣръ монарха великой державы, который оказалъ бы сосѣду такія же услуги, какъ Императоръ Николай I австрійской имперіи. Онъ выслалъ 150,000 чел. для усмиренія Венгріи, возстановилъ власть, не требуя выгодъ или вознагражденія, не упомянувъ даже о спорныхъ вопросахъ на востокѣ и въ Польшѣ». Въ выводѣ Бисмаркъ называетъ Императора Николая I «преувеличенно рыцарскимъ самодержцемъ, идеальной натурою». Причину такого любезнаго отношенія Государя къ Австріи Бисмаркъ объяснялъ тѣмъ, что Николай Павловичъ смотрѣлъ на Франца-Іосифа, какъ на Своего преемника по охраненію консервативныхъ принциповъ. «Вы должны знать»,—сказалъ Императоръ Николай I сэру Гамильтону Сеймуру, — «что, когда Я говорю о Россіи, Я имѣю всегда въ виду и Австрію»,—до такой степени Монархъ Россіи связывалъ тогда Свои интересы съ австрійскими (Л. Грегуаръ, т. III, стр. 480).

Европа, къ несчастію, заподозрѣла вѣнценоснаго правителя Россіи въ завоевательныхъ стремленіяхъ, несмотря на то, что Онъ неоднократно заявлялъ о полномъ Своемъ нежеланіи слѣдовать въ этомъ направленіи политикѣ Екатерины II и честнымъ словомъ Своимъ завѣрялъ, что не ищетъ завоеваній. «Я не наслѣдовалъ видѣній и фантазій Екатерины, Моя имперія обширна, во всѣхъ отношеніяхъ счастливо расположена и было бы неблагоразумно желать бо́льшаго. Опасность для Россіи заключается именно въ ея обширности» (Бутковскій, т. II, стр. 16 и 23; также «Русскій Вѣстникъ» 1892 г. февраль, стр. 175). Гордость Николая Павловича заключалась въ иномъ.

«Намъ добро, никому зло», подписалъ Императоръ на всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представленномъ гр. Нессельроде, по случаю 25-ти-лѣтія Его царствованія. Этотъ отчетъ подвелъ итоги нашей политикѣ за четверть вѣка, предшествовавшаго Крымской войнѣ, поэтому необходимо извлечь изъ него наиболѣе существенныя указанія.

«Первымъ политическимъ шагомъ Вашего Величества руководили религія и человѣколюбіе... Греціи былъ обезпеченъ независи-

мый образъ правленія... Послѣ переворотовъ 1830 г. Ваше Величество сдѣлались въ глазахъ всего міра представителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ порядка и безпристрастнымъ защитникомъ европейскаго равновѣсія. Но эта благородная роль требовала постоянно напряженныхъ усилій и непрестанной борьбы... Могучая длань Вашего Величества давала себя чувствовать вездѣ, гдѣ колебались престолы и гдѣ общество, потрясенное въ своихъ основахъ, склоняло главу подъ гнетомъ пагубныхъ ученій». Затѣмъ гр. Нессельроде указывалъ на то, что одной изъ задачъ Государя было ослабить, по мѣрѣ возможности, союзъ, возникшій между іюльскою монархіею во Франціи и либеральною Англіею. Впослѣдствіи Россіи удалось достичь этого и Нессельроде придаетъ сему обстоятельству особое значеніе. Мюнхенгрецкій и Теплицкій договоры служили оплотомъ противъ постоянно возраставшихъ волнъ демократіи и дали возможность подавить польское возстаніе въ Краковѣ, Галиціи и Познани.

Особое же вниманіе было обращено Его Величествомъ на вопросы, касавшіеся Турецкой имперіи. Она была близка къ паденію и нужно было поэтому обезпечить Россіи свободу дѣйствій въ будущемъ. Государь поддерживалъ неприкосновенность Турціи и два раза она была спасена Его вмѣшательствомъ.

Революціонное пламя продолжало тлѣть подъ пепломъ. Въ 1848 г. Государю, какъ блюстителю порядка, успокоителю и умиротворителю, пришлось выступить съ особой силой. Революціонная анархія поражалась вездѣ, гдѣ ей можно было нанести ударъ. Возстаніе въ Валахіи было подавлено. Ограждена была неприкосновенность обѣихъ Сицилій отъ посягательствъ Великобританіи. Въ Ютландіи власть была поддержана отъ посягательствъ на нее нѣмецкой демократіи. Австріи была предоставлена возможность завоевать обратно Ломбардо-Венеціанское королевство. Роль охранителя и умиротворителя «возложена, Государь, на Васъ событіями и Провидѣніемъ»,—писалъ гр. Нессельроде. «Двѣ великія державы Германіи прибѣгали къ третейскому суду Вашего Величества». «Поэтому, осмѣлюсь повторить, положеніе Россіи и ея Монарха никогда еще, съ самаго 1814 г., не было болѣе славно и могущественно». Таковъ въ главныхъ своихъ чертахъ всеподданнѣйшій докладъ слуги Его Величества, состарѣвшагося на службѣ своему отечеству «своимъ Государямъ», какъ писалъ гр. Нессельроде («Сборникъ Императорскаго историческаго общества», т. 98, стр. 287—298).

Разсмотрѣнныя нами событія вполнѣ подтверждаютъ основныя положенія доклада.

«Наша умѣренность», сказалъ однажды Императоръ [1]), — зажметъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью». Но и это справедливое ожиданіе не оправдалось. Западъ ненавидѣлъ Россію. Въ либеральной и революціонной Европѣ распространено было воззрѣніе, что Россія является постояннымъ препятствіемъ прогреса. Царь же, пресѣкая революціи, законно желалъ огражденія своихъ польскихъ земель отъ увлеченія общимъ теченіемъ запада. Если къ этому прибавить, что огромное большинство населенія запада вовсе не имѣло о ней никакого понятія, то легко объяснить ту озлобленность, которая съ особой силой сказалась къ ней непосредственно передъ Крымской войной [2]). «Не могу пересказать вамъ, какъ грустно русскимъ въ нынѣшнюю минуту за-границей»,—писала 12-го апрѣля 1854 г. А. Смирнова изъ Дрездена Погодину. Въ гостиницахъ, на торжищахъ... лишь слышишь одно ругательство, зависть, ненависть къ Россіи. Не говорю уже о газетахъ... всякій листъ придаетъ пудъ желчи. Настаетъ трудное время Россіи, какъ кажется и всему міру. Ликвидація будетъ, кажется, въ огромномъ размѣрѣ...» (Н. Барсуковъ, кн. XIII, стр. 83). Читавшіе газеты того времени, свидѣтельствуютъ также о той изолированности, въ которой очутилась Россія, которую «буквально изгоняли изъ Европы». Безыменныя *французскія* брошюры дѣлили карту Европы, отнимая у насъ Финляндію, Польшу, Крымъ и Кавказъ. Члены *англійской* палаты лордовъ громко говорили о необходимости прогнать насъ не только за Двину, но и за Уралъ («Вѣстникъ Европы» 1879 г., мартъ, стр. 172).

При указанныхъ условіяхъ Императору Николаю I пришлось рѣшать политическую дилемму. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ сохранить собственную самостоятельность, а съ другой — удовлетворить требованія запада, т. е. «одною рукою. Онъ отстранялъ Европу отъ востока, а другой призывалъ ее на соглашеніе». Самъ Онъ отказывался отъ наслѣдства больного человѣка, но въ то же время рѣшилъ не допустить перехода его въ руки другихъ государствъ. Стратфортъ-Редклифъ сказалъ нашему посланнику въ Константинополѣ (Озерову), что «слишкомъ тѣсная дружба между

---

[1]) С. Татищевъ. «Внѣшняя политика Императора Николая I», стр. 213.

[2]) «Мы слышимъ клеветы, мы слышимъ оскорбленія тысячеглавой лжи газетъ—измѣны, зависти и злобы порожденіе — друзей у нашей Руси нѣтъ», какъ говорилось въ одномъ современномъ стихотвореніи.

Россіей и Турціей возбудить столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько и разрывъ, который поведетъ за собой войну» («Русскій Вѣстникъ», 1877 г., т. XII, стр. 726). Кромѣ того, какъ было согласовать постановленія мусульманства съ требованіями христіанъ? Получалось, такимъ образомъ, нѣчто совершенно непримиримое. «Отстаивая сохраненіе Турціи, Европа имѣла въ виду огражденіе ея именно противъ Россіи» [1]). Покорить же Европу своей волѣ болѣе нельзя было.

Все, слѣдовательно, роковымъ образомъ вело къ войнѣ. Восточный вопросъ былъ поднятъ. Европейскія государства вмѣшались въ дѣло Россіи съ Турціей и при этомъ каждая изъ западныхъ державъ преслѣдовала исключительно только *свои* собственные интересы, которые являлись совершенно противоположными интересамъ Россіи. Согласовать русскіе и западно-европейскіе интересы и требованія не представлялось никакой возможности. Предоставить западу рѣшить дѣло по своему усмотрѣнію также нельзя было. Выходило такъ: какъ бы ни дѣйствовать, противъ ли Турціи или противъ запада, мы неизбѣжно сталкивались съ Европой въ Константинополѣ [2]). Получилось желѣзное кольцо, изъ котораго не было выхода; все было затянуто мертвой петлей! Веллингтонъ сказалъ когда-то, что легко было бы рѣшить восточный вопросъ, если бы былъ не одинъ, а два Константинополя. Но въ данномъ случаѣ, восточная дилемма не приводилась къ благополучному концу даже и этимъ остроумнымъ рѣшеніемъ. «Все окончится благополучно, если всѣ будутъ дѣйствовать добросовѣстно», сказалъ Императоръ Николай Павловичъ Кастельбажаку («Русскій Вѣстникъ», 1892 г., февраль, стр. 174). Но въ томъ то и дѣло, что о добросовѣстномъ рѣшеніи восточнаго вопроса никто тогда, кромѣ Державнаго правителя Россіи, и не думалъ.

Франція.

Наполеонъ III мечталъ о томъ, какъ бы вырвать нравственную гегемонію надъ Европой изъ рукъ Русскаго Царя, какъ бы убавить «чрезмѣрное честолюбіе» у этого Короля Королей, уничтожить трактатъ 20-го ноября 1815 г., которымъ потомство Наполеона I навѣки устранялось отъ французскаго престола, какъ бы возвратить Франціи ея «естественныя границы» и какъ бы сдѣлаться властели-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1891 г., т. XII. [2]) Тамъ же, т. XI.

номъ судебъ міра. По словамъ французскаго историка (Л. Грегуара, т. III. стр. 490), Наполеонъ III тѣмъ не менѣе, «думалъ гораздо больше о себѣ, чѣмъ о Франціи: вовлекая страну въ грандіозную войну съ Россіей), онъ руководился больше всего своимъ личнымъ честолюбіемъ».

На французскій тронъ Наполеонъ взошелъ по трупамъ, которыми были покрыты бульвары Парижа. О началѣ его царствованія Франція была извѣщена «ураганомъ пуль и картечи». Тѣмъ не менѣе, онъ смѣло возвѣстилъ народу, что «Имперія—это міръ» [1]). Но такъ какъ корона шаталась на его головѣ, а власть, вчера родившаяся и неимѣющая корней въ странѣ, конечно, не могла разсчитывать на завтрашній день, то пришлось сейчасъ же подумать о средствахъ укрѣпленія этой власти. Наполеонъ желалъ царствовать, а для этого нужно было прежде всего удовлетворить національное самолюбіе французовъ и доставить великой націи волненіе битвъ, славу оружія, владычество въ Европѣ (Грегуаръ, т. III, стр. 474). «Правительство, запрещающее намъ удовлетворять наши страсти на трибунѣ,—сказалъ Тьеръ (въ разговорѣ съ Сеньоромъ), должно дать имъ полный просторъ на полѣ сраженія. Затрудненіе будетъ заключаться не въ томъ, чтобы затѣять войну, а въ томъ, чтобы избѣжать ея [2]). То же самое блестяще предсказалъ и гр. Нессельроде въ началѣ 1853 года. «Наполеону», — писалъ онъ барону Бруннову,—«нужна война во что бы-то ни стало, и онъ ее непремѣнно вызоветъ» [3]). Гр. Нессельроде пошелъ далѣе и показалъ, что наиболѣе выгодно Наполеону вызвать войну съ Россіей, такъ какъ эта война не потребуетъ всѣхъ силъ Франціи и не коснется ея границъ. Русскій флотъ легко уничтожить, города по Черному морю можно сжечь, бунтовщикамъ на Кавказѣ полезно подать подкрѣпленіе. Жертвъ на все это много не потребуется, а шуму и славы будетъ достаточно [4]). Вскорѣ, по его воцареніи, изъ Парижа пошли происки во всѣ стороны. По свѣту пускалась всякая ложь. Казеннымъ барометромъ являлась газета «Монитёръ». Она, конечно, показывала хорошую погоду, хотя воздухъ давно уже былъ наполненъ электричествомъ [5]) и пахло даже порохомъ.

---

[1]) Все его царствованіе полно было войнъ: 1853—1856—съ Россіей, 1859—съ Австріей, 1870—съ Пруссіей. [2]) Г. Е. Афанасьевъ. «Внѣшняя политика Наполеона III»; стр. 10. [3]) «Вѣстникъ Европы», 1898 г., апрѣль, ст. Ѳ. Мартенса. [4]) «Вѣстникъ Европы» 1898 г., апрѣль, ст. Ѳ. Мартенса. [5]) Войной на востокѣ Наполеонъ хотѣлъ утвердить свою новую династію и доставить ей извѣстный престижъ либерализма (Грегуаръ, т. III, стр. 485).

Извѣстно затѣмъ, что Императоръ Николай I не согласился признать Наполеона III равнымъ Себѣ и потому называлъ его въ Своихъ письмахъ «Sire et bon ami», а не «Sire et Bon Frère», какъ принято между монархами [1]). Письмо Николая Павловича показалось Императрицѣ Евгеніи не только холоднымъ и суровымъ, но личной обидой и это она успѣла внушить своему коронованному супругу. Заслуживаетъ вниманія маленькая подробность. Въ 1830 и 1848 гг., когда прусскій король думалъ о демонстраціи французской имперіи, то Императоръ Николай I писалъ ему: «Необходимо щадить щекотливость французовъ. Не слѣдуетъ (поэтому) дѣлать военныхъ демонстрацій и затѣвать ссоры изъ-за титула». А теперь несоблюденіе общепринятой формы письма дало Наполеону поводъ къ войнѣ, которая положила конецъ преобладающей роли Россіи въ Европѣ [2]).

Радуясь тайно возникшему недоразумѣнію, Наполеонъ офиціально искусно прикрывался миролюбіемъ. Передъ окончательнымъ разрывомъ, онъ обратился къ Государю съ собственноручнымъ письмомъ, вызывая къ примиренію и мудрости. Чтобы всѣ знали о его благихъ стремленіяхъ, письмо было обнародовано въ газетахъ Франціи («Вѣстникъ Европы», 1879 г. февраль, стр. 685).

Къ театральнымъ эфектамъ онъ прибѣгалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Историкъ Грегуаръ говоритъ, что Наполеонъ, не безъ разсчета на эфектъ, рисовался своимъ великодушіемъ во время парижскаго конгреса.

«Показавъ свою силу на войнѣ, онъ хотѣлъ показать свою умѣренность послѣ побѣды». Другой примѣръ. Когда войска возвращались изъ Крыма въ Парижъ, то придуманъ былъ новый эфектъ: образовали авангардъ изъ баталіона раненыхъ и изувѣченныхъ воиновъ, которыхъ сопровождалъ священникъ («Исторія Франціи», т. III, стр. 528 и 534).

Говоря объ отношеніи Россіи къ Франціи, наканунѣ Крымской войны, нельзя не упомянуть о воззрѣніяхъ М. Погодина. Заслуживаетъ вниманія то упорство, съ которымъ Погодинъ, начиная съ 1842 г., пропагандировалъ союзъ съ Франціей [3]). «Франція», — писалъ онъ, — «естественная вѣрная, полезная союзница Россіи»; въ

---

[1]) Къ Наполеону отнеслись въ Петербургѣ, какъ къ шляпѣ, временно занявшей мѣсто законной короны, — какъ выразился Тувенель («Русскій Вѣстникъ», 1892 г., январь, стр. 295). [2]) «Русская Старина», 1898 г., апрѣль, стр. 257. [3]) Союзъ съ Франціей поддерживалъ и французскій представитель Кастельба-

союзѣ съ Франціей, Россія можетъ управлять Европой»... Главное въ политикѣ — польза, а союзъ съ Франціей полезенъ для Россіи. Даже въ эпоху Крымской войны Погодинъ остался убѣжденнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза. Непрочность французскаго правительства онъ не считалъ препятствіемъ для этого союза, такъ какъ «у французовъ внѣшняя политика не зависитъ никогда отъ образа правленія». Погодинъ находилъ тогда, что изъ всѣхъ нашихъ враговъ, съ Франціей легче всего примириться. При Императорѣ Николаѣ I твердить подобныя мысли было безполезно. Наполеонъ III выражалъ (нашему послу, гр. Киселеву) свое восторженное отношеніе къ личности русскаго монарха, но ничто не помогало. Послѣ кончины Николая Павловича, Погодинъ опять выступилъ со своимъ проектомъ. По мнѣнію нашего историка, Наполеону не надо было ни Севастополя, ни Бессарабіи. Владѣній въ Азіи Франція не имѣетъ, по Дунаю суда французскія не плаваютъ, и до славянъ нѣтъ никакого дѣла французамъ... Пламенная фантазія московскаго патріота рисовала ему въ будущемъ слѣдующую картину: «Русскіе великіе князья на престолахъ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Молдавіи, Валлахіи, а Петербургъ—въ Константинополѣ». Были и среди французовъ такіе, которые смотрѣли на дѣло почти также, какъ Погодинъ. Въ журналѣ маршала Кастеллана, отъ 19-го декабря 1855 года находимъ слѣдующую знаменательную отмѣтку: «Между французами и русскими нѣтъ никакой ненависти; и тѣ и другіе говорятъ, что они другъ друга уважаютъ и дерутся лишь потому, что должны исполнять долгъ. Позднѣе, между Франціею и Россіею будетъ союзъ». («Русская Старина», 1898, августъ, стр. 379).

Англія.

Внѣшней политикой Англіи въ разсматриваемое время завѣдывали Джонъ Россель и лордъ Пальмерстонъ. Послѣдній, замѣтивъ несогласіе, возникшее между Парижемъ и Петербургомъ, поспѣшилъ, во 1-хъ, поздравить Людовика-Наполеона съ восшествіемъ на престолъ, а, во 2-хъ, протянуть ему руку помощи къ начатой борьбѣ. Пальмерстонъ — давнишній врагъ Россіи. Пары недовольства и злобы онъ сталъ разводить уже въ тридцатыхъ годахъ, но

жакъ. За это онъ поплатился своей дипломатической карьерой («Русскій Вѣстникъ», 1892 г., февраль, стр. 177).

тогда ему не удалось составить противъ насъ сильной коалиціи, а до единоборства Англія, какъ извѣстно, не охотница. Въ Наполеонѣ III лордъ Пальмерстонъ усмотрѣлъ весьма подходящаго союзника и потому съ удвоенной силой принялся за старую интригу, надѣясь въ то же время достичь популярности и прослыть великимъ человѣкомъ. Этотъ лордъ, съ «путанной головой» и высокомѣрнымъ характеромъ, не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія намѣченной цѣли [1]).

Онъ давно и систематически возбуждалъ противъ Россіи общественное мнѣніе и, наконецъ, достигъ того, что англійскіе государственные люди боялись встать на защиту русскаго дѣла, такъ какъ такое заступничество знаменовало собой въ глазахъ населенія или бездарность, или слабость характера. (Ѳ. Мартенсъ; Cosmopolis журналъ, 1897 года, іюнь, стр. 188 и 191). Пальмерстонъ былъ весьма послѣдователенъ въ достиженіи желаемой цѣли. Замѣтивъ, напримѣръ, что лордъ Дюрэмъ, состоявшій при нашемъ дворѣ, подпалъ подъ обаяніе личности Императора Николая I, онъ отозвалъ этого посланника изъ Петербурга. Нечего и говорить о томъ, что въ борьбѣ Стратфорта съ княземъ А. Меншиковымъ въ Константинополѣ, Пальмерстонъ являлся главнымъ вдохновителемъ перваго. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что на совѣсти Англіи осталось подстрекательство турокъ къ войнѣ. «Если бы англичане и французы не вмѣшались такъ безсовѣстно и съ такою злостью въ наши дѣла съ турками, — читаемъ въ письмѣ князя М. С. Воронцова, — то султанъ, конечно бы, помирился» [2]). Англія, руководимая Пальмерстономъ, вообще, вела себя столь безцеремонно, что графъ Нессельроде призналъ систему, принятую англійскимъ кабинетомъ, безпримѣрной и неслыханной въ лѣтописяхъ исторіи [3]). И не одинъ графъ Нессельроде. Извѣстный нашъ поэтъ В. А. Жуковскій аттестовалъ Пальмерстона «злымъ геніемъ нашего времени», человѣкомъ «съ капризной волей» и чуждымъ «всякаго уваженія къ высшей правдѣ». «На бѣду нашего вѣка,» — продолжаетъ Жуковскій, — «и къ безчестію англійскаго народа, рулемъ ея корабля управляетъ рука, недостойная такой чести и власти...» «Англія, при всемъ своемъ народномъ величіи, не иное что, какъ всемірный корсаръ,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1898 г., январь, стр. 11. [2]) «Н. Барсуковъ», т. XIII, стр. 33.—Альфредъ Рамбо въ своей исторіи Россіи, приписываетъ неудачу посольства князя Меншикова воздѣйствію Франціи (такъ какъ 20-го марта, французскій флотъ былъ уже въ греческихъ водахъ). [3]) «Вѣстникъ Европы» 1891 года, апрѣль, стр. 594.

сообщникъ сперва потаенный всѣхъ мелкихъ разбойниковъ, губящихъ явно и тайно въ другихъ народахъ порядокъ общественный, а теперь и явный разбойникъ, провозглашающій, какъ послѣдній результатъ христіанской цивилизаціи, право сильнаго и безъ стыда подымающій красное знамя коммунизма... Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Какой мятежникъ не былъ признанъ союзникомъ ея правителя?» — (Соч. Жуковскаго; изд. 7-е; СПБ. 1878 года, стр. 190 и 192). Эта характеристика была сдѣлана въ 1849 году, т. е. за четыре года до войны, когда русскій писатель имѣлъ возможность отнестись къ событіямъ спокойно и разсудительно.

Императоръ Николай I хотѣлъ думать, что королева Викторія, по крайней мѣрѣ, уважала Его и сочувствовала Его воззрѣніямъ. Изъ сочиненія Мартина (Th. Martin), пользовавшагося письмами и дневникомъ королевы, становится, однако, очевиднымъ, что супругъ ея, принцъ Альбертъ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ противниковъ Россіи. Онъ же, какъ извѣстно, руководилъ королевой, очень усердно кореспондировалъ со всѣми европейскими дворами и, наконецъ, ему приписывается мысль объ избраніи Крыма мѣстомъ высадки союзныхъ войскъ [1]).

Принцъ Альбертъ понималъ, что Россію нельзя завоевать, но надѣялся, что отъ нея могутъ отпасть западныя области. Въ этомъ отношеніи онъ, въ извѣстной мѣрѣ, сходился съ Наполеономъ, который обдумывалъ планъ поднятія народнаго возстанія на Кавказѣ, въ Финляндіи и въ Польшѣ [2]).

Свое вмѣшательство въ русско-турецкія дѣла, Англія прикрыла звонкими заявленіями о необходимости сохраненія цѣлости и не-

---

[1]) Вопросомъ о высадкѣ на берега Крыма (у Евпаторіи) занимался уже французскій генералъ Гильемино, посолъ въ Константинополѣ въ 1840 г. («Вѣст. Евр.» 1879 г., февр., стр. 637). Въ 1854 г. предложеніе объ отправкахъ союзныхъ флотовъ въ Черное море исходило отъ Наполеона («Вѣст. Евр.» февр., стр. 681). Югъ былъ, кромѣ того, наиболѣе открытою частью Россіи.

[2]) «Древн. и Нов. Рос.» 1878 г., т. VI, стр. 128 и «Политич. ист. совр. Евр.» т. III. Сеньобоса, т. II, стр. 729—730. Въ періодъ наибольшаго расположенія прусскаго короля Фридриха Вильгельма къ Россіи, когда прусскій кронпринцъ, недовольный направленіемъ политики, неожиданно покинулъ Берлинъ, королева Викторія писала Фридриху-Вильгельму: «Если такія лица, и въ томъ числѣ любящій братъ, во всѣхъ отношеніяхъ благородный, рыцарственный принцъ, ближайшій къ престолу человѣкъ, принуждены были отвернуться отъ васъ въ такомъ важномъ переломѣ, то это признакъ, который долженъ былъ-бы заставить ваше величество подумать, нѣтъ ли правды въ ихъ мнѣніяхъ». («Истор. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 604). Это письмо королевы Англіи также опредѣленно показываетъ, въ какую сторону ей желательно было склонить дѣло.

прикосновенности Турціи для успѣховъ цивилизаціи и общаго благосостоянія Европы. Эти заявленія исполнены были такой лжи что нѣкоторые честные англичане тогда же усмотрѣли необходимость ихъ разоблаченія. «Наша любовь къ просвѣщенію въ то время, когда подчиняемъ грековъ и христіанъ туркамъ постыдна,— говорилъ Брайтъ,—и жертвы, приносимыя нами во имя свободы, въ то время какъ мы исполняемъ приказанія императора французовъ, уничтожавшаго свободную конституцію и разсѣявшаго военною силою національное собраніе,—суть лицемѣріе» [1]).

Истинная причина особенной заботливости англичанъ о неприкосновенности Турціи сама собой понятна. Англія ревнива на морѣ. Въ данномъ случаѣ ее тревожили морская сила Россіи, ея торговля и естественное стремленіе войти въ ближайшія сношенія съ Малой Азіей [2]). Кромѣ того, Англія не хотѣла допустить, чтобы русскіе стали хозяевами Чернаго моря [3]) и не превратили его въ «un lac russe» (О. Мартенсъ, Cosmopolis, 1897 г., іюнь, стр. 197). Война для Англіи сводилась, какъ всегда, къ вопросу о торговомъ балансѣ, о новыхъ рынкахъ.

Послѣ Восточной войны англійскіе дипломаты пытались убѣдить свѣтъ, что Великобританія была вовлечена въ борьбу помимо ея желанія. По поводу одного подобнаго увѣренія, графъ П. Д. Киселевъ напомнилъ англичанину о рѣчи лорда Кларендона, произнесенной въ палатѣ общинъ 24-го февраля 1854 г. «Война противъ Царя не приведетъ ни къ чему, если оставятъ въ цѣлости когти Его: Онъ будетъ дѣлать ими захваты и впредь. Надо заставить Его возмѣстить съ избыткомъ и 100.000,000, и потоки крови, которыми пожертвуетъ Европа въ борьбѣ съ Нимъ; заплатить же все это Онъ долженъ не деньгами, а возвратомъ всѣхъ захваченныхъ территорій, захватовъ, угрожающихъ спокойствію сосѣднихъ державъ. Европа до тѣхъ поръ не будетъ покойна, пока притязанія петербургскаго кабинета въ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Даніи и Турціи не будутъ устранены; безъ этого, во всѣхъ этихъ государствахъ никакая либеральная политика невозможна. Поэтому необходимо разъ навсегда, собрать всѣ силы Европы и безъ всякихъ дурныхъ помысловъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, отбросить русское государство въ предѣлы, которые ему предназначены природою и исторіею» [4]).

---

[1]) Сочиненіе кн. П. Вяземскаго, т. VI, стр. 417. [2]) Соч. кн. П. Вяземскаго, т. VI, стр. 396. [3]) Ш. Сеньобосъ, т. II, стр. 728. [4]) «Вѣстн. Евр.» 1881 г., августъ, стр. 492.

Точка зрѣнія графа Киселева въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадала съ воззрѣніемъ нашего правительства, признававшаго, что «Англія есть и остается нашимъ дѣйствительнымъ и непреклоннымъ врагомъ» [1]).

Пруссія.

На отношеніе къ намъ Пруссіи въ эпоху Крымской войны установился вообще невѣрный взглядъ, благодаря тому, что берлинскому двору удалось тогда значительно замаскировать свои дѣйствительныя симпатіи къ Западу. Императоръ Николай I скончался, не подозрѣвая ея дѣйствительныхъ симпатій и измѣны и потому на смертномъ одрѣ просилъ благодарить короля за то, что «онъ всегда оставался прежнимъ по отношенію къ Россіи» (С. Татищевъ. «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 297—298).

Пруссаковъ называли въ эпоху Крымской войны (въ одно время) даже приспѣшниками (satellites) русскихъ. Это, конечно, несправедливо. Начать съ того, что уже 20-го апрѣля (нов. ст.) 1854 г. Пруссія подписала договоръ съ Австріей, съ цѣлью взаимно гарантировать другъ другу цѣлость своихъ владѣній. Договаривавшіеся обѣщались начать войну съ Россіей, если она овладѣетъ турецкими провинціями на лѣвомъ берегу Дуная, или двинется къ Константинополю («Рус. Стар.» 1898 г., апр., стр. 260, 261, 264).

Фридрихъ-Вильгельмъ не зналъ на чемъ остановиться. То онъ «отклонялся» на Западъ, то на Востокъ, то придерживался политики выжиданій. Сперва на берегахъ Шпре раздавались увѣренія въ вѣрности Россіи и ненависти къ Вѣнѣ; но затѣмъ все измѣнилось. Фридрихъ-Вильгельмъ «вставалъ по утру русскимъ, а ложился спать англичаниномъ», какъ выразился Императоръ Николай I. Пруссія присматривалась, желая опредѣлить, кто истинный распорядитель Запада. Вѣна мѣшала ей сблизиться съ Англіей, пугая союзомъ съ Наполеономъ, а Англія грозила разгромить ея балтійское побережье, если Пруссія склонится къ Россіи (А. С. Трачевскій. «Ист. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 585). Франціи она боялась. Какъ только показывались тучи на небосклонѣ, Пруссіи казалось, что она слышитъ уже топотъ и ржаніе французскихъ коней у Рейна [2]). Россію Пруссія не любила, такъ какъ Николай Павловичъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы она не расширялась вдоль побережья Балтійскаго моря и не захватила Кильской гавани. По-

[1]) «Истор. Вѣстн.» 1891 г., январь, стр. 104. [2]) Слова князя П. Вяземскаго.

этому Императоръ Николай I, ссылаясь на принятыя Россіей обязательства (въ XVIII ст.) гарантировать права датскаго королевскаго дома, стоялъ за Данію, желая, чтобы она владѣла ключами къ Балтійскому морю [1]). Эта забота Государя показывала въ Немъ большую предусмотрительность. «Россія», — сказалъ Талейранъ, — «гигантъ, у котораго не можетъ быть полнаго развитія внутреннихъ силъ, благодаря тому, что поражены оба легкія, т. е. выходы изъ Балтійскаго и Чернаго морей».

Бисмарку не нравилась политика берлинскаго двора и онъ тогда же доказывалъ королю, что положеніе Пруссіи не было столь плохимъ, какъ представлялось многимъ. Блокада береговъ англійскимъ флотомъ не являлась опасной, такъ какъ ранѣе того ее не разъ переносила даже Данія. Войска Австріи были пригвождены къ мѣсту русской арміей, расположенной въ Польшѣ. Франція была обезсилена посылкой цвѣта своей арміи въ Крымъ. Въ виду этого Бисмаркъ находилъ, что Пруссіи представлялся удобный случай выступить самостоятельно съ вѣскимъ голосомъ, тогда какъ она предпочла пойти въ услуженіе Австріи. (См. мемуары кн. Бисмарка).

Дѣлаемые Пруссіей шаги прикрывались отъ Россіи обильными, но въ сущности совершенно безсодержательными, заявленіями и обѣщаніями Фридриха-Вильгельма. Въ нѣжныхъ письмахъ онъ изъявлялъ свою неизмѣнную преданность Николаю I («Историческій Вѣстникъ» 1888 г., іюнь), увѣрялъ Царя, что никогда не осоюзится съ западомъ и что нейтралитетъ «не будетъ ни нерѣшительнымъ, ни шаткимъ, а державнымъ».

Съ горячностью этотъ «Романтикъ на тронѣ» говорилъ нашему послу Будбергу: «Кто можетъ считать насъ способными на такую низость? Намъ соединиться съ Западомъ противъ Россіи. Одно подозрѣніе оскорбительно для насъ...» («Ист. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 589). Въ другомъ разговорѣ (съ Мутье) король заявилъ: «Дозволитъ ли прусская честь порвать узы родства, сорокалѣтнія узы? (Тамъ же, стр. 599). «Я буду дудкой рядомъ съ русскимъ барабаномъ», обѣщалъ король Пруссіи. Но когда настала минута подать помощь Державному шурину, то онъ отвѣтилъ отказомъ, забывъ, подобно Австріи, что Пруссія не разъ была спасаема Россіей.

Мало-по-малу Пруссія оставила однако колебанія и король проникся убѣжденіями тѣхъ, которые были противъ русскаго союза. Партія придворной опозиціи, извѣстная подъ именемъ «Вохеблато»

---

[1]) «Русская Старина» 1898 г., авг., стр. 255.

(отъ «Preussische-Wochenblatt»), была особенно воинственна. Къ ней примыкали посланникъ въ Англіи, Бунзенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, а главное—наслѣдникъ престола.

Среди генераловъ ея шли разговоры о «быстромъ натискѣ» на Варшаву; другіе, еще болѣе воинственные офицеры, брали уже Петербургъ, съ помощью союзнаго флота и шведской арміи. Програма партіи сводилась къ раздѣлу Россіи: Швеція получала Финляндію съ Аландскими островами, а балтійскія провинціи (вмѣстѣ съ Петербургомъ) предназначались Пруссіи. Польша возводилась въ самостоятельное государство. Великороссія отдѣлялась отъ Малороссіи. Все это мотивировалось, конечно, необходимостью освобожденія цивилизаціи отъ русскаго варварства («Ист. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 595—596; а также мемуары кн. Бисмарка). Кн. Бисмаркъ называетъ эту програму въ своихъ мемуарахъ «дѣтской утопіей», такъ какъ въ ней къ шестидесятимиліонному населенію великороссовъ относились, какъ къ caput mortuum. Былъ моментъ, когда король, въ порывѣ восхищенія идеей освобожденія христіанъ, смѣстилъ Бунзена, военнаго министра и др. неугодныхъ Россіи лицъ. Но порывъ прошелъ и онъ болѣе твердыми шагами послѣдовалъ совѣту гр. Гольца и наслѣднаго принца Вильгельма, впослѣдствіи германскаго императора. «Русскій союзъ невозможенъ»,—говорилъ гр. Гольцъ. «Пруссія и Германія заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ могучій и страшный сосѣдъ не усилился». («Ист. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 604). Въ томъ же смыслѣ высказался и наслѣдный принцъ, въ письмѣ, которое въ 1888 г. было опубликовано въ «Кельнской газетѣ» (отъ 9-го ноября, № 311). Признавъ дѣло Россіи неправымъ, Вильгельмъ продолжалъ: «Нашею нерѣшительностью, нашими колебаніями и, наконецъ, нашимъ бездѣйствіемъ мы доводимъ дѣло до того, что Россіи представится возможность выйти побѣдительницею изъ катастрофы, а тогда Россія будетъ всѣмъ намъ диктовать миръ, тогда Европѣ придется плясать лишь по ея дудкѣ... Я понимаю задачу Пруссіи (наоборотъ), чтобы не доставить Россіи побѣду, чтобы не помочь ей достигнуть упомянутаго выше главенства, Пруссія должна войти въ соглашеніе съ западными державами и вмѣстѣ съ Австріей вести Германію по единственно вѣрному направленію» («Новое Время» 1888 г., 31-го дек. А. А. Суворинъ).

Такъ въ концѣ концовъ и было поступлено. Едва только Пруссія узнала о паденіи обагреннаго кровью Севастополя, какъ король

поспѣшилъ поздравить Наполеона съ побѣдой, ибо тайно онъ давно уже пылалъ желаніемъ не дать Россіи черезчуръ властвовать на Востокѣ, путемъ заправленія турецкою имперіею и ея проглатываніемъ («Истор. Вѣст.» 1888 г., іюнь, стр. 586).

Россія же продолжала вѣрить Фридриху-Вильгельму и считать Пруссію «намъ невраждебной» (слова гр. Несельроде). Исходя изъ этого положенія, русскій кабинетъ сталъ настаивать на томъ, чтобы представитель Пруссіи былъ допущенъ на парижскій конгресъ. Въ благодарность за наши хлопоты, она отправила въ Парижъ гр. Мантейфеля—злѣйшаго врага Россіи (о которомъ Мутье сказалъ: «Пока будетъ Мантейфель, можемъ быть увѣрены, что Пруссія не станетъ за Россію»). Отмѣтимъ еще, что именно Пруссіи довелось переполнить чашу нашихъ неудачъ 1855 г. Наполеонъ готовился уже снять осаду Севастополя; но въ это время министру Пруссіи Мантейфелю удалось черезъ шпіона достать копіи съ частныхъ писемъ военнаго агента въ Петербургѣ къ генералу Герлаху (въ Берлинъ). Въ этихъ письмахъ рисовалось безвыходное положеніе Россіи и высказывалась надежда на скорое паденіе Севастополя. Копіи были вручены повелителю Франціи и тотъ выждалъ грядущихъ событій...

Австрія.

Объ отношеніи къ намъ Австріи въ трудные годы Крымской войны много было говорено и писано. Что собственно представляла изъ себя Австрія въ то прошлое время, когда она была постоянной нашей союзницей? Австрія,—какъ выражался самъ ея повелитель Францъ I (въ 1829 году нашему послу Татищеву), походила «на домъ, изъѣденный червями». Она всего боялась и никому недовѣряла. Мы никогда не пользовались ея затруднительнымъ положеніемъ, она же обыкновенно была душой интригъ, направленныхъ противъ насъ. Въ исторіи трудно отыскать событія, во время которыхъ она проявила бы искреннія дружескія чувства къ Россіи и тѣмъ не менѣе мы считали тогда основнымъ правиломъ своей политики дѣйствовать непремѣнно заодно съ Австріей. Въ нашу програму введено было много отвлеченнаго, высокаго; Австрія, напротивъ, все подобное исключила изъ числа своихъ руководящихъ началъ. Въ результатѣ получилось значительное наше подчиненіе взглядамъ вѣнскаго двора, потому что тамъ знали чего хотѣли и къ чему шли, у насъ нерѣдко витали въ области общихъ принциповъ.

По Мюнхенгрецкой конвенціи мы условились даже рѣшать восточныя дѣла по соглашенію съ Австріей, тогда какъ прежде всегда отказывались признать турецкія дѣла вопросомъ общеевропейской важности. Само собой понятно, что такое соглашеніе связало насъ по рукамъ и ногамъ (С. Шигаревъ, т. II, стр. 371). Въ тѣ же періоды, когда Россія (какъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I) усвоила себѣ болѣе энергическій образъ дѣйствія, Австрія склоняла покорно свою голову («Рус. Вѣст.» 1878 г., т. V).

Этотъ энергическій образъ дѣйствія и строго опредѣленная програма особенно необходимы были въ дѣлахъ, касавшихся восточной проблемы. Но, къ сожалѣнію, наши грѣхи прошлаго въ томъ то и заключаются, что у насъ не было яснаго пониманія собственныхъ интересовъ, мы не слѣдовали исключительно національному направленію въ политикѣ и не въ мѣру считались съ общественнымъ мнѣніемъ Европы [1]).

Въ періодъ Крымской войны поведеніе Австріи опять явилось притчей во языцѣхъ. Когда нарушено было «сердечное соглашеніе» (какъ любили выражаться дипломаты), она хотя и явила себя нейтральной, но въ то же время оставила за собой право соображаться съ собственными интересами («Вѣстникъ Европы» 1879 года, февраль, стр. 684). Формулировать дѣйствительное ея положеніе чрезвычайно трудно, такъ какъ политика ея,—по донесенію князя А. Горчакова,—«мѣнялась не со дня на день, а съ утра до вечера» [2]). Она изворачивалась на сотни ладовъ, пустила въ ходъ весь запасъ своихъ уловокъ, а иногда пыталась воздѣйствовать на насъ давленіемъ. Всѣми этими пріемами она едва ли не болѣе другихъ повліяла на исходъ дѣла [3]).

До какой степени она была ненадежна, видно, напримѣръ, изъ того, что разсчитывая на ея нейтралитетъ, Императоръ Николай I согласился принять предложенные ею пункты соглашенія (въ ноябрѣ 1854 года), а черезъ четыре дня она уже заключила съ западными державами союзный договоръ. А какъ только Австрія примкнула къ нимъ, естественно, что требованія ихъ возросли.

Баронъ Жомини находитъ, что Австрія въ концѣ-концовъ сама запуталась въ тонкостяхъ своей политики. Во всякомъ случаѣ, ея

---

[1]) Всѣ эти положенія прекрасно развиты и обильно доказаны въ изслѣдованіи «Русской политики въ Восточномъ вопросѣ». С. Жигарева. Москва, 1896 г. два тома. [2]) «Русская Старина», 1888 года, октябрь, стр. 248. [3]) «Вѣстникъ Европы» 1886 года, май, стр. 263.

система, по отношенію къ Россіи, была системой недоброжелательства, угрожающаго нейтралитета и непріятельской хитрости. Этой системой она принесла болѣе вреда, чѣмъ открытой враждой [1]). Императоръ Николай Павловичъ также чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ, что «вся тактика Австріи состоитъ въ томъ, чтобы насъ держать въ недоумѣніи и тѣмъ стращать. Къ несчастію, кажется, что имъ удалось» [2]). Да, къ несчастію, дѣйствительно удалось.

Австрія, какъ и Пруссія, заняла крайне *непріятное* для Россіи положеніе. Открыто вредить намъ она не смѣла: разрыва съ нами она опасалась. Наша же ошибка заключалась въ томъ, что мы не сумѣли сразу разгадать ея моральнаго сочувствія Западу и ея уклончивой политики и, кромѣ того, совершенно ошибочно допускали, что она въ состояніи пойти войной на Россію. «Я держу себя подальше отъ васъ, чтобы лучше помочь вамъ», хитрилъ Буоль («Вѣстникъ Европы» 1879 года, за мартъ, стр. 182), который въ въ сущности слѣдовалъ политикѣ Метерниха, совѣтовавшаго [3]) «маневрируя, удалить русскихъ изъ княжества» (Бутковскій, т. II, стр. 41). Наша ошибка и недогадливость должны быть въ значительной мѣрѣ отнесены на счетъ нашего представителя въ Вѣнѣ, который не достаточно вникъ въ дѣло, велъ себя нервно, представлялъ нерѣдко противорѣчивыя донесенія и безъ надобности грозилъ иногда войною [4]). Такое вызывающее поведеніе, конечно, побуждало Австрію не прерывать переговоровъ съ западными державами (Бутковскій, т. II, стр. 55). А затѣмъ у князя Горчакова не хватало хладнокровья, «которое, какъ на войнѣ, такъ и за столомъ конференціи, обезпечиваетъ успѣхъ». Наконецъ, онъ смѣшивалъ политику повелителя Дунайскаго царства съ политикой его министра Буоля. Самъ же Францъ-Іосифъ ни разу намъ войной не угрожалъ и находилъ, что Россіи достаточно оставить на австрійской границѣ одного своего сторожа [5]). Правда, что и Буоль неоднократно говорилъ князю Горчакову, что «какой бы оборотъ не приняли дѣла, онъ (Буоль) считаетъ *войну* между Россіей и Австріей невозмож-

[1]) Насколько въ извѣстныхъ случаяхъ важна опредѣленность, показываетъ заявленіе французскаго посла (въ Берлинѣ) Мутье: «Франція»,—сказалъ онъ,—«предпочла бы видѣть Пруссію въ союзѣ съ Россіей, тогда положеніе уяснилось бы и поле сраженія было бы обозначено», («Историческій Вѣстникъ» 1888 года, іюнь, стр. 608). [2]) Рецензія Н. К. Шильдера о сочиненіи А. Н. Петрова, стр. 14. [3]) «Весь позоръ послѣднихъ десятилѣтій выражается въ одномъ словѣ—Меттернихъ», сказалъ одинъ ораторъ во Франкфуртскомъ сеймѣ («Историческій Вѣстникъ» 1889 года, т. I, стр. 82). [4]) «Русская Старина» 1888 года, октябрь, стр., 237. [5]) Разъ, однако, въ Австріи былъ произведенъ фиктивный наборъ рекрутъ.

ной [1]). Нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ, графъ Стакельбергъ, былъ того мнѣнія, что ранѣе весны (1855 года) нечего было опасаться нападенія австрійцевъ [2]). Лучшій военный авторитетъ Австріи того времени, генералъ Гессе, признавалъ даже, что простая демонстрація со стороны Австріи «ведетъ на скользкій путь» и подтверждалъ свое заявленіе цифровыми данными [3]). Короче,—въ настоящее время можно считать установленнымъ, что Австрія не думала объявлять намъ войны. Всѣ эти опасенія о войнѣ со стороны Австріи А. Н. Петровъ признаетъ обоюднымъ печальнымъ недоразумѣніемъ [4]). Но, тѣмъ не менѣе, Австрія заняла Дунайскія княжества—Молдавію и Валахію — и, такимъ образомъ, обезпечила лѣвый флангъ коалиціи. Двусмысленное же поведеніе Австріи и то «недоумѣніе», въ которомъ она держала насъ, какъ сказано, обошлось намъ очень дорого, такъ какъ благодаря ей, создалось такое положеніе: «Россія принуждена была обороняться одной рукой отъ громаднаго натиска Франціи и Англіи, а другая наша рука была занята и прижата подавляющей тяжестью *Австріи* («Русскій Архивъ» 1899 года, т. III, стр. 519, Ѳ. И. Тютчевъ).

Въ критическій періодъ размолвки съ Венгріей, Австріи было дано нами 6.000.000 рублей и оказана поддержка войсками, а затѣмъ, во время ея столкновенія съ Пруссіей, Императоръ Николай I вновь принялъ ея сторону. Вмѣсто признательности и помощи Россіи, она (какъ выразился Шварценбергъ) удивила міръ своей неблагодарностью и въ трудную для насъ эпоху металась, желая въ каждую минуту быть готовой стать рядомъ съ сильнѣйшимъ. — «Она поспѣшитъ на помощь побѣдителю», остроумно выразился о ней генералъ Летонъ. И дѣйствительно, замѣчено было, что послѣ высадки англо-французовъ въ Крыму, вѣнскій дворъ явно сталъ высказывать къ намъ свою враждебность [5]), а затѣмъ на парижскомъ конгрессѣ она проявила себя настойчивыми требованіями тяжелыхъ жертвъ отъ Россіи. Это особенно удивило графа Орлова, который вполголоса сказалъ сардинскому посланнику Кавуру: «Австрія хлопочетъ такъ сильно, какъ будто бы не французы, а она брала Севастополь» [6]). Во всякомъ случаѣ Австрія шла далѣе Франціи въ сво-

---

[1]) «Русская Старина» 1888 года, сентябрь, стр. 564 и «Историческій Вѣстникъ» 1890 г., апрѣль, стр. 34. [2]) С. С. Татищевъ, «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 120. [3]) «Русская Старина» 1888 года, октябрь, стр. 259 (А. Н. Петровъ). [4]) Тамъ же, 1888 года, октябрь. [5]) С. С. Татищевъ «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 119. [6]) Аѳанасьевъ, «Внѣшняя политика Наполеона III,» стр. 23.

ихъ притязаніяхъ и она возбудила вопросъ объ отобраніи у насъ дунайскихъ гирлъ.

Австрійское двуличіе было въ свое время опредѣленно понято русскимъ обществомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, дневникъ Погодина и частная переписка многихъ лицъ. «Боюсь болѣе Вѣны, нежели Севастополя», писалъ, напримѣръ, остроумный кн. П. А. Вяземскій (Н. Барсуковъ, кн. XIV, стр. 34).

Скончался Императоръ Николай I [1]. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Вѣны, Францъ-Іосифъ посѣтилъ кн. Горчакова и высказалъ свою горесть, возбужденную утратой *искренняго друга*, въ такую минуту, когда онъ надѣялся дать этому другу доказательства своей благодарности и искренняго возвращенія къ прежней политикѣ («Вѣст. Евр.» 1879 г., мартъ, стр. 189). Францъ-Іосифъ просилъ поэтому Императора Александра II принять его дружбу, какъ наслѣдіе и память о благородномъ родителѣ Государя. («Біографич. словарь», т. I, стр. 455). Къ этому предложенію Государь отнесся, однако, весьма сдержанно, насколько можно судить по Его рескрипту князю М. Д. Горчакову, въ которомъ сказано было: «*Несмотря на всѣ его (Франца-Іосифа) дружескія увѣренія, Я никакой вѣры къ нему не имѣю и потому ожидаю и готовлюсь на худшее*». («Біографич. словарь», т. I, стр. 456).

Подведемъ итоги австрійской политикѣ (1854—1855 гг.) словами С. С. Татищева [2]. Онъ представилъ краткую, но яркую картину австрійской эволюціи, приведшей ее мало-по-малу въ лагерь нашихъ враговъ. «Въ январѣ вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами чрезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира, въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Турціей, пригласивъ приступить къ нему и всѣ государства германскаго союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ вѣнскій дворъ потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія Дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ занялъ своими войсками Молдавію и Валахію; въ сен-

[1]) См. стихотвореніе Ѳ. Тютчева: «На пріѣздъ австрійскаго эрцгерцога на похороны Императора Николая I». Спб. 1890 г., изд. 2-е, стр. 212. [2]) «Императоръ Николай и иностранные дворы», стр. 117—118.

тябрѣ предъявилъ къ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи «четырехъ условій»; въ октябрѣ заставилъ Пруссію распространить на Дунайскія княжества дѣйствіе союзнаго своего съ нею договора, преобразивъ его такимъ образомъ изъ оборонительнаго въ наступательный; наконецъ, въ ноябрѣ, несмотря на принятіе нами «четырехъ пунктовъ» и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, вѣнскій дворъ заключилъ съ Англіею и Франціею трактатъ, коимъ обязался, въ случаѣ, если миръ не будетъ возстановленъ до 1-го января нов. стил. слѣдующаго 1855 г., принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіею и не полагать оружія, доколѣ не будутъ достигнуты общія цѣли союза.

Итакъ, Пруссія и Австрія слѣдовали старому принципу: «Кто помогаетъ сосѣду, приготовляетъ себѣ гибель».

Неудержимо стремился мощный потокъ событій, неся въ себѣ что-то роковое. Все шло по какой-то инерціи къ войнѣ [1]), которую довольно мѣтко назвали «войной неожиданностей» (М. Цебрикова. «Вѣстн. Всемір. Ист.» 1901 г., т. X, стр. 6). Всѣ какъ будто желали одного, а на дѣлѣ выходило другое. «Не желая войны»,— писалъ Богдановичъ,—«мы начали войну кровавую». Королева Викторія (и принцъ Альбертъ) въ началѣ 1854 г. стремились отклонить разрывъ съ Россіей, но кончили войной [2]). Людовикъ-Наполеонъ, вступивъ на французскій престолъ, высказалъ въ отношеніи къ намъ наилучшія намѣренія. Князю А. М. Горчакову было даже сообщено черезъ довѣренное лицо о желаніи императора Франціи сдѣлаться союзникомъ Россіи [3]). Нѣчто подобное наблюдается даже въ отношеніяхъ лорда Пальмерстона къ Россіи. Когда Императоръ Николай I сталъ на сторону султана, въ его борьбѣ съ египетскимъ пашею, лордъ Пальмерстонъ открыто восторгался великодушіемъ русскаго Государя и краснорѣчиво защищалъ нашу политику въ парламентѣ. Онъ даже согласился признать вліяніе Россіи въ Турціи «естественнымъ и законнымъ, ибо оно зависитъ отъ вашего географическаго положенія»,—сказалъ онъ русскому посланнику Бруннову [4]). Но вслѣдствіе одной изъ тѣхъ странныхъ перемѣнъ въ мнѣніяхъ, которыя случаются у подобныхъ людей, лордъ Пальмерстонъ измѣнилъ свои старые взгляды, сталъ ярымъ противникомъ прогреса Россіи и твердо увѣровалъ въ возрожденіе Турціи

[1]) Кн. В. Мещерскій. «Мои воспоминанія», т. I, стр. 21. [2]) «Древн. и Нов. Россія». 1878 г., т. VI, стр. 128. [3]) «Вѣстн. Евр.» 1886 г., стр. 663. [4]) Ѳ. Мартенсъ. «Cosmopolis» 1897 г., іюнь, стр. 185.

(Спенсеръ Уальполь. «Иностран. политика Англіи». Спб., 1885 г., стр. 122).

Возникло первое недоразумѣніе съ Турціей. Все было подготовлено къ его улаженію, Императоръ Николай I соглашался уже принять вѣнскую ноту (31-го іюля 1853 г.), ибо она, хотя въ иной формѣ, заключала въ себѣ сущность ультиматума кн. Меншикова,— какъ совершенно неожиданно одна изъ берлинскихъ газетъ опубликовала содержаніе толкованій на эту ноту, представленныхъ въ запискѣ гр. Нессельроде Государю. Эта нескромность повредила дѣлу. Послы державъ отказались поддержать ноту передъ Портою и послѣдняя отвѣтила отказомъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ роковымъ, которое наблюдается въ ходѣ событій того времени, обращаетъ на себя вниманіе еще то обстоятельство, что все полно противорѣчій, несообразностей и ничьи разсчеты не оправдались.

«Христіанскія державы ополчились противъ Россіи, чтобы не дать ей освободить христіанъ отъ турецкаго ига». Парламентская форма правленія—кумиръ Англіи. Наполеонъ III подвергъ у себя этотъ кумиръ поруганію и насилію и несмотря на это Англія вступаетъ въ союзъ съ Франціей. Англія наиболѣе другихъ хлопотала о томъ, чтобы династія Наполеоновъ не имѣла права занимать французскаго трона, но та же Англія первая признала теперь законность воцаренія Наполеона III. Англія кичится своей религіозностью, но тѣмъ не менѣе она соединилась съ самой католической страной для утвержденія господства магометанства надъ христіанствомъ. Лордъ Эбердинъ былъ едва ли не единственнымъ министромъ, раздѣлявшимъ воззрѣніе нашего Государя о недолговѣчности Турціи. Получивъ объ этомъ донесеніе своего посла, обрадованный Царь, подчеркнувъ слова лорда Эбердина, надписалъ: «Enfin...» [2]). Это было въ августѣ 1853 г. Спустя нѣкоторое время тотъ же Эбердинъ старался уже оправдать отправленіе англо-французской эскадры въ Дарданеллы для поддержанія Турціи (хорошо зная также, что этимъ дѣйствіемъ англійскаго правительства нарушается конвенція 1841 г.). Въ октябрѣ 1853 г. Императоръ Николай I, врагъ всякой двусмысленности, поставилъ категорически вопросъ Англіи о ея дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Лордъ Эбердинъ отвѣтилъ такими беззастѣнчивыми изворотами, что Государь написалъ крупными буквами: «это подло» [3]). Дѣло кончилось тѣмъ, что Императору при-

[1]) Г. Е. Афанасьевъ. «Внѣшняя политика Наполеона III», стр. 15. [2]) «Вѣстникъ Европы» 1898 г., апрѣль, стр. 587. (Мартенсъ). [3]) Тамъ же, стр. 593.

шлось воевать съ той Англіей, на которую Онъ смотрѣлъ, какъ на устой мира и порядка и разрывъ произошелъ при Эбердинѣ, который наиболѣе доброжелательно относился къ Россіи.

Англія начала войну, разсчитывая на первенствующую роль въ коалиціи и на то, что дѣло ограничится блокадою береговъ и бомбардированіемъ крѣпостей. Она обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Франція тратила миліоны на войну, которая никогда не пользовалась въ странѣ надлежащей популярностью и не оправдала сдѣланныхъ затратъ [1]).

При составленіи настоящей главы мы пользовались слѣдующими сочиненіями: 1) *Kinglake* A. W. (Кинглекъ). The invasion of the Crimea («Русскій Вѣстникъ» 1866 года, №№ 8 и 9. П. Щебольскій). Кинглекъ членъ англійской палаты, но отстаивалъ почти исключительно Редклифа; 2) Изслѣдованіе барона *А. Г. Жомини*, помѣщенное въ «Вѣстникѣ Европы» за 1886 годъ, подъ заглавіемъ: «Россія и Европа въ эпоху Крымской войны», составляетъ цѣлый томъ солиднаго разслѣдованія. Объ этомъ сочиненіи см. также «Вѣстникъ Европы» 1879 года, №№ 2 и 3; 3) *Ф. Мартенсъ* неоднократно возвращался къ дипломатическимъ переговорамъ царствованія Императора Николая I. Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1896 годъ появилась его статья «Императоръ Николай и королева Викторія» (ноябрь); 4) въ томъ же журналѣ за 1898 годъ (январь, февраль и апрѣль) помѣщено обстоятельное и интересное изслѣдованіе «Россія и Англія въ царствованіе Николая I;» 5) въ 1897 году *Мартенсъ* еще разъ разсмотрѣлъ отношенія Англіи къ Россіи въ юбилейномъ этюдѣ «Королева Викторія и Россія», напечатанномъ въ журналѣ «Cosmopolit» (іюнь); 6) *А. Н. Петровъ*, генералъ-лейтенантъ, по Высочайшему повелѣнію приступилъ къ составленію исторіи Восточной войны 1853—1856 гг.; часть его работъ появилась въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 и 1891 гг. («Русскіе дипломаты на вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года», «Русскіе дипломаты на парижскомъ конгрессѣ 1856 года)» и «Русской Старинѣ» за 1888 годъ. «(Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ)»; 7) Дипломатія во время Восточной войны Jasmund Aktenstücke zur orientalischen Frage—«(Русскій Вѣстникъ» 1877 года, т. XII); 8) Въ «Русской Старинѣ» 1892 года (октябрь) была напечатана *Н. К. Шильдеромъ* «Императоръ Николай и освобожденіе христіанскаго востока»; 9) воспоминанія *М. Цебриковой* о «Пятидесятыхъ годахъ» въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» за 1901 годъ (№№ 10, 11, 12); 10) Разныя указанія разбросаны въ письмахъ *графа А. К. Толстого* «Вѣстникъ Европы» 1890 года., и въ письмахъ *Ѳ. И. Тютчева* за 1854 и послѣдующіе годы («Русскій Архивъ» 1899 годъ); 11) Въ «Русской Старинѣ» 1887 года (май) были напечатаны записки дипломата *графа Фицтума фонъ-Экштедта* «Въ виду Крымской войны»; 12) переписка Тувенеля съ дипломатическими представителями Франціи находится въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1892 года (январь и февраль); 13) письма *Императора Александра Николаевича* къ князю М. Д. Горчакову («Русская Старина» 1888 года); 14) «Политика Россіи 1815—1854 года», *графа*

---

[1]) «Древн. и Нов. Рос.» 1878 г., т. VI, стр. 130. Во Франціи многіе признавали время для войны дурно избраннымъ, такъ какъ въ странѣ свирѣпствовала холера и былъ неурожай, но главное—Франція играла въ руку Англіи и помогала уничтожать русскій флотъ, который могъ бы оказаться полезнымъ для ослабленія Великобританіи (Грегуаръ, т. III, стр. 490).

К. Нессельроде («Русская Старина» 1873 года, ноябрь); 15) «Россія и Австрія въ восточномъ вопросѣ» («Русскій Вѣстникъ» 1878 года, т. 135-й); 16) *А. Трачевскій* разобралъ вопросъ объ отношеніи къ намъ Пруссіи въ Крымскую войну («Историческій Вѣстникъ» 1888 года); 17) выдержки изъ журнала маршала *Кастелана*, касающіяся восточной войны 1853—1856 гг., появились въ извлеченіяхъ въ «Русской Старинѣ» за 1898 годъ (августъ); 18) политическое положеніе Императора Николая I въ Европѣ, передъ войной; выясняется въ статьѣ «Россія и Германія въ XIX вѣкѣ» («Русская Старина» 1898 года); 19) въ статьѣ *Н. Фирсова* «Россія и королева Викторія во время Крымской войны и парижскаго конгресса» передано содержаніе изслѣдованія Мартини, который пользовался дневникомъ и письмами англійской королевы («Древнія Новости Россіи» 1878 года, № 6); 20) въ книгѣ *А. Заблоцкаго-Десятовскаго* «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» имѣется глава: «Графъ Киселевъ въ Парижѣ 1856—1858 гг.» которая освѣщаетъ отношенія Франціи и Россіи; 21) къ этой же категоріи полезныхъ для разсматриваемаго вопроса статей надо отнести статьи профессора *А. Кочубинскаго* «Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ» («Историческій Вѣстникъ» 1880 года); 22) краткую, но довольно яркую статью *В. Ф.* о восточной политикѣ Императора Николая I, находимъ еще въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1891 (ноябрь); 23) наконецъ въ послѣднее время появилось нѣсколько особыхъ изслѣдованій, посвященныхъ тому же вопросу: «Внѣшняя политика Императора Николая I». (Внѣшнимъ сношеніямъ Россіи въ эпоху Севастопольской войны), *С. С. Татищева*; СПБ. 1887 года, встрѣченное въ печати весьма сочувственно; 24) въ 1889 году, тотъ же авторъ издалъ «Императоръ Николай и иностранные дворы»; 25) обширную статью о дипломатическомъ разрывѣ Россіи съ Турціей 1853 года *С. С. Татищевъ* помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ за 1892 годъ; 26) въ 1896 году въ Москвѣ появилось двухтомное изслѣдованіе *С. Жигарева* «Русская Политика въ Восточномъ вопросѣ».

Жомини, Мартенсъ, Татищевъ и др. пользовались многими новыми матеріалами и отчасти нашимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

II.

Въ Балтійскомъ морѣ.

Высочайшимъ манифестомъ отъ 9-го (21-го) февраля 1854 г. было доведено до всеобщаго свѣдѣнія о несогласіи Россіи съ Англіей и Франціей. Обѣ западныя державы, какъ сказано было въ манифестѣ, безъ предварительнаго объявленія войны ввели свои флоты въ Черное море... Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными государствами образа дѣйствія, Государь Императоръ отозвалъ свои посольства изъ Англіи и Франціи. 3-го января (нов. ст.) 1854 г. адмиралы Гамеленъ и Дундасъ вошли со своими судами въ Черное море, а 4-го февраля (нов. ст.) 1854 г. были прерваны дипломатическія сношенія между Россіей, Франціей и Англіей. Въ первыхъ числахъ марта 1854 г. англійскій флотъ, назначенный въ Балтійское море, снялся съ якоря. Передъ выходомъ его изъ Порт-

смута, королева произвела ему смотръ, а затѣмъ проводила его на нѣкоторое разстояніе въ море. Флагъ адмирала Непира былъ поднятъ на кораблѣ «Веллингтонъ». Вся эта морская сила двинулась тремя дивизіями подъ начальствомъ адмираловъ Карри, Чадса и Плюмриджа. Формально война не была еще объявлена. Въ Копенгагенѣ король отказался принять Непира подъ предлогомъ болѣзни. Только въ началѣ апрѣля (нов. ст.) на судахъ англійской эскадры сдѣлалось извѣстнымъ о томъ, что война объявлена; офиціально же война была объявлена намъ Англіей и Франціей 15-го (27-го марта) 1854 г. [1]).

Куда предполагалъ Непиръ направиться и что предпринять, не было, конечно, извѣстно русскимъ. Можно указать только, что по входѣ въ Балтійское море, въ началѣ апрѣля (нов. ст.), онъ долго совѣщался съ двумя инженерными офицерами, которые давали ему объясненія объ укрѣпленіи Аландскихъ острововъ.

Англійскій флотъ появился въ Балтійскомъ морѣ 12-го апрѣля (нов. ст.) 1854 г., и лишь два мѣсяца спустя въ него вошли французскія суда.

Подъ начальствомъ вице-адмирала Непира находилось 49 судовъ, 22,000 чел. морскихъ экипажей и 2,344 орудія. Эскадра французовъ, бывшая подъ командой вице-адмирала Парсеваль-Дешèна, состояла изъ 31-го паруснаго судна съ 1,308 орудій. Такимъ образомъ, въ Балтійское море противъ насъ была выслана союзниками весьма грозная сила, изъ 80-ти судовъ съ 3,652 орудіями. (генералъ-лейтенанта Богдановичъ, т. III, стр. 214).

Адмиралъ Карри со своими судами держался около Риги и Ревеля, Плюмриджъ—около острова Наргена, а Чадсъ крейсировалъ у береговъ Курляндіи. Въ первыхъ числахъ іюня вся балтійская непріятельская эскадра сосредоточилась въ Барезундѣ и отсюда Непиръ повелъ ее двумя колоннами къ острову Сескару; 14-го іюня суда его показались подъ Кронштадтомъ. 16-го числа была произведена рекогносцировка крѣпости, защищавшей столицу, а 20-го іюня всѣ суда вновь стянулись подъ Сескаромъ.

Въ половинѣ іюля французская эскадра усилилась десантомъ въ 6,000 чел. Передъ отправкой ихъ изъ Франціи, Наполеонъ сдѣлалъ имъ смотръ въ Булони и объявилъ имъ, что они назначены въ Балтійское море, куда будутъ перевезены на англійскихъ корабляхъ. «Фактъ единственный въ исторіи».—прибавилъ онъ,— «дока-

---

[1]) Грегуаръ, т. III, стр. 488.

Д'Илье, Дешенъ, Плюмриджъ, Непиръ.

зывающій тѣсный союзъ двухъ великихъ народовъ и твердую рѣшимость правительствъ не отступать ни передъ какою жертвою, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы защищать право болѣе слабаго, свободу Европы и національную честь» [1]).

Кампанія 1854 года вообще открылась на Западѣ трескучими циркулярами, которые замѣнились затѣмъ пушечными выстрѣлами. «Пусть не спрашиваютъ насъ, чего ради отправляетесь вы въ Константинополь? Мы отправляемся туда съ Англіей, чтобы защищать дѣло султана и въ то же время оградить права христіанъ..., чтобы защищать свободу морей... Мы отправляемся туда со всѣми тѣми, кто желаетъ торжества права, справедливости и цивилизаціи». Такъ говорилъ, напримѣръ, Наполеонъ 2-го марта 1854 года членамъ законодательнаго корпуса [2]).

Англійское министерство положительно и торжественно объявило, что торговля и выгоды частныхъ людей будутъ елико возможно пощажены войною, что Англія и августѣйшій другъ ея приняли мѣры къ обезпеченію частнаго достоянія; что, наконецъ, всѣ ядра и всѣ бомбы будутъ исключительно направлены противъ великаго виновника бѣдъ, т. е. противъ русскаго правительства, съ единственною цѣлью громить его крѣпости, арсеналы и прочее имущество» [3]) Въ газетахъ Великобританіи, кромѣ того, было напечатано, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны торговыя суда могутъ свободно возвращаться домой. Такъ было на бумагѣ; а на дѣлѣ англійскій адмиралъ отдалъ тайный приказъ забирать немедленно всѣхъ безъ разбора; даже лодки бѣдныхъ рыбаковъ не были пощажены «пиратами» [4]). 18-го апрѣля 1854 года у нихъ на одномъ кораблѣ было уже 12 чел. русскихъ плѣнныхъ; а 8-го мая изъ Копенгагена сообщалось, что до 50-ти финскихъ и русскихъ купеческихъ судовъ было захвачено англійскими крейсерами. Абоскій губернаторъ (Кронштедтъ) 7-го (19-го) іюня 1854 г. сообщилъ, что съ купеческаго судна былъ взятъ англичанами подштурманъ (Турманъ) и отвезенъ въ Лондонъ, гдѣ его плохо содержали на особомъ суднѣ; онъ разсказалъ, что англичане понуждали финляндцевъ подписать обѣщаніе не служить противъ Англіи и не вступать на купеческія суда, отправлявшіяся въ Австралію [5]).

Стремленіе къ легкой добычѣ довело міровыхъ мореплавателей

---

[1]) Грегуаръ, т. III, стр. 492. [2]) Грегуаръ, т. III, стр. 487. [3]) Сочиненіе кн. П. А. Вяземскаго, т. VI, стр. 399. [4]) «Finsk Militär Tidskrift». 1884 г., т. IV, стр. 235. [5]) Дѣло № 25. 1854 г. архива Финляндскаго военнаго округа.

до того, что они употребляли даже чужіе флаги — русскій и нейтральныхъ государствъ, чтобы вѣрнѣе заманить жертву [1]). 30-го марта (12-го апрѣля) финляндская шкуна «Альма» встрѣтила близъ Дагерорта два паровые фрегата, изъ которыхъ одинъ, приближаясь къ шкунѣ, поднялъ русскій военный флагъ. Фрегатъ спустилъ на море шлюпку и замѣнилъ затѣмъ русскій флагъ англійскимъ. Шкуна отдѣлалась, однако, на этотъ разъ лишь однимъ осмотромъ [2]).

Забота объ участи своего торговаго флота естественно сказалась на страницахъ періодической печати Финляндіи непосредственно за появленіемъ непріятеля въ Балтійскомъ морѣ. Будущность грозила флоту всякаго рода опасеніями, но надеждъ не сулила. Половина, если не три четверти финскаго торговаго флота находилась въ чужихъ водахъ, зависящихъ притомъ отъ англичанъ. Печать рекомендовала поэтому судохозяевамъ и шкиперамъ или поспѣшить возвращеніемъ домой, или натурализировать свои суда въ приморскихъ городахъ, чтобы успѣть прикрыть ихъ нейтральнымъ флагомъ, или же, наконецъ, совершенно продать ихъ. «Абосскія Извѣстія» (Abo Underrättelser) въ мартѣ подсчитали, что тогда уже Финляндія должна была потерять 37 судовъ, вмѣстимостью въ 5,650 ластовъ.

Въ началѣ кампаніи дѣятельность непріятельскаго флота въ Балтикѣ ограничилась почти исключительно захватомъ торговыхъ судовъ и безцѣльнымъ плаваніемъ около береговъ. 1-го іюня въ «Times» появилась кореспонденція, пролившая значительный свѣтъ на тактику, которой слѣдовали англичане, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей кампаніи въ Балтійскомъ морѣ. «Если бы русскіе корабли стояли въ Гельсингфорсѣ, — писалъ кореспондентъ, — для насъ было бы гораздо лучше. Предположимъ, что мы сдѣлаемъ нападеніе на Гельсингфорсъ и уничтожимъ стоящій тамъ русскій флотъ. Извѣстіе объ этомъ получится въ Петербургѣ чрезъ нѣсколько часовъ. Тогда выйдетъ кронштадтскій флотъ, состоящій изъ двадцати линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ 50-ти-пушечныхъ фрегатовъ и другихъ судовъ меньшаго размѣра. Въ этомъ случаѣ на сторонѣ русскаго флота въ сраженіи будутъ всѣ преимущества. Несмотря на наше искусство и храбрость, мы можемъ потерять нѣсколько лучшихъ нашихъ кораблей. Повидимому, сэръ Чарльзъ Непиръ вполнѣ понимаетъ все это, иначе уже предпринялъ бы что-

---

[1]) Путиловъ, т. VIII, стр. 25 и «Морской Сборникъ», 1854 г., № 4. [2]) Тамъ же, № 4.

Узкость Баре-Зундъ съ югозападной стороны.

Барэ-Ляндетъ. Орсъ-Ляндетъ.

Мѣсто у котораго сосредоточилась въ Іюнѣ 1854 г. англофранцузская эскадра.

нибудь... Намъ скажутъ: для чего не разрушили форта Гангэ? Но что выиграемъ мы отъ этого? Если мы убьемъ у русскихъ тысячу человѣкъ, они тотчасъ же могутъ замѣнить ихъ другими (Путиловъ, т. XVIII, стр. 31). Этотъ выводъ кореспондента считался повидимому столь вѣскимъ и убѣдительнымъ, что онъ почти дословно былъ повторенъ въ министерской газетѣ «Globe» съ прибавленіемъ лишь вывода, что адмиралъ Непиръ человѣкъ смѣлый, но не сумасшедшій. (Сборн. Путилова, т. XVIII, стр. 47). Если такая стратегическая философія дѣйствительно была усвоена экипажемъ англійской эскадры, то естественно, что Непиру предпочтительнѣе было преслѣдовать мирныхъ прибрежныхъ жителей, ловить суда финскихъ рыбаковъ и заниматься оцѣнкою призовъ, чѣмъ пытаться произвести осаду Кронштадта, или схватиться съ свеаборгскимъ флотомъ.

«Что англичане, не рѣшавшіеся на серьезный десантъ, дозволяли себѣ самыя безполезныя выходки, мы знали, писалъ Фетъ— потому что между Ревелемъ и Нарвою высадились непріятельскіе стрѣлки, и когда единственными встрѣченными ими лицами оказались двѣ бабы въ полѣ, бросившіяся, разумѣется, опрометью бѣжать, то стрѣлки сдѣлали по нимъ залпъ и, убивши одну наповалъ, вернулись къ своимъ шлюпкамъ» [1]). «Сберегая уголь, англійскіе фрегаты ходили подъ парусами и имѣли видъ громадныхъ хищныхъ птицъ, раскинувшихъ крылья надъ волнами. Конечно, никто не зналъ замысловъ непріятеля и потому нужно было быть готовымъ во всякое время. Впослѣдствіи мы убѣдились, что непріятель считалъ наше побережье гораздо сильнѣе укрѣпленнымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и потому не рѣшался подвергать дорогихъ кораблей поврежденіямъ, подводя ихъ къ намъ на близкое разстояніе». (Тамъ же, стр. 50). Произведя рекогносцировку Кронштадта, союзные адмиралы 16-го іюня (1854 г.) пришли къ заключенію, что бомбардированіе не можетъ быть произведено по недостатку мортиръ, и что вообще, при настоящемъ составѣ, нельзя предпринять ничего рѣшительнаго [2]).

До начала кампаніи Непиръ разсуждалъ иначе. Онъ, напротивъ, надѣялся истребить всѣ наши приморскіе пункты, не исключая Кронштадта (Мошнинъ, 252; Bazancourt. 251—252). Англій-

---

[1]) «Изъ моихъ воспоминаній. А. Фета» (Шеншина). «Русскій Вѣстникъ» 1888 г., т. VIII, стр. 52). [2]) Любовицкій. «Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба», 1862 г., т. I, стр. 153.

ское общество также было увѣрено въ скорой и легкой побѣдѣ и смотрѣло на экспедицію Непира, какъ на увеселительную прогулку, во время которой онъ будетъ завтракать въ Кронштадтѣ и обѣдать въ Петербургѣ, а попутно комфортабельно погрѣетъ свои старческія ноги у огня Свеаборга. (Грегуаръ, т. III, стр. 492). Это, конечно, остроты, въ изобиліи расточаемыя въ періоды подъема патріотическаго чувства; но въ сущности онѣ довольно близки къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыхъ держались руководители западной политики. Императоръ французовъ увѣрялъ, напримѣръ, что вся война кончится ранѣе двухъ мѣсяцевъ (а потому во Франціи были убѣждены, что взятіе Севастополя дѣло одного удара); лордъ Эбердинъ гордо говорилъ въ мартѣ 1854 года, что Англіи рано еще просить Божьей помощи. Джонъ Россель выразилъ нашему министру въ Лондонѣ, барону Бруннову, что, если война неизбѣжна, то она по крайней мѣрѣ, не будетъ продолжительна. «Я мало вѣрю въ легкій успѣхъ»,—отвѣтилъ баронъ,—«особенно въ борьбѣ между великими державами, гдѣ замѣшаны вопросы чести. Вы знаете, что Россія не уступаетъ въ несчастіи». («Вѣстникъ Европы» 1879 года, февраль, стр. 679).

Въ виду указаннаго общественнаго настроенія въ Англіи скоро послышались упреки бездѣйствію Непира и юмористическое изданіе «Punch» не замедлило совѣтомъ своимъ землякамъ заняться хоть ловлей салакушки, дабы не пропали огромные запасы соли, сдѣланные флотомъ («Abo Underrettelser» 1854, № 49).

Въ столицѣ Россіи появленіе непріятельской армады никакого переполоха не произвело. Общество отнеслось къ громадному флоту въ Балтійскихъ водахъ какъ-то особенно спокойно [1]). Это удостовѣряется показаніями многихъ современниковъ-очевидцевъ. «У насъ о Балтійскомъ флотѣ англичанъ никто не думаетъ, писалъ (6-го апрѣля 1854 г.) директоръ педагогическаго института И. И. Давыдовъ изъ Петербурга извѣстному М. П. Погодину. По мудрой предусмотрительности обожаемаго нашего отца отечества, мы спокойно занимаемся дѣлами, какъ и всегда прежде...» Въ томъ же духѣ писалъ Погодину В. И. Панаевъ (28-го марта 1854 г.): «Начинаетъ пахнуть войною. Незванные гости приближаются, но мы спокойны.» Тѣ же заявленія находимъ и въ другихъ письмахъ того времени.

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ М. Цебриковой отмѣчено, что флотъ непріятеля, дойдя примѣрно до острова Сескара, остановился и выслалъ судно для развѣдокъ, которому однако ледъ случайно полосой помѣшалъ близко подойти къ Кронштадту. («Воспоминанія М. Цебриковой». «Вѣстникъ всеміри. исторіи» 1901 г.).

«Непра мы не боимся»,—сообщалъ Погодину (29-го апр. 1854 г.) Арапетовъ; «въ частной жизни здѣсь никакой перемѣны и только военныя приготовленія доказываютъ приближеніе врага». «До какой степени жители Петербурга пользовались безопасностью, можно судить изъ того», читаемъ у Н. Барсукова, «что И. С. Тургеневъ поселился на дачѣ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и у него 20-го іюня 1854 года завтракали: гр. А. К. Толстой, Маркевичъ, Анненковъ и Некрасовъ, а самъ онъ ѣздилъ на Красную Горку, чтобы смотрѣть оттуда на англійскій флотъ» [1]). Изъ письма А. В. Головина видно, что вся Императорская фамилія предполагала тогда же (въ апрѣлѣ 1854 г.) поселиться въ Петергофѣ. Слѣдовательно, производившіеся въ виду Кронштадта маневры судовъ союзниковъ никого не смущали. Переписка гр. А. К. Толстого и Ѳ. И. Тютчева съ ихъ родственниками и знакомыми вполнѣ подтверждаетъ изложенное. «Видъ англичанъ меня ободрилъ»,—писалъ А. Толстой (19-го іюля 1854 г.);—«я ихъ видѣлъ сегодня утромъ, я былъ верстъ 15 за Ораніенбаумомъ, на Бронной горѣ, откуда ихъ было видно отлично; я насчиталъ 31 судно... Я здѣсь (т. е. въ Петергофѣ)»,—читаемъ въ слѣдующемъ его письмѣ (отъ 22-го іюля),—«потому, что сегодня имянины Цесаревны...» [2]).

Непріятель, появившійся въ виду Кронштадта 14-го іюня, измѣрялъ глубину и перемѣщалъ буйки. Одинъ изъ нашихъ кораблей («Владиміръ») попытался было снять подъ носомъ у непріятеля буекъ; но сейчасъ же ядро было пущено въ его огражденіе. До 19-го іюня 1854 года этимъ ядромъ ограничились его дѣйствія подъ Кронштадтомъ. Говорили, что онъ ждетъ канонерокъ. Вообще, Петербургъ относился къ флоту, какъ къ очень интересному зрѣлищу. Вереница посѣтителей всегда виднѣлась на дорогѣ къ Ораніенбауму. «Великолѣпная картина! Чтобы создать ее, — писалъ Тютчевъ, — непріятелю пришлось прибыть издалека съ большими издержками. Враждебности въ нашей толпѣ не наблюдалось: напротивъ, благодушная насмѣшка играла здѣсь и тамъ на лицахъ. Особенно много смѣялись, вспоминая извѣстіе, недавно сообщенное въ иностранныхъ газетахъ, будто Петербургъ въ ужасѣ, будто все населеніе бѣжало, и на защиту столицы приведено 40.000 башкиръ» [3]). «Итакъ,

---

[1]) «Жизнь и труды Погодина». Н. Барсукова, кн. XIII, стр. 66—70. [2]) «Вѣстникъ Европы» 1897 г., апрѣль, стр. 609. [3]) Въ дѣйствительности, жители Петербурга вовсе не унывали: «безпрестанные пикники, концерты, танцовальные вечера, тѣшатъ ихъ попрежнему», — читаемъ въ «запискахъ старой смолянки» (ч. I, стр. 274). Праздники шли своимъ чередомъ. (Тамъ же, стр. 284).

въ 18-ти верстахъ отъ дворца Всероссійскаго Императора стоятъ эти вооруженныя силы, ужаснѣйшія изо всѣхъ, какія когда-либо появлялись на моряхъ. Это весь западъ пришелъ на Россію, чтобы убить ее и заградить ей будущее». «Чувствовалось,—прибавляетъ Тютчевъ,—что присутствуешь при одномъ изъ наиболѣе торжественныхъ событій всемірной исторіи». («Рус. Арх.» 1899 года, т. II, стр. 271) [1]).

Погода въ теченіе лѣта 1854 года (до августа) была сказочная.

Передъ твердынями Кронштадта, Непиръ, какъ было уже сказано, смирилъ свою отвагу и рѣшилъ не трогать крѣпости [2]).

Шли усиленные толки о загражденіи сѣвернаго фарватера, т. е. рукава залива между Котлиномъ и берегомъ Финляндіи (у Сестрорѣцка). Рѣшили запереть его бономъ (плотомъ изъ бревенъ, опущеннымъ на дно). Минныя загражденія были такъ плохо устроены, что въ 1855 году непріятельская канонирская лодка легко ихъ вылавливала.

Внѣшній видъ и карта Кронштадта, надо полагать, были доста-

---

[1])
«Великихъ зрѣлищъ, міровыхъ судебъ
Поставлены мы зрителями нынѣ:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идутъ противъ Россіи.
Пожаръ войны полміра охватилъ,
И заревомъ зловѣщимъ освѣтились
Дѣянія державъ миролюбивыхъ...
Обращены въ позорища вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
Къ намъ двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И, наконецъ, приблизились, стоятъ
Предъ укрѣпленной Русскою твердыней...
И нынѣ въ урнѣ роковой лежатъ
Два жребія... И наступаетъ время,
Когда Рѣшитель міра и войны
Исторгнетъ ихъ всесильною рукой
И свѣту потрясенному покажетъ».

14-го іюня 1854 года, т. е. въ день появленія соединеннаго флота вблизи Кронштадта. (Тютчевъ. Рус. Арх. 1899 г., т. XII, стр. 609).

[2]) Вспоминая это прошлое, одна изъ современницъ, М. Цебрикова, отмѣтила въ своемъ дневникѣ, что изъяновъ въ Кронштадтѣ было не мало. «Форты были защищены только старыми пушками, крупный процентъ которыхъ былъ въ раковинахъ отъ ржавчины. Стрѣляли онѣ на сравнительно небольшія разстоянія, а прислуга была плохо обучена стрѣльбѣ. Исправить вооруженіе фортовъ было, конечно, не легко. Страхъ обнялъ жителей Кронштадта,—продолжаетъ Цебрикова,—когда вѣсть о приближеніи непріятельскаго флота распространилась по городу.»

точно извѣстны англичанамъ, такъ какъ въ ихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ помѣщались рисунки города. Общественное мнѣніе указывало тогда на сына англійскаго консула Симсона, какъ на человѣка, срисовавшаго ихъ, ибо русское гостепріимство открывало ему доступъ повсюду. (Пятидесятые годы. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853 — 1855 гг. М. Цебриковой «Вѣст. Всем. Ист.» 1901 года № 2).

Одинъ изъ очевидцевъ, разсказъ котораго намъ лично пришлось выслушать, находился на такъ называемой «Косѣ» Кронштадта, гдѣ нынѣ построена батарея Тотлебена. Этотъ очевидецъ пояснилъ, что для противодѣйствія высадкѣ, на Косѣ были возведены батарея, люнетъ (адмирала Литке) и редутъ (генерала Дена). М. Цебрикова прибавляетъ къ этому, что, пріѣхавшій изъ Севастополя Тотлебенъ нашелъ, что укрѣпленія эти поставлены были такъ остроумно, что будутъ стрѣлять другъ въ друга, не вредя непріятелю. Возобновленные Петровскіе шанцы и Михайловскіе были геніально расположены. Оказалось, что ихъ поставилъ Петръ Великій («Вѣст. Всем. Ист.» 1901 г., т. XII, стр. 7). Флотъ непріятеля, состоявшій изъ 70-ти парусныхъ судовъ и изъ 10-ти пароходовъ, вытянулся въ двѣ линіи передъ Толбухинымъ маякомъ, а затѣмъ подошелъ къ фортамъ Александръ I и Павелъ I. Пароходы непріятеля приблизились по южному фарватеру, но до линіи нашего огня, — которая установлена была въ 700 саж. — не подходили. Артиллеристы (на Косѣ) стояли наготовѣ и калили уже ядра. Въ бинокли отлично можно было видѣть непріятеля. Около получаса онъ простоялъ противъ Косы и опять вернулся къ Толбухину маяку. Нашъ военный пароходъ («Владиміръ») выстрѣлилъ въ догонку, непріятель отвѣчалъ, но безъ причиненія вреда. Обогнувъ Толбухинъ маякъ, пароходы пошли по сѣверному фарватеру и достигли высоты бывшей лабораторіи. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ тылъ нашимъ укрѣпленіямъ Косы, непріятель пошелъ далѣе къ Кронштадту, гдѣ обмѣнялся выстрѣлами съ поручикомъ Шишковымъ. Видимо это была только рекогносцировка. Пароходами командовалъ Сеймуръ. На сѣверномъ фарватерѣ непріятель вытащилъ одну нашу мину. При изслѣдованіи ея, произошелъ взрывъ, причемъ, какъ сдѣлалось затѣмъ извѣстнымъ изъ газетъ, Сеймуръ окривѣлъ (см. также «Морск. Сборн.» 1883 г., № 9: статья Аренса). Все лѣто непріятель то приближался къ Кронштадту, то удалялся отъ него. Въ сферу же нашего огня, однако, онъ никогда не заходилъ.

Когда въ 1855 г. непріятель повторилъ свой визитъ, русское общество отнеслось къ нему столь же спокойно, какъ и въ 1854 г. Союзный флотъ приближался къ Петербургу. «Странно: жители его спокойны»... отмѣтила въ своемъ дневникѣ Старая Смолянка (см. ея «Записки», ч. I, стр. 323). Союзники пожаловали къ намъ въ гости, но «по какому то странному ослѣпленію въ Петербургѣ объ нихъ и не думаютъ: французскій театръ идетъ своей чередою, зимою ждутъ итальянцевъ, а вражій флотъ на глазахъ!» (Тамъ же, стр. 324).

Страхъ передъ эскадрой,—по словамъ г-жи Цебриковой, — въ общемъ былъ настолько незначителенъ, что командиръ одного изъ кораблей рѣшилъ даже устроить у себя на судпѣ балъ. Балъ вышелъ очень эфектнымъ; близость непріятеля, котораго видѣли въ подзорныя трубы, придавала своеобразный букетъ оживленію. Въ антрактахъ между танцами гости ходили на носъ смотрѣть на его суда. Тревога прервала танцы. Непріятель разводилъ пары. Вмигъ выдвинуты были пушки, команда разставлена по мѣстамъ, капитанъ и офицеры заняли свои посты, а гостямъ было приказано не выходить изъ палатки. Мы увидѣли быстро приближавшійся непріятельскій пароходъ, который остановился за чертой выстрѣловъ. Тогда капитанъ приказалъ продолжать танцы. Очевидно, что непріятель, увидѣвъ нашъ пароходъ, а также катера и шлюпки, подвозившіе гостей изъ города, подумалъ, что готовится какая-нибудь экспедиція, и послалъ пароходъ наблюдать. Грянула бальная музыка, разряженныя дамы вышли на носъ и въ трубу отчетливо видѣли палубу «его» парохода, офицеровъ съ подзорными трубами, матросовъ на мачтѣ. Постоявъ съ полчаса, англійскій пароходъ повернулъ къ своей эскадрѣ, разглядѣвъ, что на нашей плавучей батареѣ балъ. Но, все-таки, часа два—три все было на чеку. Вернувшійся къ своей эскадрѣ пароходъ пересталъ дымиться, другіе паровъ не разводили и тревога оказалась напрасной.

Въ книгѣ полковника Мошнина (Оборона побережія) указана еще одна чрезвычайно характерная подробность. Оказывается, что адмиралу Непиру изъ Кронштадта на русскомъ катерѣ ежедневно возили свѣжую пищу (стр. 254). Чѣмъ объясняется такая изысканная любезность—неизвѣстно.

Говоря о взаимной любезности, нельзя не упомянуть, что въ іюлѣ 1856 г. Непиръ посѣтилъ Петербургъ. Въ Смольномъ институтѣ «злѣйшій врагъ Россіи» вѣжливо кланялся и сладко улыбался. «Такъ обстоятельства мѣняютъ людей!» Тотъ Непиръ, который въ

1854 г. хладнокровно сжигалъ города и истреблялъ имущество мирныхъ жителей, въ 1856 г. дружелюбно прохаживался въ стѣнахъ города, который ему не довелось сжечь («Записки старой смолянки», ч. I, стр. 380—382).

Въ «Абоскихъ Извѣстіяхъ» («Abo Underrättelser» за 1856 г.). въ корреспонденціи изъ Гельсингфорса, озаглавленной «Рѣдкій визитъ», было сообщено, что старый знакомый Чарльсъ Непиръ задумалъ посѣтить Финляндію. Храбрый адмиралъ, которому стоило много труда убѣдить своихъ согражданъ въ невозможности взятія два года тому назадъ Свеаборга и Кронштадта, съ англійской настойчивостью рѣшилъ теперь такъ или иначе проникнуть въ эти крѣпости. У Его Величества онъ испросилъ позволеніе осмотрѣть ихъ и на этихъ дняхъ ожидается въ Гельсингфорсъ». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о семъ визитѣ въ газетѣ не имѣется.

Война была начата Россіей, и Россія же оказалась къ войнѣ не подготовленной. Балтійское море одѣвалось въ боевую броню, но медленно и далеко не надлежащаго качества.

Для всѣхъ было ясно, что непріятель, обладая большимъ флотомъ, произведетъ диверсію въ Балтійское море, будетъ угрожать столицѣ, блокировать берега и запирать порты, а потому наше правительство подвергло обсужденію вопросъ о мѣрахъ къ огражденію Балтійскаго побережья. Болѣе самоотверженные моряки предлагали заградить непріятелю доступъ въ Балтику, занятіемъ Зунда и Большого Бельта. Князь Меншиковъ не раздѣлялъ подобнаго мнѣнія по разнымъ соображеніямъ и, между прочимъ, вслѣдствіе невозможности положиться на Данію и Швецію. Князь Меншиковъ склонялся къ тому, чтобы ограничиться обороною Финскаго залива, сосредоточивъ весь нашъ флотъ въ хорошемъ рейдѣ и проведя по берегу залива телеграфную линію.

Вторично князю Меншикову пришлось коснуться того же вопроса въ декабрѣ 1853 года, по поводу Высочайше сдѣланнаго ему запроса. Государь Императоръ склонялся къ тому, чтобы вывести весь флотъ изъ гаваней и поставить его по сѣверную сторону Кронштадта, по направленію къ Лисьему Носу, въ одну или двѣ линіи. Князь Меншиковъ доказывалъ, что такимъ расположеніемъ не будетъ достигнута цѣль Балтійскаго флота, прикрытіе портовъ и пораженіе непріятеля. Ревель и Свеаборгъ оказались бы безъ защиты и Финскій заливъ предоставленъ господству непріятеля. «Если,— писалъ онъ,—рѣшиться принять сраженіе, то нужно выдвинуть флотъ къ острову Паргену; если же ограничиться защитою, стоя

на якорѣ, то сообразнѣе расположить его въ виду Свеаборга, или Поркалаудда».

Наши авторитеты въ морскомъ дѣлѣ—адмиралы Корниловъ, Рикордъ, Литке и гр. Гейденъ—высказали довольно разнообразныя соображенія. Корниловъ предлагалъ сосредоточить главныя силы флота въ Барезундскомъ рейдѣ, около Поркалаудда: Литке и Рикордъ склонялись къ тому, чтобы соединить всѣ три дивизіи въ Свеаборгѣ и не пропускать непріятеля къ Кронштадту; графъ Гейденъ стоялъ за то, чтобы заградить входъ западной эскадрѣ въ Финскій заливъ. Свеаборгскій портъ онъ находилъ нѣсколько тѣснымъ для трехъ дивизій, а выходъ изъ гавани узкимъ. Между прочимъ, графъ Гейденъ предлагалъ удалить всѣхъ жителей съ Гохланда и прибрежныхъ острововъ, чтобы отнять у непріятеля возможность пользоваться ими для указанія плаванія по шхерамъ. Несмотря однако же на то,—пишетъ генералъ-лейтенантъ М. И. Богдановичъ [1]),—что наши моряки большею частью склонились на сосредоточеніи Балтійскаго флота въ Свеаборгѣ, двѣ дивизіи его, подъ начальствомъ адмирала Рикорда, были оставлены въ Кронштадтѣ [2]) для усиленія обороны этой крѣпости, и только 3-я дивизія, по прежнему, расположена въ Свеаборгѣ. Финляндія и прибалтійскія области были объявлены состоящими на военномъ положеніи.

Въ то же время въ Петербургѣ учрежденъ былъ особый комитетъ, съ цѣлью опредѣленія стратегическаго значенія нашихъ крѣпостей, ихъ слабыхъ сторонъ, силы ихъ сопротивленія и т. п., т. е. приведенія крѣпостей въ оборонительное положеніе. Предсѣдателемъ его состоялъ генералъ-адъютантъ Бергъ. Но труды этого комитета едва ли не ограничились только составленіемъ инструкцій комендантамъ крѣпостей имперіи, такъ какъ сдѣлать что-либо болѣе онъ былъ безсиленъ. Представилось затруднительнымъ даже на бумагѣ собрать надежныя свѣдѣнія. Справки получались самыя противорѣчивыя. По однимъ даннымъ, напримѣръ, въ Кинбурнѣ должно было находиться 250 орудій, а по другимъ—всего 25. Отысканные планы крѣпостей оказались старыми [3]).

Главнымъ начальникомъ обороны Балтійскаго побережья отъ Ревеля до Выборга, исключая Кронштадта, былъ назначенъ Его Высочество Цесаревичъ [4]). Должность военнаго генералъ-губерна-

---

[1]) «Восточная война 1853—1856 гг.», изд. 2-е, 1877 г., т. II, стр. 213. [2]) Николай I на укрѣпленіе Кронштадта расходовалъ также и свои собственныя деньги. («Русская Старина» 1898 г., апрѣль, стр. 253). [3]) Кренке, стр. 6—11. [4]) «Біографическій словарь», т. I, стр. 451.

тора Кронштадта была ввѣрена генералу Дену. Все побережье раздѣлили на участки подъ командованіемъ отдѣльныхъ начальниковъ. Въ крѣпость Выборгъ былъ командированъ генералъ-адъютантъ Огаревъ, а въ Выборгскія шхеры—генералъ-маіоръ Демидовъ [1]).

Вдоль Финскаго залива поспѣшно настроено было много укрѣпленій; но орудій для всѣхъ не хватило. Изъ имѣвшихся орудій практическая стрѣльба почти не производилась, ради экономіи въ снарядахъ. Флотъ обреченъ былъ на бездѣйствіе; двѣ трети его стояло въ Кронштадтѣ, а одна треть — въ Свеаборгѣ. Была сформирована еще резервная гребная флотилія. Минныя загражденія были поставлены у Кронштадта, Ревеля, Динамюнде и Свеаборга. Мины употреблялись преимущественно плавучія на якоряхъ, какъ гальваническія, такъ и пиротехническія или ударныя. Заряды ихъ не превышали 10—15 фунтовъ обыкновеннаго пороха.

По Балтійскому побережью распредѣлено было всего до 200 тысячъ войскъ [2]).

Въ матеріальномъ отношеніи союзники, конечно, находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Россія. По справкѣ, представленной графомъ Киселевымъ, четыре союзныя державы имѣли 108.000,000 населенія и три миліарда дохода: у Россіи только 65 мил. населенія и 1 миліардъ дохода («Вѣстникъ Европы» 1881 г., августъ, стр. 459). 10-го февраля 1854 г. (за № 84) военный министръ, кн. Долгоруковъ, увѣдомилъ командующаго войсками, что для усиленія обороны Финляндіи назначены: одна гренадерская дивизія съ ея артилеріей, Атаманская дивизія, л.-гв. Уральскій казачій эскадронъ и резервная бригада 1-й гренадерской дивизіи [3]). Впослѣдствіи къ нимъ добавлены были еще нѣкоторыя части: такъ напримѣръ, Донской казачій полкъ № 64 и др. (отъ военнаго министра отъ 4-го января 1855 г. № 48). Въ 1855 году, мы располагали для защиты береговъ Финляндіи всего 50,000 чел. Выше этой цифры наша сила не подымалась. По свѣдѣніямъ командующаго войсками, 19-го апрѣля (1-го мая) 1855 г. въ Финляндіи было расквартировано 43,425 чел. (Арх. Финлянд. военнаго округа). Изъ записки, поданной генералъ-лейтенантомъ Рокасовскимъ въ сен-

---

[1]) См. у Кренке. [2]) Польшѣ—140,000; на Дунаѣ—180,000; въ Крыму болѣе 50,000. Всего войскъ у насъ считалось: въ 1853 году — 1.123,583; въ 1854 году — 1.146,414; въ 1855 году—1.527,748. «Сеньобосъ» т. II, стр. 729; военно-статистическій сборникъ «Россія», вып. IV, стр. 46. Редакція Н. Обручева, Спб. 1871 года. [3]) Весной 1854 года въ Финляндіи находилось: 24½ баталіона, шесть эскадроновъ и 36 орудій.

тябрѣ 1855 г. видно, что нашъ *Вазаскій отрядъ* состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ при восьми полевыхъ орудіяхъ и охранялъ Вазаскую губ. и Остработнію отъ Кристинештадта до Улеоборга, т. е. на протяженіи 460 верстъ. *Абоскій отрядъ* имѣлъ семь баталіоновъ и 12 полевыхъ орудій. Отряды его стояли въ Нюстадѣ, Раумои Бьернеборгѣ, т. е. на разстояніи 75, 100 и 160 верстъ другъ отъ друга.

Въ *Экенескомъ отрядѣ* временами находилось не болѣе одного баталіона, а въ *Фридрихсгамѣ* во все лѣто только одинъ линейный и одинъ поселенный баталіоны. И онъ посылалъ еще свои роты въ Кюмень. За 100 и 150 верстъ отъ сихъ отрядовъ находились наши подкрѣпленія. Связью между ними служили казачьи пикеты и телеграфъ.

Подобные отряды могли только мѣшать высадкѣ и временно предохранять жителей отъ грабежа.

Во время войны явилась необходимость возстановить поселенныя войска, первоначально учрежденныя въ царствованіи Карла XI (1697 г.). Призывались они въ нѣсколько пріемовъ: сперва изъ губерній, прилегавшихъ къ Ботническому заливу, а затѣмъ изъ остальныхъ. 11-го (23-го) іюня 1854 г. состоялся Высочайшій манифестъ о сформированіи двухъ поселенныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ по 600 чел. изъ губерній: Абоской, Вазаской и Улеоборгской; 16-го октября и 13-го ноября того же 1854 года повелѣно было сформировать еще четыре такихъ баталіона изъ населенія остальныхъ губерній (за исключеніемъ Нюландской и Выборгской). Въ 1855 году къ прежнимъ шести баталіонамъ прибавлено было еще три съ тѣмъ, чтобы они были вооружены къ февралю 1856 г. По штатамъ 1855 г. въ каждомъ баталіонѣ состояло 16 офицеровъ, три чиновника, 673 строевыхъ и 46 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. При каждомъ баталіонѣ должно было состоять по одной резервной ротѣ, въ 160 чел., но за окончаніемъ войны они не были собраны. Лейбъ-гвардіи, Финскій и Гренадерскій стрѣлковые баталіоны были сформированы въ 1854—1855 гг. вербовкою. Къ концу войны въ Финскихъ войскахъ состояло 6,057 челов. поселенныхъ и 4,654 челов. вербованныхъ, а всего 10,711 челов. (Воен. Обозр. Финл. воен. округа, 1876 года, стр. 371). Матросовъ собрано было только 1,500 челов. («Игнаціусъ», стр. 64). Поселенные баталіоны были вооружены за счетъ военнаго министерства, израсходовавшаго до 50,000 руб.; снаряженіе было заказано въ Петербургѣ распоряженіемъ нашего интендантства, но на средства финляндской казны. 6-й Тавастгу-

скій баталіонъ назывался именемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, а 9-й Выборгскій — Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

Забота по сформированію сей «національной милиціи» (nationalmilisen) была возложена на сенатора Казиміра фонъ-Котена и особо учрежденную для сего комисію. Возстановленіе финскаго войска на прежнихъ основаніяхъ значительно повліяло, — по признанію Августа Шаумана, — на подъемъ національнаго чувства, чѣмъ въ извѣстной мѣрѣ облегчалась тяжесть этой воинской повинности. Общество содѣйствовало дѣлу, чѣмъ могло: давали воинскимъ частямъ удобныя помѣщенія, строили экзерциръ-гаузы, кухни и пр., жертвовали кровати. Котенъ, со свойственной ему энергіей, переѣзжалъ изъ прихода въ приходъ вмѣстѣ съ предназначенными баталіонными командирами, и договаривался съ содержателями рутъ (rotehâllarne), обязанныхъ поставлять пѣхотинцевъ по требованію правительства. Первые два баталіона были собраны и обучены въ теченіи пяти недѣль и, впредь до надобности, распущены по домамъ, гдѣ занимались хозяйствомъ и ремеслами. Офицеры и унтеръ-офицеры размѣщались среди нихъ для наблюденія за порядкомъ и поведеніемъ, а ротные командиры со штабами находились въ городахъ. Унтеръ-офицеровъ и сигналистовъ подготовляли въ школахъ, учрежденныхъ тогда въ Або, Гамле-Карлебю и Улеоборгѣ [1]). Нижнихъ чиновъ оказалось достаточно; труднѣе было найти офицеровъ. Для пополненія ихъ комплекта приглашались не только служившіе прежде въ пѣхотѣ и кавалеріи, но даже офицеры - моряки разныхъ возрастовъ. Имъ пришлось покинуть свои дома, замѣнить плугъ мечемъ и вновь начать службу прежнимъ чиномъ. Поселенныя войска получили сперва свое прежнее свѣтло-сѣрое обмундированіе, но вскорѣ оно было замѣнено другимъ, такъ какъ показалось излишне «національнымъ» [2]).

Для службы на канонерскихъ лодкахъ, въ Финляндіи было сформировано особое ополченіе—2-й Финскій морской экипажъ. Высочайшее повелѣніе о его вербовкѣ состоялось 28-го декабря 1853 г., хотя окончательнымъ срокомъ сформированія сего экипажа былъ опредѣленъ 1855 годъ. Вслѣдствіе того, что непріятель стѣснилъ морскую торговлю Финляндіи, много моряковъ осталось безъ занятій и потому сформированіе этого ополченія явилось довольно кстати [3]).

---

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1854 года, № 258. [2]) «Воспоминанія Августа Шаумана, т. VI, стр. 132—134. [3]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1854 года, № 204.

КАРТА
ФИНЛЯНДІИ.
ТОРНЕО
УЛЕОБОРГЪ
БРАГЕСТАДЪ
Ботническій заливъ
ГАМЛА КАРЛЕБЮ
ЯКОБСТАДЪ
НЮКАРЛЕБЮ
НИКОЛАЙСТАДЪ
Ваза
КРИСТИНЕСТАДЪ
БЬЕРНЕБОРГЪ
ТАММЕРФОРСЪ
ТАВАСТГУСЪ
С. МИХЕЛЬ
СЕРДОБОЛЬ
КЕКСГОЛЬМЪ
ВЫБОРГЪ
ФРИДРИХСГАМЪ
ЛОВИЗА
КОТКА
Аланд
АБО
БОМЕРЗУНДЪ
ЭКЕНЕСЪ
ГАНГЕ
ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
Поркала
Финскій заливъ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
РЕВЕЛЬ
Балтійское море
ЛИТ. МАРКОВА С.П.Б.

Нижнимъ чинамъ, пожелавшимъ вновь поступить на военную службу, Высочайшимъ объявленіемъ 20-го декабря 1854 года были дарованы разныя преимущества и награды.

Воинскія части пришлось разбросать по разнымъ мѣстамъ длинной береговой линіи Финляндіи. Въ зависимости отъ обстоятельствъ, эти маленькіе отряды перемѣщались изъ города въ городъ. Если берега Финляндіи представляютъ нѣкоторыя удобства для обороны, то съ другой стороны обширность протяженія по Финскому и Ботническому заливамъ является при защитѣ громаднымъ неудобствомъ. Отъ Торнео до Выборга считается около 1,500 верстъ береговой линіи. Топографическія, гидрографическія и тактическія условія едва ли не болѣе благопріятствовали союзникамъ, чѣмъ намъ. Многіе фарватеры края, не доступные для парусного флота, сдѣлались доступными, по введеніи на судахъ пара и винта. Для дѣйствія же нашей полевой артилеріи и кавалеріи мѣстность представляла существенныя затрудненія. Изъ 32-хъ городовъ и мѣстечекъ—21 или $^{2}/_{3}$ были доступны непріятельскому нападенію. Серьезнымъ препятствіемъ должны были явиться шхеры съ ихъ трудно изучаемымъ лабиринтомъ проходовъ, но эту преграду въ значительной мѣрѣ англичане одолѣвали, благодаря своей опытности въ морскомъ дѣлѣ: къ глубокому нашему сожалѣнію, лоцманами у нихъ находились иногда мѣстные уроженцы Финляндіи. Если бы непріятель пожелалъ сдѣлать высадку, то имѣлъ бы для этого около десятка глубокихъ и удобныхъ пунктовъ.

Вслѣдствіе необходимости сосредоточить, на время войны, въ рукахъ финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа особую власть, нужную для принятія немедленныхъ мѣръ къ охраненію безопасности Финляндіи, Государь Императоръ, манифестомъ отъ 17-го февраля (1-го марта) 1854 г., Высочайше соизволилъ предоставить ему слѣдующія полномочія: «дѣлать нарядъ подводъ для перевозки войскъ, продовольствія ихъ и военныхъ тяжестей, по цѣнамъ, имъ установленнымъ, за наличныя деньги или подъ квитанціи; отрѣшать отъ должности чиновниковъ какъ низшихъ, такъ и высшихъ, полицейской части, полагая въ томъ числѣ и почтовое вѣдомство, назначать на мѣсто отрѣшаемыхъ другихъ, къ исправленію ихъ должности, и принимать непосредственно и неотлагательно всѣ мѣры, какія онъ признаетъ нужными по военнымъ обстоятельствамъ. Финляндскимъ же начальствамъ Мы вмѣняемъ въ обязанность исполнять немедленно требованія исправляющаго должность финляндскаго генералъ-губернатора и коман-

дующаго войсками въ Финляндіи, и наблюдать за неукоснительнымъ ихъ со стороны ихъ подчиненныхъ исполненіемъ, хотя бы требованія сіи и превосходили власть, общими постановленіями ему присвоенную, съ чѣмъ каждому, до кого сіе касаться можетъ, сообразиться». Съ прекращеніемъ военныхъ обстоятельствъ, эти особыя полномочія были отмѣнены 25-го апрѣля (7-го мая) 1856 года.

Мы опредѣленно не знали, конечно, гдѣ непріятель предполагалъ остановиться и какое мѣсто онъ изберетъ для своихъ операцій, а потому вездѣ и всегда приходилось быть готовымъ. Для наблюденія за его движеніями потребовалась длиннѣйшая сторожевая цѣпь. Донскіе казачьи полки №№ 63 и 64 выставили, напримѣръ, аванпосты по морскому берегу (между Гельсингфорсомъ и Або), на протяженіи 250 верстъ. Отовсюду, гдѣ только замѣчались его суда, дѣлались сообщенія и военными и гражданскими властями, и даже частными лицами. Подобными сообщеніями изобилуетъ военный архивъ Финляндскаго округа. Доклады о планахъ и предположеніяхъ непріятеля получались также изъ-за-границы. 16-го апрѣля 1854 г., напримѣръ, командующій войсками Финляндіи получилъ отъ генералъ-адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича, такое увѣдомленіе: «Посланникъ нашъ въ Швеціи сообщаетъ министерству иностранныхъ дѣлъ, будто бы адмиралъ Непиръ высказалъ намѣреніе начать военныя дѣйствія атакою Свеаборга. Не зная въ какой степени это извѣстіе достовѣрно, считаю, однако, нужнымъ предварить о томъ Ваше Превосходительство». 20-го мая того же года, военный министръ писалъ командующему войсками: «По Высочайшему, Государя Императора, повелѣнію, имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что по свѣдѣніямъ, сего дня полученнымъ Его Величествомъ изъ-за-границы, главная цѣль адмирала Непира (Napier), вслѣдствіе данныхъ ему наставленій, состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать соединенію дивизіи нашего флота, находящейся въ Свеаборгѣ, съ тою частью онаго, которая теперь въ Кронштадтѣ: а также, что соединенныя англо-французскія морскія силы намѣрены употребить всевозможныя усилія, дабы овладѣть Свеаборгомъ, какъ пунктомъ особенной важности, для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій».

Было сдѣлано и такое предупрежденіе, что непріятель намѣренъ произвести высадку около Гельсингфорса и затѣмъ большимъ десантомъ занять петербургскую дорогу, взять Борго и идти къ Фридрихсгаму и Выборгу и блокировать послѣдній. Эти дѣйствія стави-

лись въ связь съ возстаніемъ въ Польшѣ [1]). Всѣ эти гаданія не оправдались, а на дѣлѣ произошло слѣдующее.

Дѣло при Экенесѣ.

7-го (19-го) мая 1854 года пролита была «первая капля крови» на Финляндскомъ берегу. Въ этотъ день непріятель, на трехъ судахъ, предшествуемый 16-ти-весельнымъ баркасомъ, производившимъ промѣры, направился къ гор. Экенесу (Ekenäs). Начальникъ Абоскаго и Поіоскаго отрядовъ, генералъ-лейтенантъ Э. А. Рамзай, узнавъ посредствомъ телеграфа и черезъ лоцмановъ о движеніи непріятельскихъ судовъ, принялъ нужныя мѣры для наблюденія за ними и распорядился распредѣленіемъ отряда для защиты. Въ его вѣдѣніи находилось всего только одна рота финскихъ стрѣлковъ, двѣ роты гренадеръ и дивизіонъ батарейной батареи. Полувзводъ (въ 50 чел.) гренадерскаго стрѣлковаго баталіона укрылся на лѣсистомъ берегу, у станціи Лаппвикъ, гдѣ Поіоскій заливъ (Pojo-viken) наиболѣе съуживается. (Разсказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ была протянута подъ водой цѣпь черезъ проливъ, на которую жители Экенеса возлагали немалыя надежды. Какъ видно, цѣпь не воспрепятствовала проходу непріятельскихъ судовъ) [2]). Въ 4 часа пополудни, когда непріятель приблизился на 300 шаговъ, подпоручикъ Гюллингъ приказалъ своимъ стрѣлкамъ открыть огонь. Солдаты стрѣляли настолько мѣтко, что баркасу вскорѣ пришлось вернуться на двухъ веслахъ, и много матросовъ, находившихся на вантахъ и реяхъ фрегата, были поражены нашими пулями. Непріятель, однако, не остановился. Продолжая медленно двигаться впередъ, онъ сталъ сыпать гранатами и картечью по береговой батареѣ, устроенной противъ Витсанда. На этой батареѣ могло находиться только четыре 12-ти-фунтовыхъ пушки. По крайней мѣрѣ, подполковникъ Моллеръ, комендантъ Гангеудда, 24-го апрѣля 1854 г. доносилъ, что эти четыре пушки, со всѣми принадлежностями и зарядами, были имъ отправлены на купеческомъ суднѣ для вооруженія батареи въ проливѣ Витсанда (архивъ Финляндскаго военнаго округа). По другимъ извѣстіямъ можно заключить, что эти пушки, за неимѣніемъ надлежащихъ лафетовъ, были поставлены на козлахъ и такъ какъ онѣ отката не имѣли, то послѣ выстрѣла соскакивали на землю. (Гренгагенъ, «Путеводитель», 1899 г., стр. 367).

---

[1]) Архивъ Финляндскаго военнаго округа, изъ донесенія «trés secret». [2]) Ekenäs, dess historiska minnen; Ekenäs. 1897 г., стр. 85.

Баронъ Э. А. Рамзай.

У Гулль-э непріятель остановился на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла и переночевалъ.

8-го числа (въ 5 часовъ утра), непріятель продолжалъ наступленіе.

Прибывшей изъ Або 1-й батареей 1-й гренадерской артиллерійской бригады генералъ Рамзай подкрѣпилъ свой отрядъ. Непріятель, открывъ самый учащенный огонь изъ всѣхъ орудій лѣваго борта обоихъ судовъ, настолько осыпалъ нашу батарею картечью, что она вынуждена была сняться съ позиціи и переѣхать къ деревнѣ Лексваль, оттуда, около 2-го часа пополудни, возобновила свои дѣйствія. Одинъ англійскій пароходъ («Hekla») пододвинулся къ городу; но въ это время другой («Arrogant») сѣлъ на мель. «Геклѣ» пришлось подать помощь товарищу. Чтобы оберечь себя отъ нашихъ выстрѣловъ «Гекла» забрала на рейдѣ у Лексваля купеческое судно, нагруженное солью, и, поставивъ его около своего обстрѣливаемаго борта, благополучно миновала нашу батарею. По снятіи «Arroganta» съ мели, оба парохода удалились въ море.

Генералъ-лейтенантъ Э. А. Рамзай (инспекторъ стрѣлковыхъ баталіоновъ), командовавшій наскоро собранными здѣсь воинскими частями, съ большой похвалой отозвался объ ихъ стойкости и о мѣткости ихъ стрѣльбы. Финскіе стрѣлки удачными выстрѣлами снимали храбрецовъ съ рей и палубы. Чтобы отвлечь ружейный огонь вверхъ, англичане прибѣгли къ хитрости, повѣсивъ на мачтѣ чучело изъ парусины.

Въ этой стычкѣ финляндцы проявили свое хладнокровіе, а казаки—находчивость и расторопность. Потери наши были незначительны; но среди павшихъ находился прекрасный «служака», маіоръ Дергачевъ. Большой чугунный крестъ указываетъ его могилу (въ селеніи Трольбеле). Этотъ крестъ, вмѣстѣ съ крестомъ надъ братской могилой Сандгамна, — единственные памятники 1854 и 1855 гг. по всему побережью Финляндіи [1]).

Все это маленькое дѣло на столбцахъ европейской печати выросло въ блестящій подвигъ англичанъ, якобы разбившихъ и разогнавшихъ цѣлые полки русскихъ войскъ и взявшихъ съ сильной батареи у Витсанда три орудія! По англійскимъ извѣстіямъ мы потеряли до 500 человѣкъ! Останавливаться, послѣ изложеннаго, на подобныхъ измышленіяхъ нѣтъ, конечно, надобности. Остается только указать, что пушки, явившіяся трофеями англичанъ, оказались ма-

---

[1]) «Н. Путиловъ», т. XIX, 71—75 и 82—83; т. XXII, стр. 400; Abo Underrättelser 1854 года, №№ 40 и 41.

ленькими фальконетами, бывшими прежде на купеческихъ судахъ для салютацій [1]).

Помощникъ командующаго войсками въ Финляндіи, генералъ-лейтенантъ Рокасовскій, велѣлъ напечатать извѣстіе объ Экенесскомъ дѣлѣ въ «Гельсингфорской (шведской) газетѣ», для успокоенія жителей и предупрежденія превратныхъ толкованій. Рокасовскій просилъ военнаго министра и впредь разрѣшить ему поступать такимъ же образомъ. (Архивъ Финл. воен. округа). Это обстоятельство показываетъ, что русскіе вовсе не были склонны скрывать происходившее и что ихъ сообщеніямъ приходится поэтому довѣрять.

Послѣ боя, 7-го и 8-го мая 1854 года, оборона Экенеса была нѣсколько улучшена. Въ проливѣ Витсандъ, въ шести верстахъ отъ города, самомъ узкомъ морскомъ проливѣ, ведущемъ къ городу, построили батарею и вооружили ее шестью орудіями. Эта батарея приходилась какъ разъ на мѣстѣ той батареи, гдѣ завязалась перестрѣлка 7-го мая. По берегу пролива, кромѣ того, заготовили въ разныхъ мѣстахъ ложементы для стрѣлковъ и эполементы для полевыхъ орудій. Въ городѣ сосредоточили отрядъ, состоявшій изъ пяти баталіоновъ, полусотни казаковъ и восьми полевыхъ орудій [2]). Но никакого новаго предпріятія со стороны непріятеля не послѣдовало.

Дѣло при Гангеуддѣ.

Къ Гангеудду непріятель подходилъ нѣсколько разъ. 6-го (18-го) апрѣля 1854 года, около 11-ти час., здѣсь раздался первый выстрѣлъ непріятеля. Въ крѣпости ударили тревогу. На горизонтѣ показались непріятельскіе корабли, которые остановились, однако, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣдовало еще два непріятельскихъ выстрѣла. Крѣпость отвѣтила; но дѣло не разыгралось. Въ три часа утра 7-го (19-го) апрѣля видиѣлись огни на мачтахъ. Вдали стояло только два парохода. Англичане занялись промѣрами и когда они приблизились къ укрѣпленію, то были встрѣчены ядрами. 27-го апрѣля вновь показались суда, но до настоящей перестрѣлки дѣло дошло только *10-го мая*. Къ старымъ укрѣпленіямъ шведскихъ временъ — Густавсъ-Веринъ, Густавъ-Адольфъ и Скансъ-Гольмъ — непріятель подошелъ теперь на шести пароходахъ. Первое укрѣпленіе могло отвѣчать на огонь англичанъ только двумя орудіями, а фортъ Гу-

---

[1]) Пажи за 184 года. О. Р. фонъ-Фреймана, вып. III, 203—205). А также Ekenäs, dess historiska minnen. Ekenäs 1897 года, стр. 85—86. [2]) Кренке, 157—158.

Фортъ Густавсвернъ отражаетъ англичанъ при атакѣ ихъ на Гангеудскія укрѣпленія 10-го мая 1854 года.

Съ картины В. Сверчкова.

ставъ-Адольфъ только однимъ. При такихъ условіяхъ гарнизонъ не только выдержалъ пятичасовой бой, но успѣлъ нанести непріятелю значительныя поврежденія. Непріятель ушелъ. На островѣ Мошеръ англичане возвели батарею, но на другой день (12-го мая) наши охотники ее разрушили, воспользовавшись бездѣйствіемъ флота союзниковъ. Комендантомъ былъ подполковникъ Моллеръ—участникъ Бородинскаго боя, гдѣ онъ былъ прострѣленъ въ грудь. Теперь ему было 65 лѣтъ [1]). За мужественную стойкость, проявленную 10-го мая, онъ былъ награжденъ двумя чинами, т. е. произведенъ въ генералъ-маіоры. Густавъ-Вернскій гарнизонъ воодушевлялся поручикомъ Хартлинымъ, который успѣшно распоряжался двумя его орудіями [2]).

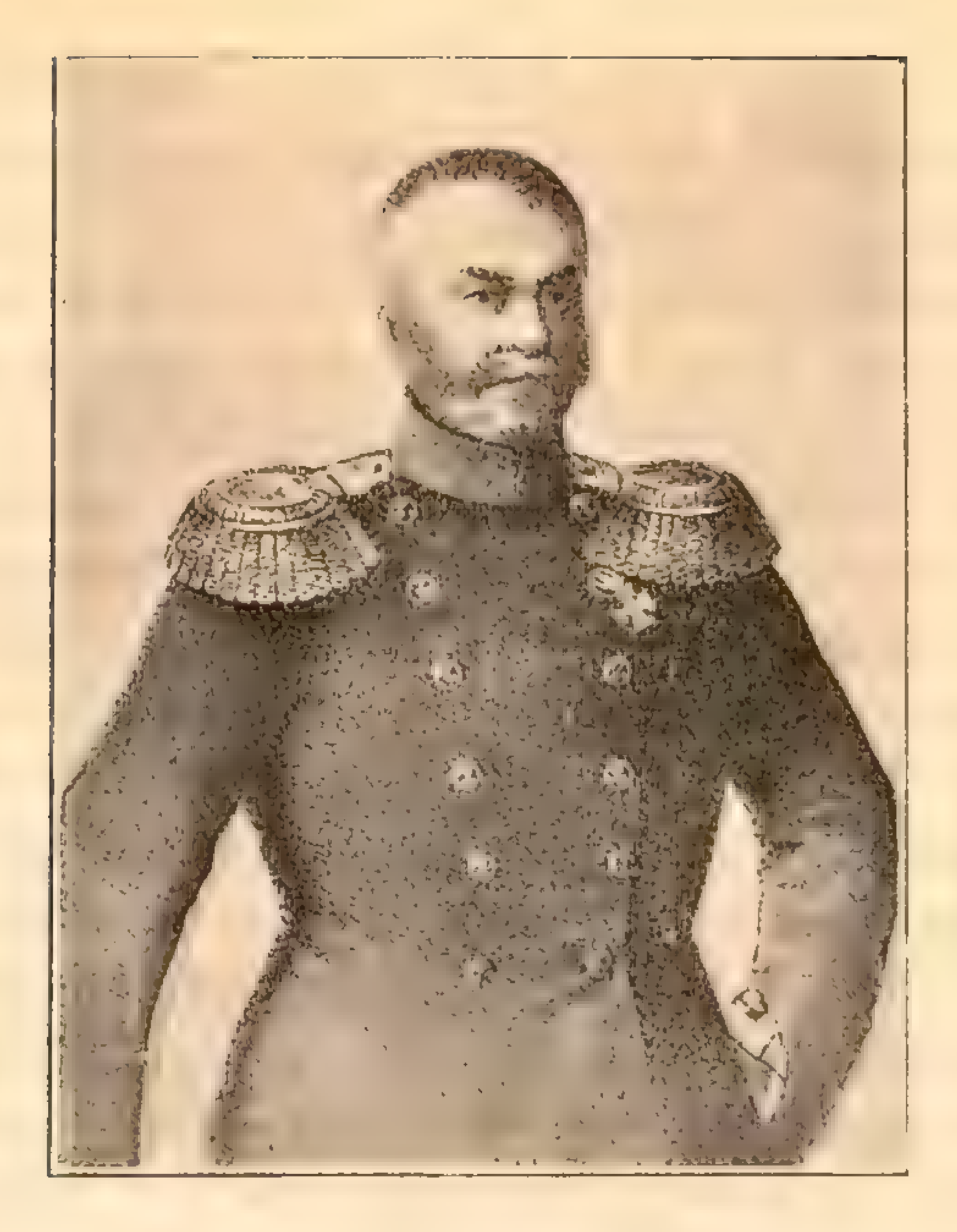
«Мы заглянули въ Гангэ,—писалъ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ, — подошедши насколько позволяло намъ благоразуміе. Около всѣхъ пушекъ на фортахъ стояли солдаты, и мы могли различить отряды войскъ, двигавшіеся подъ предводительствомъ офицеровъ, которые сидѣли на лошадяхъ. Гангэ наполненъ войсками и укрѣпленъ еще добавочными батареями, изъ которыхъ одна вооружена 11 пушками и имѣетъ грозный видъ». (Изъ газеты Herold отъ 16-го мая) [3]). Очевидно, что это описаніе весьма мало соотвѣтствовало дѣйствительности, такъ какъ укрѣпленія Гангеудда были разбросаны на маленькихъ островахъ и представляли изъ себя крайне незначительные бастіонные фронты. Болѣе 410 человѣкъ нельзя было помѣстить во всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ [4]).

---

[1]) Изъ донесенія свиты Его Величества контръ-адмирала Глазенапа. [2]) Н. Путиловъ, т. XIX, стр. 74—75, 77—81. [3]) Н. Путиловъ т. XVIII, стр. 40. [4]) Изъ отчета, представленнаго Государю Императору, по случаю 25-ти-лѣтія его царствованія, видно, что укрѣпленія Гангеудда состояли на островѣ Густавсъ-Вернъ—изъ трехъ каменныхъ и одного деревяннаго бастіонъ-фронтовъ; на мысѣ Дротнингсбергъ—изъ девяти деревянныхъ батарей. Въ крѣпости находилось шесть каменныхъ и 65 деревянныхъ строеній, всего на 410 чел. и на 7,964 пуд. пороха. («Сборн. Имп. Истор. Общ.», т. XCVIII, стр. 404). Въ виду того, что исторія Гангеудскихъ укрѣпленій вообще мало извѣстна и они покончили свое существованіе, возстановимъ въ нѣсколькихъ словахъ ихъ прошлое. Послѣ войны 1788—1790 гг. шведское правительство усмотрѣло необходимость укрѣпить Гангеуддъ, для сохраненія сообщенія между Свеаборгомъ, Або и шведскими портами. Въ 1791 г. положено было основаніе бастіоновъ на островахъ Густавсъ-Вернъ и Густавъ-Адольфѣ и на мысѣ Дротнингсбергѣ. Особое вниманіе обращено было на главный фарватеръ и на устройство обороны съ западной стороны противъ гребнаго флота, а остальныя части оборонительной линіи оставались въ теченіе 17-ти лѣтъ не укрѣпленными. Въ 1808 г. русскіе заняли эту крѣпостцу безъ сопротивленія, найдя тамъ 47 орудій, приготовленныхъ для укрѣпленій. Послѣ этого они сосредоточили въ Гангеуддѣ весьма значительный гарнизонъ (9,054 чел.) и укрѣпили его для своихъ дальнѣйшихъ цѣлей. Опасаясь прибытія англійскаго

Послѣ же дѣла при Гангеуддѣ въ одномъ иностранномъ изданіи («Staats-Anzeiger») появилась депеша изъ Стокгольма о томъ, что фортъ Густавсъ-Вернъ истребленъ англійскимъ флотомъ и 1,500 русскихъ взято въ плѣнъ («Сборн. И. Путилова», т. XIX, стр. 81). Въ одномъ финляндскомъ изданіи авторъ прямо глумится надъ этимъ дѣломъ, рисуя его съ ироніей и въ карикатурномъ видѣ. Онъ пишетъ, что пушки стояли на такихъ лафетахъ, которые послѣ перваго выстрѣла разваливались. Во время самой осады пѣхотѣ приходилось переливать пули отъ кремневыхъ ружей для новыхъ, только-что выданныхъ. Около города, на горѣ Дротнингсбергъ, возвели укрѣпленіе изъ бревенъ, заложивъ промежутки между ними, за неимѣніемъ земли, пучками соломы. То же самое дѣлалось и на островахъ. Комендантъ, боявшійся десанта, предложилъ на всякій случай огородиться палисадомъ и эта «китайская стѣна» спѣшно возводилась подъ его личнымъ наблюденіемъ. При появленіи союзнаго флота ударили тревогу и рѣшили всѣмъ собраться для принесенія Всевышнему горячей молитвы о заступничествѣ. «По увѣренію очевидца, молились съ усердіемъ, чуть-ли не

флота, мы тогда же сняли лоцмановъ съ окрестныхъ береговъ. Англійскій флотъ дѣйствительно явился въ Балтійское море и крейсировалъ между Гангеуддомъ и Свеаборгомъ. Высланный изъ Свеаборга для наблюденія за англичанами катеръ «Опытъ» былъ взятъ 50-ти пушечнымъ непріятельскимъ фрегатомъ. Въ іюнѣ 1808 г. шведы построили батарею у острова Сандо, желая прервать наше сообщеніе изъ Свеаборга и Гангеудда съ Абосскими шхерами; но графъ Гейденъ разбилъ шведовъ. Затѣмъ для защиты Гангеудда явился (на 13 дней) адмиралъ Ханыковъ изъ Кронштадта съ значительнымъ флотомъ, но серьезныхъ столкновеній съ непріятелемъ у него не было. 8-го мая 1811 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе включить Гангеуддъ въ число штатныхъ крѣпостей 3-го разряда. Въ маѣ 1813 г. военный министръ князь Горчаковъ, по представленію генералъ-губернатора Финляндіи графа Штейнгеля, согласился на снятіе орудій съ Гангеуддскихъ укрѣпленій. Затѣмъ началась переписка: укрѣплять-ли Гангеуддъ, или нѣтъ? Инженерный комитетъ высказался за сохраненіе лишь прежнихъ укрѣпленій и противъ возведенія новыхъ. Въ 1818 г. въ Гангеуддѣ было 111 орудій и казармы на 450 человѣкъ. Буря 1822 г. разрушила временныя укрѣпленія и многое повредила изъ каменныхъ построекъ. Послѣ этого Гангеуддъ записали во 2-й разрядъ. Въ 1832 г. въ Гангеуддъ былъ командированъ полковникъ Бакунинъ. Онъ донесъ, что въ Гангеуддѣ «не укрѣпленія, но однѣ только развалины оныхъ, во всей силѣ слова», а между тѣмъ, онъ усмотрѣлъ въ немъ стратегическую важность для военнаго времени: портъ для убѣжища флота (при восточномъ вѣтрѣ), и ключъ продовольственной линіи шхерами. Оказалось, что съ 1808 г. укрѣпленія лишь поддерживались починками на самыя ограниченныя суммы. Произвели кое-какія исправленія. (Гангеуддъ опять перевели въ крѣпость 3-го класса). Съ 1808 по 1840 гг. на Гангеуддъ было израсходовано всего 488,459 руб. 54 коп. асигнаціями. Эта цифра лучше всего свидѣтельствуетъ о ничтожномъ значеніи этихъ укрѣпленій.

Генералъ-Маіоръ Моллеръ,
Комендантъ Гангеудской крѣпости, Высочайше произведенный изъ подполковниковъ въ Полковники и въ Генералъ-Маіоры за отраженіе Англо-Французской эскадры у Гангеуда 10-го Мая 1854 года.

Атака укрѣпленій Ганге.

до слезъ». Къ изумленію защитниковъ форта Густавсъ-Верна, съ эскадры открыли огонь. Пришлось отвѣчать на выстрѣлы противника. Бой продолжался нѣсколько часовъ... Простоявъ нѣсколько дней, союзная эскадра ушла въ море... Радости и ликованію не было конца. Тотчасъ же было послано донесеніе въ Петербургъ о полномъ успѣхѣ дѣла, объ отступленіи противника съ урономъ... [1]).

Въ августѣ 1854 года повелѣно было укрѣпленіе въ Гангэ взорвать. Гарнизонъ, крестьяне и 200 лошадей работали надъ подготовленіемъ трехъ фортовъ къ взрыву. Въ воскресенье 15-го (27-го) августа взлетѣлъ на воздухъ фортъ Мейерфельдъ, за нимъ послѣдовали остальные, при громадномъ стеченіи народа [2]). На этотъ взрывъ израсходовано было всего до 950 пудовъ пороха; 86 орудій крѣпости были затоплены въ заливѣ.

Въ маѣ 1855 года у Гангеудда произошло маленькое столкновеніе, которому суждено было возбудить значительную дипломатическую переписку и обойти всю печать запада, въ статьяхъ, носившихъ заглавіе «убійство въ Ганге». Дѣло заключалось въ томъ, что 24-го мая съ фрегата «Казакъ» англичане отправили на берегъ лодку съ небольшой командой. Прапорщикъ Сверчковъ, заблаговременно увѣдомленный объ этой высадкѣ, скрылъ свой маленькій отрядъ за строеніями и затѣмъ дружнымъ натискомъ принудилъ непріятеля положить оружіе, причемъ англичане потеряли пять человѣкъ убитыми, а одинъ офицеръ, одинъ докторъ и одинъ гардемаринъ съ восемью матросами были взяты въ плѣнъ, съ находившимся при нихъ оружіемъ и флагомъ десантной лодки.

Вслѣдствіе невѣрнаго донесенія о событіи, англійское правительство стало утверждать, что команда была захвачена въ то время, когда она шла подъ прикрытіемъ переговорнаго флага. Возникла большая переписка между нашимъ военнымъ министромъ, контръ-адмираломъ Дундасомъ и графомъ Бергомъ. Разслѣдованіе дѣла показало всю неточность донесенія, и никакими изворотами англичанамъ не удалось скрыть истину. Выяснилось, кромѣ того, что англичане для удобства своихъ промѣровъ и для овладѣнія купеческими судами, не разъ прибѣгали къ этой хитрости и поднимали бѣлый флагъ, вмѣсто своего собственнаго [3]). Чтобы лишить ихъ возможности впредь прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ, установлено было, что парламентеры будутъ приниматься только въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ [4]).

---

[1]) К. Б. Гренгагенъ. «Путеводитель по Финляндіи»; 1890 г., стр. 369—371. [2]) Åbo Underrättelser 1854, № 75. [3]) Путиловъ, II., т. XXX, стр. 17 и др. [4]) Тамъ же, стр. 27.

Впослѣдствіи, при размѣнѣ плѣнныхъ въ Одессѣ, князю А. В. Мещерскому пришлось лично видѣть лейтенанта Луи-Дженестъ (Geneste), взятаго въ плѣнъ при Гангеуддѣ, виновника всей этой исторіи и того газетнаго шума, который подняли тогда англичане. Князь Мещерскій, — описавъ дѣло и сказавъ, что Дженестъ лѣтъ 25-ти, высокій стройный брюнетъ, — прибавляетъ, «но нахалъ до высшей степени», не смотря на полученный имъ урокъ. (Изъ воспоминаній князя А. В. Мещерскаго: «Русскій Архивъ» 1899 года, т. III, стр. 488).

Истребленіе города Брагестадта.

Начиная войну, иностранныя державы провозглашали самые возвышенные принципы, много говорили о гуманныхъ началахъ, о цивилизаціи, о справедливости, горячо возставали противъ «варварскихъ обычаевъ»; ихъ деклараціи объявили о желаніяхъ «ослабить бѣдствія войны», «ограничивая ее регулярными силами»; но это были лишь красивыя слова и пустыя обѣщанія. Едва эскадра вошла въ Балтійское море, какъ во имя торговой свободы и неприкосновенности начались захваты купеческихъ судовъ и лодокъ ни въ чемъ неповинныхъ прибрежныхъ жителей. У встрѣчныхъ рыбаковъ отбирали рыбу, тюлений жиръ, хлѣбъ, не думая, конечно, объ уплатѣ. Но все это оказалось дѣтской забавой въ сравненіи съ тѣмъ, какъ агличане повели себя въ Брагестадтѣ и Улеоборгѣ.

Разсказъ очевидца англійскаго разрушенія, профессора гельсингфорскаго университета С. Барановскаго, представляетъ этихъ «просвѣщенныхъ мореплавателей» при полномъ освѣщеніи зажженныхъ ими пожаровъ.

На четырехъ фрегатахъ англійскіе воины приблизились къ городу Брагестадту 18-го (30-го) мая. Версты за три, человѣкъ отъ 300 до 400 пересѣли въ шлюпки, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли по одной пушкѣ. Приблизившись къ судамъ, стоявшимъ на верфи, англійскій офицеръ спросилъ: «есть ли тутъ войско?» На отрицательный отвѣтъ, онъ сказалъ: «Жаль! Будемъ жечь! и этотъ прекрасный корабль тоже долженъ сгорѣть!» При этомъ онъ имѣлъ въ виду новое строющееся судно, только что обшитое мѣдью. Прогнавъ всѣхъ рабочихъ съ верфи, англичане предали все огню. Жертвою пламени послѣдовательно сдѣлались 13 судовъ, склады корабельнаго лѣса, пять домовъ, множество бочекъ соли, дегтю, смолы, 2,000 саженъ дровъ и пр., всего на сумму 300,000 руб. Склады ко-

рабельнаго лѣса истреблялись на томъ (англійскомъ) основаніи, что изъ этого матеріала имѣлась возможность настроить канонерскія лодки, слѣдовательно, склады являлись военною контрабандою. Войска въ городѣ не было, не было даже людей, носившихъ мундиръ, казенныхъ домовъ не имѣлось и тѣмъ не менѣе все предавалось «господами англичанами» пламени. Одинъ бригъ составлялъ собственность шведскаго купца, одна шкуна принадлежала русскому, и часть матеріаловъ были уже закуплены англійскими купцами; но моряки высококультурной націи ничего подобнаго въ расчетъ не желали принять и жгли все безъ разбора, безъ малѣйшей надобности, и безъ всякаго основанія. И если Брагестадтъ не погибъ въ пламени, то только благодаря тому, что вѣтеръ дулъ отъ города къ верфи. Огонь погасъ только черезъ сутки. Городъ опустѣлъ.

На донесеніи генералъ-лейтенанта Рокасовскаго 23-го мая (4-го іюня) 1854 г. объ истребленіи огнемъ Брагестадта, Государь Императоръ собственноручно надписалъ: «Разбойники» [1]).

Поджоги въ г. Улеоборгѣ.

Та же возмутительная картина безпричиннаго истребленія частнаго имущества повторилась въ Улеоборгѣ 20-го мая (1-го іюня).

Долго работали англичане, желая проникнуть на рейдъ, но это имъ не удавалось, такъ какъ они наталкивались то на одну, то на другую мель. Затѣмъ, неожиданно для жителей, четыре корабля быстро и смѣло пошли впередъ по надлежащему фарватеру. Оказалось, что суда велъ лучшій лоцманъ города Ананій Михельсонъ, отставленный отъ службы за пьянство и захваченный англичанами по пути въ Торнео. Суда были вооружены пушками и на нихъ находилось отъ 400 до 600 матросовъ. Депутація отъ города встрѣтила англичанъ на пристани, объявивъ, что въ городѣ нѣтъ войска. Отъ адмирала предъявлено было особое объявленіе, въ которомъ говорилось, что англичане имѣютъ намѣреніе «истребить только крѣпости, военные снаряды, корабельные припасы и собственность Императора Россіи». Ознакомившись съ объявленіемъ, депутація заявила, что въ такомъ случаѣ горожанамъ нечего опасаться, такъ какъ въ Улеоборгѣ нѣтъ ни войска, ни укрѣпленій, ни военной контрабанды. Но адмиралъ возразилъ: «У васъ большіе склады дегтя, корабельнаго лѣса; у васъ корабли и верфи: все это надо сжечь». «Но вѣдь это частная собственность»,—указывали улеоборг-

---

[1]) Ученый архивъ главнаго штаба. [2]) Abo Underrättelser 1854, №№ 46—59.

цы,—«которая къ тому же частію уже куплена англійскими капиталистами». Никакіе доводы не помогли. На шлюпкахъ подъѣхали вооруженные люди и принялись поджигать. Опять истреблены были суда, корабельный лѣсъ, деготь, смола и др. Костеръ былъ такъ великъ и ужасенъ, что многіе изъ поджигателей едва спаслись, плывя на лодкахъ по серединѣ рѣки съ возможной быстротой. Этимъ англичане не ограничились. Какъ бы въ награду за понесенные труды, или въ видѣ отступного, они потребовали доставленія имъ запасовъ говядины, свинины, картофеля, овощей, яицъ, 8 лодокъ дровъ и проч., заплативъ великодушно за все вмѣсто 400—150 рублей. Никакого сопротивленія грабителямъ не было оказано, хотя одна часть мѣстнаго населенія, ожесточенная неслыханнымъ поведеніемъ англичанъ, готова была довести дѣло до кровопролитія. Городъ и здѣсь избѣжалъ опасности, благодаря тому, что пошелъ дождь со снѣгомъ и вѣтеръ понесъ дымъ и искры къ морю.

Эскадра подняла якорь и подъ командою Real-Admiral Hanway Plumridge и руководительствомъ лоцмана-измѣнника Михельсона оставила Улеоборгъ 23-го мая (3-го іюня). Михельсонъ не только указалъ путь къ городу, но открылъ непріятелю тѣ мѣста, въ которыхъ часть жителей укрыли свое имущество [1]).

Описаніе поступковъ англичанъ было послано въ Лондонъ (торговой фирмѣ «Dresser и Comp.») извѣстнымъ финляндскимъ дѣятелемъ и публицистомъ (а впослѣдствіи сенаторомъ) І. В. Снельманомъ [1]). Печать, конечно, широко огласила подвиги адмирала Плумриджа. Затѣмъ стало извѣстнымъ, что въ палатѣ общинъ былъ сдѣланъ запросъ первому лорду адмиралтейства о безпощадныхъ истребленіяхъ, произведенныхъ въ комерческомъ городѣ, не имѣвшемъ въ своей чертѣ ни одного солдата и ни единаго снаряда. Сэръ-Джемсъ Грегамъ не смутился подобнымъ запросомъ, такъ какъ Плумриджъ, прикрывая свои гнусные поступки, пытался доказать, что морскіе припасы принадлежали заведеніямъ Россійскаго Императорскаго флота и что на истребленныхъ предметахъ находились штемпеля русскаго правительства! Сэръ Грегамъ «съ истинно-геройскимъ безпристрастіемъ» отвѣтилъ: «Говорили, что нѣкоторые товары принадлежали англичанамъ. Можетъ быть». А затѣмъ почтенный лордъ далъ иной оборотъ дѣлу и сказалъ, что первою наградою морякамъ, исполнявшимъ свой долгъ, явилось нападеніе на нихъ въ парламентѣ!

---

[1]) Abo Underrättelser 1854, № 44.

Сдача англійскаго баркаса при отраженіи Англичанъ у Гамле-Карлебю 26-го Мая 1854 года.

Враждебное Россіи общественное мнѣніе, конечно, оправдывало брагестадтскіе и улеоборгскіе подвиги англичан. Шведская газета «Aftonbladet» старалась разнести по свѣту вопіющую ложь о томъ, что въ Брагестадтѣ англичане жгли только канонерскія лодки. Даже у одной части финляндскаго общества, какъ увидимъ, не нашлось слова осужденія для поступковъ, отъ которыхъ оцѣпенѣли ихъ бѣдные сограждане на сѣверѣ.

Дѣло при Гамле-Карлебю.

Гамле-Карлебю, какъ и многіе другіе маленькіе города побережья, оставался безъ защиты. 25-го мая (6-го іюня) около него показались два парохода, но бурная погода не благопріятствовала дѣйствію, почему они ушли. Генералъ-маіоръ Вендтъ, узнавъ о грозящей городу опасности, отрядилъ двѣ финскихъ роты и нѣсколько орудій. Черезъ два дня отрядъ былъ на мѣстѣ, пройдя 146 верстъ, а артилерія сдѣлала 230 верстъ. Къ войскамъ присоединились городскіе добровольцы. 26-го числа англичане потребовали у бургомистра Рооса сдачи города; тотъ мужественно отвѣтилъ отказомъ. Тогда непріятель на девяти баркасахъ, имѣя по одному орудію на каждомъ, направился къ пристани. Войска, укрытыя за амбарами, дали баркасамъ подойти на разстояніе выстрѣла, а затѣмъ встрѣтили ихъ дружнымъ и мѣткимъ огнемъ. Пораженіе англичанъ было здѣсь полное: 1 баркасъ потопленъ, другой, съ 22-мя матросами, захваченъ въ плѣнъ; 50 человѣкъ убито. Въ сраженіи при Гамле-Карлебю было взято въ плѣнъ 11 англичанъ, и 10 человѣкъ остались для излеченія ранъ. (Донесеніе генералъ-маіора Вендта 28-го мая 1854 г. № 926). Въ баркасѣ было семь убитыхъ англійскихъ матросовъ и одинъ офицеръ.

III.

Бомарзундъ (Аландъ).

Возведеніе Аландскихъ укрѣпленій рѣшено было Государемъ Императоромъ Александромъ I вскорѣ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Они были задуманы не отдѣльно, а въ связи съ мѣрами общей оборонительной системы новой окраины Имперіи. Въ центрѣ обширнаго операціоннаго базиса предполагали укрѣпить г. Куопіо, или мѣстечко Иденсальмы; Аландскія укрѣпленія должны были представить крайній оплотъ лѣваго фланга; а правый флангъ хотѣли примкнуть къ непроходимымъ бо-

лотамъ и озерамъ Архангельской губернiи. На Аландѣ желали имѣть близкое къ берегамъ Швецiи укрѣпленное адмиралтейство и портъ для гребной флотилiи и корабельнаго флота. Проектъ Аландскихъ укрѣпленiй повелѣно было (въ концѣ 1809 года) составить флигель-адъютанту полковнику Барклаю-де-Толли, который въ 1810 году приступилъ къ съемкѣ и представилъ обозрѣнiе острововъ. Мѣстомъ для главной крѣпости онъ избралъ Бомарзундъ, какъ болѣе удобный для стоянки флота. Въ первоначальный проектъ, составлявшiйся въ 1811 году, входило, во-первыхъ, укрѣпленiе трехъ передовыхъ позицiй, или линiй, на островѣ Аландѣ, которыя должны были затруднять со стороны Швецiи приступъ къ главному укрѣпленiю при Бомарзундѣ, а затѣмъ огражденiе входа въ заливъ Лумпаренъ, совершенное закрытiе нѣкоторыхъ зундовъ (Болеро, Буссе и Лумпаренъ)—и, кромѣ того, возведенiе еще разныхъ батарей.

Изъ отношенiя генералъ-лейтенанта Штейнгеля изъ Або къ военному министру Барклаю-де-Толли отъ 21-го марта 1811 года, за № 80, видно, что Штейнгель, получивъ повелѣнiе Государя Императора, переданное ему черезъ военнаго министра, № 240, отправился на Аландъ и сдѣлалъ тамъ нужныя распоряженiя. За землю, долженствовавшую отойти подъ крѣпость, владѣльцы гейматовъ требовали 59.000 руб. серебр. и, кромѣ того, они просили объ отводѣ имъ новыхъ участковъ для поселенiя.—Штейнгель приказалъ полковнику Энгельману приступить безотлагательно къ срубкѣ лѣса, а генералъ-маiору Горбунцову озаботиться доставкой кирпича. Тогда же Штейнгель рѣшилъ ходатайствовать о назначенiи на работы нижнихъ чиновъ, съ платою по 35 коп. въ сутки мастеровымъ, а остальнымъ по 25 коп. [1]). Въ 1812 году, послѣдовало Высочайшее повелѣнiе, взамѣнъ временныхъ укрѣпленiй, приступить къ постройкѣ постояннаго укрѣпленiя. Въ видѣ опыта на о. Гаренъ были построены деревянные казематированные редутъ и батарея, которые простояли до 1847 г., когда за полной вѣтхостью были уничтожены.

3-го марта 1816 года на имя генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля данъ былъ Государемъ Императоромъ Александромъ I рескриптъ, въ которомъ значится: «признавая нужнымъ предоставить Вашему попеченiю производство инженерныхъ работъ, предполагаемыхъ въ Палонсѣ (?) и производимыхъ предварительныхъ укрѣпленiй на Аландѣ по прежнимъ предположенiямъ генералъ-маiора Барклая-де-Толли, кои уже Мною утверждены, Я подчиняю Вамъ на сей конецъ генералъ-маiора Барклая де-Толли, или кто его мѣсто

[1]) Архивъ финляндскаго военнаго округа.

занимать будетъ, въ качествѣ инженера, инспектора означенныхъ работъ. Вольнонаемнымъ ученымъ мастерамъ на Аландѣ производить жалованье изъ строительной инженерной суммы. Я приказалъ выслать къ Вамъ 50,000 руб. инженерной суммы.

«Когда же отъ генералъ-маіора Барклай-де-Толли представлены будутъ Вамъ планы долговременныхъ верковъ на Аландѣ, такъ и въ Палонсѣ, то оные съ мнѣніемъ своимъ представить ко Мнѣ.

«Поручая такимъ образомъ по начальству Вашему въ Финляндіи производство означенныхъ работъ... Я на васъ вслѣдствіе сего возлагаю и ревизію отчетовъ, которые неупустительно должны Вы требовать отъ кого слѣдуетъ и по разсмотрѣніи отослать куда подлежитъ» [1]).

Въ апрѣлѣ 1825 года начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества увѣдомилъ Его Императорское Высочество, генералъ-инспектора по инженерной части, что Государю Императору благоугодно построить на Аландѣ для войскъ оборонительныя казармы, которыя должны войти въ составъ предполагаемыхъ на Аландскихъ островахъ укрѣпленій. Для избранія мѣста былъ командированъ генералъ-маіоръ Трузсонъ 2-й. Ознакомившись съ прежними планами и обзорами, Трузсонъ также остановился на Бомарзундѣ, а гавань для флота онъ полагалъ имѣть въ заливѣ Нотвикъ. Трузсонъ же предложилъ построить одну башню на Престъ-Э. Предположенія Трузсона разсмотрѣлъ, провѣрилъ и одобрилъ начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества баронъ Дибичъ.

4-го апрѣля 1828 года опять повелѣно было составить проектъ и планъ укрѣпленіямъ на Аландѣ. Въ видѣ руководящихъ началъ указано было, что мѣстоположеніе Бомарзунда представляло наиболѣе выгодъ для обороны и наступательныхъ дѣйствій; что укрѣпленія надо построить отдѣльно, но такъ, чтобы въ совокупности они представили оборонительную систему и въ то же время могли защищаться порознь; далѣе предполагалось имѣть флотилію въ 100 канонерскихъ лодокъ; верфи вовсе не требовалось, а считали достаточнымъ имѣть сарай для починки судовъ; гарнизонъ опредѣлялся въ 4,000 — 5,000 челов. — Наконецъ, Высочайшее утвержденіе проекта того укрѣпленія Бомарзунда, часть котораго была возведена къ 1854 году, состоялось 8-го іюня 1829 года. Къ выполненію этого проекта приступлено было въ 1830 году, когда начали разравнивать мѣстность. «Сумму же на производство всѣхъ вообще

[1]) «Сборникъ матеріаловъ», извлечен. изъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; изд. Дубровина, вып. IV, стр. 131—132.

строительныхъ работъ на Аландѣ, съ распредѣленіемъ ихъ на пять лѣтъ, предписано было употребить изъ финляндскихъ доходовъ, съ позаимствованіемъ ея изъ кредитныхъ установленій Россійской Имперіи» (6-го февраля 1830 года).

Изъ росписи доходовъ и расходовъ Финляндіи видно, что въ 1830 году былъ сдѣланъ заемъ въ Россіи на сумму 2.600,000 руб., предназначенный на сооруженіе Николаевскаго лютеранскаго собора въ Гельсингфорсѣ и постройку Бомарзундской крѣпости, которая въ оффиціальныхъ отчетахъ называлась Аландскою, а также Скарпансъ, отъ близъ лежавшей деревни. По поводу сего займа историкъ края нашихъ дней поясняетъ, что во время Николая I, Финляндское управленіе сдѣлало первый шагъ, по колеблющейся наклонной плоскости системы государственныхъ долговъ [1]).

Всѣхъ обитаемыхъ Аландскихъ островов насчитываютъ около 80-ти [2]). На юго-восточной оконечности главнаго острова Аландскаго архипелага, при проходѣ изъ пролива Варгата въ заливъ Лумпаренъ (Lumparen), проектировано было построить фортъ (А), окруженный оборонительными башнями. Между фортомъ и одною изъ башенъ (В) надлежало устроить оборонительный магазинъ (М. L.), а между другими башнями (В. и G.)—оборонительный госпиталь. Со стороны материка всѣ башни предполагалось соединить между собою и съ главнымъ фортомъ земляными брустверами, а со стороны Варгатскаго пролива каменной стѣнкой. Для обстрѣливанія этого пролива и прохода въ заливъ Лумпаренъ рѣшено было на главномъ островѣ возвести три башни, а на Престь-Э — четыре. Такимъ образомъ, явилась бы возможность размѣстить 5,000 челов. и 500 орудій. Мѣсто для крѣпости было избрано съ такимъ расчетомъ, чтобы большіе корабли въ военное время съ значительнымъ грузомъ могли проходить мимо его форта [3]).

---

[1]) Edv. Berch, Finl. Statsrättsliga utveckl. efter 1808; H—fors, 1889, стр. 75.
[2]) Въ 14-ти верстахъ отъ мѣста, избраннаго для Бомарзунда, къ сѣверо-западу находилась крѣпость Сальтвиксборгъ, время построенія которой остается неизвѣстнымъ, а въ 7½ верстахъ къ западу—замокъ Кастельгольмъ, заложенный Биргеръ-ярломъ въ 1200 году. Въ древнія времена Аландъ являлся сборнымъ пунктомъ разбойниковъ, а впослѣдствіи онъ управлялся особыми губернаторами, жившими въ Кастельгольмѣ (до 1634 года). Въ періодъ войны 1854—1855 гг. на Аландѣ считалось отъ 14,000 до 15,000 населенія. Въ нашей исторіи Аландъ извѣстенъ по переговорамъ, которые въ 1718 году велись Брюсомъ и Остерманомъ со шведами. Въ 1719 году графъ Апраксинъ отправился съ Аланда на берегъ Швеціи и опустошилъ окрестности Стокгольма. Въ 1808 году русскіе вновь появились на Аландѣ. Достались Аландскіе острова Россіи по Фридрихсгамскому договору 1809 года. [3]) Finsk Militär tidskrift, 1884, Iuli-Augusti, S. 228.

Постройка укрѣпленій производилась только лѣтомъ, въ виду затруднительности доставки строительнаго матеріала черезъ Ботническій заливъ. Вслѣдствіе такой медленности въ работѣ, къ 1854 году успѣли выполнить только одну пятую часть всего проектированнаго. Къ началу кампаніи, форты не имѣли взаимной обороны и лишены были возможности должнымъ образомъ обстрѣливать прилегающую мѣстность. Главный фортъ состоялъ изъ каменной двухъэтажной дугообразной сводчатой оборонительной казармы на 2.500 человѣкъ съ 115 амбразурами. Изъ башенъ были построены только три (C, U и Z каждая на 125 чел.). Наружныя боевыя стѣны были сложены изъ кирпича и облицованы гранитнымъ камнемъ. Оборонительный госпиталь былъ начатъ постройкою, а для оборонительнаго провіантскаго магазина (L, M) и для трехъ остальныхъ башенъ успѣли заложить только фундаменты [1]). На всѣ работы съ 1830 по 1854 гг. израсходовано было 1.439,400 рублей.

Для вооруженія главнаго форта было привезено всего 139 орудій: но изъ нихъ въ казематы поставлено было только 66, а остальныя лежали на дворѣ крѣпости безъ лафетовъ. Въ трехъ готовыхъ башняхъ находилось только 46 орудій. Слѣдовательно, для встрѣчи всей армады союзниковъ на Аландѣ имѣлось 112 орудій. Въ 1850 году на Аландѣ находилось 190 жилыхъ казематовъ, 242 нежилыхъ, 16 каменныхъ строеній, 86 деревянныхъ; помѣщеній имѣлось на 4,900 чел. и на 2,640 пудовъ пороха [2]). Гарнизонъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 10-го линейнаго баталіона (маіора Клинстедта), роты крѣпостной артиллеріи, военно-рабочей роты, команды донскихъ казаковъ и сотни арестантовъ военнаго вѣдомства. Впослѣдствіи на Аландъ успѣли доставить еще двѣ роты Финляндскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона (полк. Фуругельмъ). Считая офицеровъ, писарей и всѣхъ нестроевыхъ, въ гарнизонѣ оказалось только 2,175 чел., изъ которыхъ подъ ружьемъ и при орудіяхъ могло быть не болѣе 1.600 чел. Вслѣдствіе малаго числа артиллеристовъ, пришлось обучить весь гарнизонъ пріемамъ при орудіяхъ.

Вотъ всѣ тѣ боевыя силы, которыя непріятель засталъ въ Бомарзундѣ. По описанію же французскаго историка (Грегуара, т. III,

---

[1]) Фортъ былъ оконченъ въ 1842 г.; башня C—окончена въ 1852 г. и укрѣплена только въ 1854 г.; башня U окончена въ 1847 г., но вооружили ее лишь въ 1854 г.; башня Z на Престъ-Э строилась съ 1843 по 1845 г., но орудія были поставлены на ней также только въ 1854 г. [2]) Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ., т. 98, 1896 г., стр. 401).

стр. 492). Бомарзундъ властвовалъ надъ Ботническимъ заливомъ, угрожая Швецiи и ея столицѣ Стокгольму. Другой французъ, лейтенантъ Грассе, утверждаетъ, что Прест-Э былъ защищенъ «сильною цитаделью», а Бомарзундъ представлялъ собою «обширное сооруженiе» («La Défense des Côtes»).

Прибавимъ кстати, что по исчисленiю историка Грегуара генералъ Бодиско сдалъ союзникамъ 2,400 человѣкъ и 180 пушекъ. Лейтенантъ Грассе повторяетъ ту же цифру людей, а число орудiй устанавливаетъ въ 116.

13-го января 1854 года состоялось Высочайшее повелѣнiе объ усиленiи Аландскихъ укрѣпленiй. Проектъ этотъ представленъ былъ комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина, изъ генералъ-адъютанта Берга, генералъ-адъютанта Философова, инженеръ-генералъ-лейтенанта Сорокина и генералъ-адъютанта Безака.

Комендантомъ укрѣпленiй былъ 63-хъ-лѣтнiй полковникъ Я. А. Бодиско. А такъ какъ сношенiя Аланда могли прекратиться, то Государь повелѣлъ опредѣлить туда особое лицо, въ званiи помощника Абосскаго губернатора, каковымъ и былъ назначенъ подполковникъ Фуругельмъ [1]. Около этого же времени, въ видѣ полицейской мѣры, на Аландъ былъ командированъ одинъ офицеръ, знавшiй мѣстный языкъ, для наблюденiя за прiѣзжавшими туда изъ Швецiи [2].

Какъ ни ничтожна была по своимъ размѣрамъ Бомарзундская крѣпость и какъ ни мало было вообще ея значенiе среди архипелага шхеръ, тѣмъ не менѣе она уже въ тридцатыхъ годахъ успѣла обратить на себя особое вниманiе Англiи, когда едва только приступлено было къ постройкѣ долговременныхъ ея укрѣпленiй. Лордъ Пальмерстонъ въ 1833 г. обвинялъ Россiю въ воинственномъ настроенiи, въ виду того, что она вооружалась на Балтiйскомъ и Черномъ моряхъ. Вооруженiя, по его мнѣнiю, были направлены исключительно противъ Англiи и тѣмъ нарушали ея права. Въ Англiи разсуждали такъ: морской торговли у Россiи нѣтъ, слѣдовательно, военнаго флота ей не надо, а разъ этотъ флотъ она тѣмъ не менѣе заводитъ, то, очевидно, съ завоевательными цѣлями, такъ какъ флотомъ ей охранять нечего [3]. Русскiй посолъ доказывалъ лорду, что Аландъ грозитъ Англiи столько же, какъ Крон-

---

[1]) Отношенiе статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго 3-го (15-го) марта 1854 г., № 167; Архивъ Финляндскаго военнаго округа. [2]) Архивъ Финляндскаго военнаго округа. [3]) «Древняя и новая Россiя». 1878 г., т. VI. стр. 130

штадтъ; но Пальмерстонъ стоялъ на своемъ, говоря, что «Аландскія острова расположены въ началѣ Ботническаго залива, который почти никогда не замерзаетъ и такимъ образомъ движенія Россіи, въ случаѣ нападенія, будутъ свободнѣе и независимѣе съ этого пункта, нежели съ другого. Онъ прибавилъ, что владѣя крѣпостью въ Або, Россія имѣетъ полную безопасность со стороны Швеціи, что, слѣдовательно, укрѣпляясь на Аландскихъ островахъ, Россія можетъ имѣть въ виду только Англію». Надо помнить, что войны въ 1833 г. не было и потому претензія Пальмерстона являлась особенно неосновательной. Въ январѣ 1834 г. вице-канцлеръ графъ Нессельроде, вѣроятно, желая успокоить взволнованнаго лорда, писалъ нашему лондонскому представителю, что въ Балтійскомъ морѣ число военныхъ судовъ тоже самое, что было при Екатеринѣ II и Александрѣ I, а въ городѣ Або совсѣмъ нѣтъ укрѣпленій. На Аландскихъ островахъ построена укрѣпленная казарма на два баталіона [1]). Въ апрѣлѣ 1834 г. Пальмерстонъ опять разразился въ присутствіи нашего представителя гр. Поццо-ди-Борго, цѣлой обвинительной рѣчью противъ Россіи, которая, по его словамъ, на всѣхъ своихъ обширныхъ границахъ желаетъ практиковать систему захватовъ: угрожаетъ Пруссіи и Австріи, что въ Дунайскихъ княжествахъ она сѣетъ смуту, что строитъ большія крѣпости въ Финляндіи, съ цѣлью навести страхъ на Швецію [2]). Графъ Поццо-ди-Борго отвѣтилъ, что Швеція находится въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Россіи и ни на какія вооруженія въ Финляндіи никогда не жаловалась.

«Союзники, въ 1854 г.».—повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь Васильчиковъ,—«жаждавшіе какого-либо успѣха, для рекламы въ своихъ газетныхъ статьяхъ, усмотрѣли въ Бомарзундѣ легкую добычу, могущую достаться имъ безъ всякаго пожертвованія и, одержавши побѣду надъ врагомъ, который не въ силахъ былъ обороняться, получили первый трофей, возбудившій, конечно, общественное мнѣніе Англіи и Франціи къ торжеству и болѣзненно отозвавшійся въ русскихъ сердцахъ, при видѣ невольной и безполезной жертвы» [3]). Но посмотрите съ какой затратой силъ и времени союзники достали эти первые трофеи.

Въ ожиданіи непріятеля, наши войска были распредѣлены слѣ-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1898 г., февраль, стр. 477; Мартенсъ. [2]) «Вѣстникъ Европы» 1898 г., февраль, стр. 488 и 489. Въ другой своей статьѣ Ѳ. Мартенсъ относитъ эту обвинительную рѣчь лорда Пальмерстона къ 1837 г. («Cosmopolis» 1897 г., іюнь, стр. 189). [3]) Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 71.

дующимъ образомъ: въ каждой башнѣ находилось 2 оберъ-офицера, 94 пѣхотинца изъ линейнаго баталіона и 16 артиллеристовъ; остальной гарнизонъ занималъ главный фортъ. Башнею C командовалъ штабсъ-капитанъ Тешe, башнею U—поручикъ Звѣревъ и Z—поручикъ Шателенъ. Для большаго обстрѣливанія залива Лумпаренъ, наскоро насыпана была земленая батарея (n) на четыре полевыхъ орудія. Комитетъ, на обязанности котораго находилось приведеніе крѣпостей имперіи въ оборонительное состояніе, выработалъ для всѣхъ комендантовъ спеціальныя инструкціи. Такое же наставленіе было составлено и для коменданта Аландскихъ укрѣпленій. Государь Императоръ, ознакомившись съ этимъ наставленіемъ, 12-го марта 1854 г. собственноручно начерталъ карандашемъ: «Хорошо, кромѣ отдѣленія вдоль постовъ казаковъ, что по слабости гарнизона совершенно невозможно: гарнизонъ долженъ быть только озабоченъ обороной укрѣпленія: внѣшняя оборона можетъ быть только производима вооруженными жителями, которымъ потомъ дозволить отступать къ крѣпости и принять въ оную, но разумѣется только тѣхъ, кои надежными показались».

Наставленіе дано было спеціально на случай атаки крѣпости непріятелемъ. Предполагалось, что Бомарзундъ можетъ подвергнуться только нападенію непріятельскаго флота, «безъ высадки войскъ», а потому коменданту предлагали ограничиться обороною собственно Аландскихъ укрѣпленій. Если и допускалась высадка, то только матросовъ, вооруженныхъ ружьями.

Исторія осады Бомарзунда начинается маленькимъ эпизодомъ. Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ донесенія 4-го мая, что непріятельская флотилія прошла по Бомарзундскому проливу, Высочайше повелѣлъ запросить: стрѣляли ли по непріятелю или нѣтъ, и если не стрѣляли, то по какой причинѣ [1]). По разслѣдованіи оказалось, что донесеніе было основано на слухахъ, а корабли прошли на далекомъ разстояніи отъ крѣпости.

9-го іюня 1854 г. непріятельскія суда, державшія въ блокадѣ Аландскія шхеры, впервые подошли къ крѣпости. Проводниками служили рыболовы, захваченные капитаномъ корабля «Гекла» (Холемъ) [2]). Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, по увѣреніямъ мѣстныхъ лоцмановъ, глубина пролива и залива Лумпаренъ не превышала 22 фут. и что по узкости фарватера здѣсь

---

1) Отзывъ военнаго министра 7-го мая 1854 г., № 388. 2) Шателенъ. «Инженерный Журналъ» 1866 г., № 5.

Проливъ Варгата
Остр. Платскеръ
Остр. Нотъ-Грондсъ
М. Нотвикъ
Остр. Престъ-Э.
Старый Скарпансъ
Новый Скарпансъ
Проливъ Бомарзундъ
Заливъ Лумпарнъ
1500 шаговъ
Изъясненіе.
a, a — Осадн. работы, произведен. ночью съ 11 на 12 августа (нов. стиля)
a', a' — — — — 12 — 13 —
b, b' — — — — 13 — 14 —
c, c' — — — — 14 — 15 —
c'' — — — — 15 — 16 —
d — Мѣсто 2 француз. 12-ф. полевыхъ пушекъ.
e — Наименѣе поврежденная часть форта.
f — Фрегатъ Пенелопа 10го августа
g — — Valvour во время атаки.
h — Фрегаты: Гекла, Леопардъ и Коцитъ 15го августа.
i, i, i — Позиція союзнаго флота при атакѣ.
k — Мѣсто выгрузки французскаго артиллерійскаго парка.
P, Q, R — Предполагавшіеся барбеты.
E — Предполагав. оборонит. башня.
X — Предполагавшееся жете.
n, o, p — Русскія временныя батареи.
Осадныя работы:
№1 — Француз. батарея на 4 16-ф. ор. и 4 мортиры 22 и 27 сантиметр.
№2 — Англійская батарея на 4 32-ф. ор.
№3 — Француз. батарея на 6 30-ф. ор.
№4 — — — на 4 мортиры 22 и 27 сантим. и 2 гаубицы 22 сант.
№5 — Француз. батарея на 6 30 ф. пушекъ и 2 гаубицы 22 сантиметр.
Аландскіе острова
Або
Швеція
15 миль
Лит. А. Ф. Маркова, Невскій пр., 32-34.

съ трудомъ могли проходить только фрегаты; въ раіонѣ же выстрѣловъ форта, по ихъ же словамъ, находились подводные камни, которые должны затруднить эволюціи болѣе чѣмъ двумъ фрегатамъ. Черезъ сѣверный фарватеръ,—говорили тѣ же лоцмана,—въ состояніи пройти развѣ малые пароходы. Послѣдствія показали,—какъ пишетъ Шателенъ, самъ явившійся очевидцемъ всего происходившаго на Аландѣ,—что тамъ, гдѣ съ трудомъ долженъ былъ, по нашимъ ожиданіямъ, проходить фрегатъ—прошли линейные корабли, и гдѣ было недостаточно мѣста для двухъ фрегатовъ могла дѣйствовать цѣлая эскадра. Подобное незнаніе фарватера можно объяснить тѣмъ, что лоцмана измѣряли глубину фарватера по картамъ, сдѣланнымъ сто лѣтъ тому назадъ, и притомъ всегда по однимъ и тѣмъ же направленіямъ [1]). Неудивительно послѣ того, что у англичанъ въ рукахъ оказались карты нѣсколько болѣе поздняго происхожденія, и что они имѣли возможность «блистательно обнаружить свои способности къ дѣйствію въ морѣ. При плаваніи въ опасномъ Финскомъ заливѣ, гдѣ были сняты всѣ бакены, они не потеряли ни одного судна черезъ кораблекрушеніе» [1]).

Непріятель подошелъ на двухъ паровыхъ фрегатахъ и одномъ паровомъ корветѣ, имѣя на нихъ въ сложности 96 орудій. Когда онъ открылъ огонь, главный фортъ отвѣчалъ изъ орудій нижняго этажа. Огнемъ руководили поручикъ пѣхоты Шимановскій и подпоручикъ артиллеріи Пищуровъ. Такъ какъ непріятель находился въ 2.600 шагахъ отъ форта, то вредъ, причиненный ему, не стоилъ траты пороха, почему Бодиско приказалъ прекратить стрѣльбу. Непріятель перемѣнилъ тогда позицію, чтобы обстрѣливать фортъ продольно; но здѣсь онъ наткнулся на скрытую земляную батарею (n) и цѣпь стрѣлковъ, которые не замедлили открыть по немъ огонь. Батарея (n), помѣщавшаяся на мысѣ, выдающемся въ заливъ Лумпаренъ, состояла изъ пяти орудій и ввѣрена была поручику Шимановскому. Ее прикрывали двѣ роты гренадерскаго стрѣлковаго баталіона. Въ числѣ защитниковъ батареи обратилъ на себя вниманіе престарѣлый воинъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ на покоѣ; но, видя надвигавшуюся грозу и недостатокъ въ людяхъ, безъ колебанія оставилъ семью почти безъ дневнаго пропитанія и всталъ охот-

[1]) Это послѣднее замѣчаніе Шателена вполнѣ подтверждается «Обзоромъ дѣятельности морского управленія (1855—1880)», въ которомъ говорится, что наши моря гидрографически были изслѣдованы въ половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій и притомъ далеко не совершенными средствами (т. II, стр. 370).
[2]) Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 66.

никомъ къ орудію, какъ вѣрный воинъ Царя, еще разъ пожелавшій ревностно послужить отечеству. Перестрѣлка продолжалась два часа, батарея была повреждена, амбразуры ея засыпаны и она замолчала. Послѣ этого суда вновь стали противъ форта и теперь пытались огромными пустотѣлыми снарядами и ракетами зажечь укрѣпленія. Одно частное деревянное строеніе (маркитанта) дѣйствительно загорѣлось, вызвавъ громкое ликованіе на корабляхъ. Нашей артиллеріи удалось разбить кожухъ у одного изъ пароходовъ и подбить руль у другого; спустя нѣкоторое время непріятель удалился въ безопасное море. Въ теченіе трехъ дней жители видѣли его суда въ шхерахъ, но затѣмъ онъ скрылся изъ вида. Мы выпустили около 300 снарядовъ изъ форта и нѣсколько изъ башни С. Наши потери ограничились четырьмя убитыми и 15-ю ранеными. Фортъ выстоялъ почти неповрежденнымъ. До бомбардированія инженеръ-капитанъ Краузольдъ успѣлъ устроить надъ сводами форта земляныя насыпи и онѣ много содѣйствовали уменьшенію разрушительнаго вліянія непріятельскихъ ядеръ, коихъ было брошено въ крѣпость около 2.500 [1]). Бодиско былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, многіе офицеры получили слѣдующій чинъ, а нижнимъ чинамъ высланы были знаки отличія военнаго ордена [2]) и по одному рублю денегъ [3]).

Для освидѣтельствованія послѣдствій бомбардированія, по Высочайшему повелѣнію былъ отправленъ ротмистръ Ник. Вас. Шепнингъ, состоявшій адъютантомъ военнаго министра. Шепнингъ горячо вѣрилъ въ историческое величіе нашей родины, жаждалъ ея духовнаго освобожденія отъ наплыва чужеземныхъ стихій и искалъ спасенія въ сближеніи съ простымъ русскимъ народомъ, поскольку въ этомъ простонародіи сохранено коренныхъ и вѣковѣчныхъ началъ православной жизни [4]). Съ рѣдкимъ благоразуміемъ и неустрашимостью онъ выполнилъ трудное порученіе, заслуживъ себѣ званіе флигель-адъютанта. 1-го іюля онъ выѣхалъ изъ Петербурга и 10-го числа готовился уже покинуть Аландъ, чтобы пуститься въ обратный путь. Въ это время показался сильный дымъ непрія-

---

[1]) Н. Путиловъ, т. XXI, стр. 175. [2]) Шателенъ, стр. 648—651 и «Русскій Архивъ» 1864 г., вып. I. [3]) Отзвуки перваго маленькаго дѣла подъ стѣнами Бомарзунда замѣтны даже въ частной перепискѣ и дневникахъ современниковъ. Въ письмѣ, напримѣръ, гр. А. К. Толстого отъ 17-го іюня 1854 г., читаемъ: «Англичане были отброшены съ урономъ; съ форта Алландъ имъ повредили два парохода». («Вѣстникъ Европы» 1897 г., апр., стр. 605). [4]) «Русскій Архивъ» 1864 г., вып. I, стр. 79.

Бомарзундская оборонительная казарма.

Видъ Бомарзунда и атакующей эскадры.

тельскихъ пароходовъ, вновь вошедшихъ въ заливъ Лумпаренъ. Ихъ встрѣтили выстрѣлами и даже повредили одинъ пароходъ, но англичане не отвѣчали. Изъ Швеціи до крѣпости дошелъ слухъ, что непріятель будетъ дожидать десанта. Я. А. Бодиско предложилъ Шеншину вернуться и доложить Государю, что гарнизонъ рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности.

20-го іюля 1854 г. Шеншинъ вторично отправился на Аландъ, къ обреченному на гибель гарнизону. На этотъ разъ поѣздка не обошлась безъ приключеній, такъ какъ нужно было пробираться среди шхеръ, за которыми внимательно наблюдали англичане. Пришлось укрыться отъ англійскихъ офицеровъ въ сарай съ сѣномъ, переодѣться въ крестьянское платье и даже разорвать предписаніе военнаго министра, чтобы не имѣть при себѣ уличающихъ документовъ. Пакетъ съ георгіевскими крестами и копію съ приказа, въ которомъ объявлялось Высочайшее благоволеніе Аландскому гарнизону, удалось еще сохранить на нѣкоторое время подъ передникомъ бабы, ѣхавшей вмѣстѣ съ нимъ на лодкѣ. Наконецъ, послѣднія бумаги были уничтожены и лодка Шеншина благополучно проплыла между двумя пароходами-корветами, въ разстояніи всего нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Благоволеніе и награды Государя Императора осчастливили гарнизонъ; особенно обрадовались крестамъ финскіе стрѣлки. Письма Шеншина военному министру и женѣ о благополучномъ его пріѣздѣ на Аландъ, не дошли по назначенію. Въ заливѣ Лумпаренъ въ это время насчитывали уже до 30-ти непріятельскихъ вымпеловъ, а черезъ день началась уже высадка на островъ. Шеншину надлежало теперь перебраться на шведскій берегъ. «Не уѣзжайте,—говорили ему,—солдаты васъ полюбили, безъ васъ худо пойдетъ». До Стокгольма онъ добрался свободно. Нашъ посланникъ Дашковъ оказалъ ему содѣйствіе къ скорѣйшему возвращенію домой черезъ Любекъ. 6-го августа онъ былъ уже въ Петербургѣ.

Съ 10-го по 27-е іюля непріятель, блокируя острова, простоялъ передъ фортомъ въ ожиданіи десанта, для котораго Наполеонъ отправилъ дивизію, квартировавшую въ Булонскомъ лагерѣ. На англійскихъ судахъ она была перевезена къ Аланду. «Фактъ единственный въ исторіи»,—какъ сказалъ Наполеонъ [1]. Начальникомъ этихъ французскихъ войскъ состоялъ Бараге д'Илье, бывшій до того времени посломъ въ Константинополѣ [2]. На кораблѣ «Коро-

[1]) Л. Грегуаръ. «Исторія Франціи въ XIX в.», М. 1896 г., т. III, стр. 492.
[2]) «Русская Старина» 1898 г., августъ, стр. 375.

лева Гортензія» Бараге д'Илье прибылъ въ Стокгольмъ, гдѣ не принялъ визита англійскаго посланника Маджениса, изъ чего можно заключить, что отношенія между французами и англичанами были тогда не особенно хорошія.

Аландскіе острова уже были отрѣзаны отъ Финляндіи. Эскадра коммандора Martin'а, состоявшая изъ 9-ти линейныхъ судовъ, крейсировала въ Финскомъ заливѣ, наблюдая за русскимъ флотомъ. 10-го іюля (н. ст.) 1854 г. Чарльзъ Непиръ писалъ уже сэру Джемсу Грахаму по поводу предполагавшейся атаки: «Я долженъ озаботиться, чтобы быть на стражѣ русскихъ въ Кронштадтѣ. Если они выйдутъ оттуда, тѣмъ лучше» [1]). Планъ непріятеля не составлялъ уже секрета и 23-го іюля 1854 г. генералъ Рокасовскій донесъ военному министру, что непріятель намѣренъ взять укрѣпленіе Аланда съ сухого пути, дабы не повредить оборонительныхъ зданій, предназначенныхъ для зимовки [2]). Непріятель дѣятельно готовился къ осадѣ: онъ производилъ промѣры, заготовлялъ туры, фашины, штурмовыя лѣстницы и пр.

Начальникомъ англійской эскадры былъ Чарльзъ Непиръ, 63-хъ лѣтъ, полный, небольшого роста, тщательно выбритый, сѣдой старикъ, какъ описалъ его лейтенантъ нашего гвардейскаго экипажа К. Костенко [3]). За нѣсколько дней до Бомарзундскаго дѣла, Чарльзъ Непиръ, говоря съ однимъ изъ жителей острова, расспрашивалъ его также о состояніи духа гарнизона и возможности овладѣть крѣпостью не военною силою, а другими средствами. Отвѣты собесѣдника отняли у него въ этомъ отношеніи всякую надежду. Непиръ остался недоволенъ справкой и произнесъ: «Жаль, потому что въ такомъ случаѣ нельзя избѣжать кровопролитія», но затѣмъ, оправившись, прибавилъ, обращаясь къ лицу своей свиты: «впрочемъ бѣда не велика: это вѣдь дѣло французовъ». Корреспондентъ «Journal de St.-Petersbourg» г. Е. Кедикъ, сообщая объ этомъ изъ Стокгольма, нашелъ необходимымъ особо оговорить, что ручается за достовѣрность всего разсказаннаго [4]). И дѣйствительно такой разговоръ былъ у Непира съ таможеннымъ чиновникомъ Калоніусомъ, причемъ справки наводились о томъ, не пожелаетъ ли полковникъ Фуругельмъ за значительную сумму сдать крѣпость или финскіе стрѣлки не выразятъ ли готовности перейти на сторону союзни-

---

[1]) «Морская война». Контръ-адмирала Коломба, Спб. 1894 г., стр. 535.
[2]) Дѣло № 25. 1854 г. архивъ Финляндскаго военнаго округа. [3]) «Сѣверная Пчела» 1854 г., № 236. [4]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1854 г., № 192.

ковъ [1]). Послѣдовавшая затѣмъ осада Бомарзунда также вполнѣ оправдала этотъ разговоръ и еще разъ показала, что Англіи трудно вести войну безъ иностраннаго войска. Согражданамъ же своимъ Непиръ пояснилъ впослѣдствіи (въ 1855 г.), что «французскій адмиралъ былъ моего мнѣнія и мы предположили напасть на Бомарзундъ. Для этого мнѣ не было нужно войскъ: но французскій адмиралъ думалъ, что безъ нихъ онъ не обойдется и написалъ о томъ своему правительству. Я все-таки, полагаю, что они были намъ ненужны и что эти солдаты были бы полезны въ Севастополѣ» [2]).

Подъ Бомарзундомъ союзники сосредоточили 14,000 десантныхъ войскъ, а всего до 30,000 человѣкъ. Когда союзныя силы оказались въ сборѣ, адмиралы, генералы Ніель и Джонсонъ и начальникъ штаба генерала Бараге д'Илье, на мелкосидящемъ пароходѣ («Lightning»), произвели рекогносцировку Бомарзундскихъ укрѣпленій [3]).

Для высадки главныхъ силъ была назначена мѣстность на югѣ, у мыса Транвикъ; но чтобы развлечь наши силы, она производилась одновременно еще: сѣвернѣе Бомарзунда, у острова Хультагольменъ, и восточнѣе крѣпости, близъ деревни Хогбольта. Затѣмъ всѣ части должны были сходиться въ направленіи къ деревнѣ Финбю, назначенной главной квартирой командующаго войсками. Финбю отстояла отъ крѣпости въ 3-хъ верстахъ. 26-го іюля, съ 3-хъ часовъ утра, началась высадка союзниковъ во всѣхъ трехъ избранныхъ пунктахъ, подъ защитою кораблей «Эдинбурга» и «Диnере». Высажено было 11,000 человѣкъ [4]). При нашихъ ничтожныхъ силахъ, высаживающимся не было оказано почти никакого противодѣйствія. Убѣдившись, что Транвикъ слишкомъ удаленъ отъ крѣпости, непріятель сталъ выгружать свои припасы, осадные матеріалы и парки у острова Оонъ. При общемъ нападеніи рѣшено было, чтобы французы шли въ центрѣ, англичане составили лѣвое крыло, а флотъ—правое. Карты острова непріятель не имѣлъ. Ознакомившись съ мѣстностью, осаждавшіе рѣшили, что башня *C* мѣшаетъ ихъ дальнѣйшему наступленію и потому готовились сосредоточить на ней огонь своей артиллеріи. 27-го іюля продолжалась выгрузка осадныхъ матеріаловъ и заготовлялись туры и фашины. 28-го іюля десантныя войска особенно приготов-

---

[1]) «Finsk Militär Tidskrift» 1885 г., т. I, стр. 35. [2]) Вяземскій, т. VI, стр. 514 [3]) «Finsk Militär Tidskrift» 1884, juli—aug., стр. 240; Мошнинъ, стр. 258. [4]) Шателенъ, стр. 658.

нялись къ нападенію на башню *C*. Перевозка осадныхъ орудій съ кораблей окончилась только 29-го іюля.

Въ 10 часовъ утра 28-го іюля, съ адмиральскаго судна Непира «Бульдогъ» была брошена первая бомба и загорѣлся бой. Чтобы дѣйствовать огнемъ по нашимъ укрѣпленіямъ, союзники строили батареи и траншеи; на эту работу требовалось значительное время, такъ какъ землю въ мѣшкахъ приходилось приносить иногда съ довольно дальнихъ разстояній. Всѣхъ батарей ими было насыпано пять, на разныхъ разстояніяхъ отъ форта.

Что же было у насъ предпринято для отраженія непріятеля?

Послѣ 9-го іюня исправлены были незначительныя поврежденія первой бомбардировки, сняты всѣ буйки, поставленные англичанами, и перекрашены морскіе знаки на скалахъ и отдѣльныхъ камняхъ. Батарея *n* на берегу залива Лумпаренъ возстановлена и вооружена орудіями большаго калибра, но на импровизированныхъ лафетахъ, за недостаткомъ настоящихъ. Въ ночь съ 24-го на 25-е августа люди, по приказанію коменданта, покинули эту батарею (*n*), взорвавъ два орудія, а три—перетащили на башню *C*. Насыпь батареи разбросали. При вторичномъ приближеніи непріятеля мы разрушили всѣ мосты и дороги, ведшія къ прибрежнымъ пунктамъ; устроили нѣсколько засѣкъ, лошадей (24) сдали коронному фохту, для раздачи ихъ жителямъ на прокормленіе, впредь до востребованія [1]; наконецъ, сожгли и разрушили всѣ деревянныя строенія въ деревнѣ Скарпансѣ и Престъ-Э.

Остается разсмотрѣть ходъ боя, который начался въ 10 часовъ утра 28-го іюля.

Первый натискъ союзниковъ пришлось принять на себя башнѣ *C*. Она не оставила выстрѣловъ «Бульдога» и двухъ англійскихъ фрегатовъ безъ отвѣта. На непріятельскій огонь башня продолжала отвѣчать и 29-го числа. Въ ночь съ 30-го на 31-е іюля финскимъ стрѣлкамъ пришлось завязать перестрѣлку съ французскими стрѣлками, чтобы помѣшать непріятельскимъ саперамъ устроить батареи. Мѣткій огонь финновъ значительно затруднилъ работы, но численный перевѣсъ оставался на сторонѣ непріятеля. Рано утромъ 1-го августа непріятельская батарея № 1 могла уже начать стрѣльбу изъ своихъ четырехъ орудій по башнѣ *C*., которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжала обстрѣливаться и съ непріятельскаго фрегата «Амфіонъ». Новаго своего врага — батарею № 1 — башня *C* разила

[1]) Шателенъ, стр. 657.

сперва весьма удачно: изъ четырехъ ея орудій — три орудія были подбиты. Но около обѣденнаго времени огонь артилеріи на башнѣ *C* сильно ослабѣлъ. Оказалось, что наша прислуга, съ рвеніемъ сражавшаяся въ теченіе восьми часовъ, утомилась, смѣны же людямъ не было и, кромѣ того, четыре орудія башни, хотя и прикрывались мокрыми рогожами, грозили разрывомъ, такъ какъ не успѣвали остыть. Вечеромъ командиръ башни инженеръ-капитанъ Теше, просилъ прекращенія огня на два часа, желая получить приказаніе отъ коменданта. Генералъ Ніель согласился на часовое перемиріе. Въ это время французскіе артилеристы и егеря вышли изъ своихъ прикрытій и приблизились къ башнѣ, ожидая ея сдачи. Это не понравилось защитникамъ башни и они, спустивъ переговорный флагъ и вѣжливо предложивъ всей пестрой толпѣ удалиться, черезъ полчаса вновь открыли огонь. По заявленію же K. Furuhielm'a, генералъ Ніель, не дождавшись окончанія срока перемирія и возвращенія въ башню капитана Теше, открылъ огонь [1]). Утромъ 2-го августа батарея № 1 по прежнему начала стрѣльбу по башнѣ, но она уже не отвѣчала. Охотники изъ непріятельскаго войска съ помощію лѣстницъ проникли въ ея амбразуры и заняли ее, но не безъ боя... Оказалось, что капитанъ Теше побывалъ у коменданта и просилъ его о перемѣнѣ или усиленіи гарнизона башни, такъ какъ люди его совершенно изнеможены безпрерывнымъ трехдневнымъ бодрствованіемъ. Генералъ Бодиско отказалъ въ людяхъ, въ виду малочисленности гарнизона и того обстоятельства, что фортъ осаждался уже съ моря и съ суши. Снаряды и заряды доставлялись изъ форта на башню *C* обыкновенно ночью. Передъ сдачею снаряды были посланы съ арестантами и нижними чинами линейнаго баталіона [2]). Капитанъ Теше вернулся въ башню, рѣшившись отстаивать ее собственною грудью. Отпустивъ 140 человѣкъ въ главный фортъ, онъ съ двумя офицерами и 29-ю нижними чинами остался для заклепки орудій: но не успѣлъ окончить этой работы, какъ пришлось схватиться 2-го августа съ ворвавшимися въ башню французскими стрѣлками-охотниками [3]). Получивъ двѣ штыковыхъ раны, капитанъ Теше былъ взятъ въ плѣнъ. Башни взорвать онъ не успѣлъ; но тѣмъ не менѣе, врагу она не досталась. Выстрѣлами изъ орудій, находившихся на дворѣ форта и изъ башни *U* французы были изъ нея удалены, а утромъ на другой день (т. е. 3-го августа) башня *C* была взорвана, какъ полагаютъ, вслѣдствіе того, что одинъ

---

[1]) «Finsk Militär Tidskrift» 1885 г., т. I, стр. 35. [2]) Рапортъ плацъ-маіора подполковника Тамеландара 5-го мая 1855 г. [3]) Шателенъ, стр. 668 и 669.

изъ нашихъ снарядовъ воспламенилъ въ ней пороховой складъ. Такимъ образомъ, французамъ не пришлось, какъ они полагали, воспользоваться башней *C* для обстрѣливанія форта.

Паденіе башни C явилось для союзниковъ большимъ шагомъ впередъ при осадѣ Бомарзундскихъ укрѣпленій.

Теперь они принялись за Нотвикскую башню U. Генералъ Джонсонъ, увеличивъ лѣвое плечо батареи № 2 для постановки новыхъ четырехъ орудій, направилъ огонь ея противъ этой башни. Командовавшій здѣсь поручикъ Звѣревъ настолько удачно направилъ сперва свои выстрѣлы, что не только воспрепятствовалъ работѣ непріятеля, но заставлялъ его временами даже бросать ее. Кромѣ того, ему удалось подбить два орудія, неоднократно разрушить амбразуры батареи и убить англійскаго артиллерійскаго офицера. Но силы и здѣсь истощались. Въ свою очередь три орудія башни были подбиты: у одного орудія была повреждена дульная часть, а два боковыхъ—остались совершенно на виду. Послѣ непрерывной 10-ти-часовой стрѣльбы изъ батареи № 2, часть стѣны между амбразурами была выбита, а верхній этажъ совершенно разрушенъ. Брешь оказалась такъ велика, что непріятельскіе снаряды совершенно свободно влетали въ нее и достигали до противоположной стѣны [1]). По словамъ англійскаго офицера, осматривавшаго батарею 5-го августа, это была великолѣпная брешь и, продолжайся стрѣльба еще часъ-другой, то ядра пробили бы насквозь башню и просто на двое разсѣкли бы ее [2]). Объ исправленіи поврежденій нельзя было и думать, замѣнить подбитыхъ орудій новыми не было возможности, за отсутствіемъ подъемной машины, а уцѣлѣвшее орудіе, на бѣду, находилось на поврежденной стѣнѣ. Печальная необходимость побудила въ 7 час. вечера 3-го августа поднять парламентерскій флагъ, хотя башня потеряла всего 6 чел. убитыми и 7 тяжело ранеными. Непиръ выразилъ свое удивленіе, спросивъ поручика Звѣрева по нѣмецки: «Какъ могли вы такъ долго держаться противъ огня нашей батареи?» и затѣмъ, изъ уваженія къ мужеству поручика, оставилъ ему шпагу.

Для характеристики боя башни U на Нотвикѣ съ англійской батареей № 2 является интереснымъ «Разсказъ стараго солдата», очевидца. «Солдатъ этотъ попалъ въ Плимутъ. Однажды въ казарму къ плѣннымъ пришелъ господинъ, у котораго рука была ампути-

---

[1]) Въ плѣну у англичанъ. «Финляндская Газета» 1900 г., № 51. [2]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 326.

рована. Онъ обратился къ нашимъ по-нѣмецки и спросилъ: говоритъ ли кто нибудь на этомъ языкѣ? Среди насъ были солдаты изъ Риги и одинъ взялся быть переводчикомъ: тогда этотъ господинъ попросилъ, чтобы собрали всѣхъ унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ Нотвикской башнѣ и рядовыхъ, дѣйствовавшихъ при двухъ орудіяхъ, которыя обстрѣливали англійскую батарею. Когда мы собрались, онъ обратился къ намъ съ такими словами: «Бомба одного изъ вашихъ орудій такъ удачно разорвалась на нашей батареѣ, что у меня оторвало руку, человѣкъ 12 ранило, а четырехъ убило. Я хотѣлъ вамъ сказать, что я нисколько не сержусь на васъ и не считаю русскихъ солдатъ врагами, а, напротивъ, друзьями. Ваши орудія не давали намъ времени строить батарею, такъ мѣтко вы стрѣляли по ночамъ калеными ядрами, а днемъ холодными». Послѣ этого онъ простился съ нами и сказалъ, что онъ отставной капитанъ англійской арміи и, уходя, подарилъ каждому унтеръ-офицеру по два шиллинга, а рядовымъ—по одному» [1]).

Очередь дошла до главнаго форта. Чтобы сберечь снаряды, фортъ не отвѣтилъ на выстрѣлы «Бульдога» 28-го іюля. Но когда англійскій фрегатъ «Пенелопа» наскочилъ на камни у острова Престъ-Э, въ раіонѣ выстрѣловъ форта, то ядра стали пронизывать его корпусъ. «Пенелопу» успѣли отвести, но до этого ей пришлось пожертвовать всѣми своими орудіями, которыя она вынуждена была выбросить за бортъ. Въ теченіе 29-го іюля суда вяло дѣйствовали по форту. Въ ночь со 2-го на 3-е августа, въ 930 шагахъ отъ капонира форта была возведена непріятелемъ батарея № 4, которая 3-го числа, съ 8-ми часовъ утра, не умолкая въ продолженіи цѣлаго дня, обстрѣливала своими тяжелыми снарядами горжу и входъ въ главный фортъ [2]). Флотъ тоже вступилъ въ дѣло.

3-го августа былъ день тезоименитства Наполеона и союзники желали ознаменовать его паденіемъ Бомарзунда. Суда украсились флагами и въ 12 часовъ французскіе корабли салютовали ядрами. Тринадцать кораблей союзниковъ, на разстояніи 2,600 шаговъ отъ форта, весь день сверкали огнемъ изъ своихъ бортовъ, направляя удары противъ праваго крыла укрѣпленія. Кромѣ того фрегатъ «Леопардъ» металъ 100 фунтовыя ядра; два полевыхъ орудія системы Наполеона (12 фунт.) поочередно выѣзжали на позицію, чтобы прославить своего изобрѣтателя, а французскіе егеря мѣтили своими пулями въ крѣпостныя амбразуры. Многострадальный Бо-

---

[1]) «Финляндская Газета» 1900 г., № 51. [2]) Шателенъ, стр. 670.

марзундъ почти не причинялъ вреда атакующимъ, такъ какъ орудія его были слабы; а къ вечеру онъ замѣтно сталъ смолкать, хотя временами и грохоталъ жерлами своихъ пушекъ. Тяжелыя ядра «Леопарда» и снаряды 10-ти-дюймовой пушки дробили нѣсколько и откалупливали гранитную облицовку форта, которая, кстати сказать, ничѣмъ не была связана съ кирпичной кладкой; амбразуры были здѣсь и тамъ повреждены, кирпичи мѣстами крошились. Но во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе, что около 800 орудій въ теченіе 8-ми часовъ не прерывали бомбардировки, то приходится признать, что успѣхи союзниковъ были крайне незначительны, такъ какъ никакого существеннаго поврежденія форту они не причинили [1]). Въ теченіе одной ночи на 4-е августа французы возвели въ 500 шагахъ отъ капонира форта новую батарею № 5 на шесть орудій, со спеціальною цѣлью пробить брешь. Фортъ гранатами и картечью желалъ отдѣлаться отъ непріятнаго сосѣда, выведя изъ строя на новой батареѣ 14 человѣкъ. Но то были уже послѣднія судороги. Видя дѣйствіе брешь-батареи, комендантъ открылъ переговоры. «По даннымъ архива Финляндскаго военнаго округа,—говоритъ полковникъ Мошнинъ,—можно заключить, что Бодиско началъ переговоры подъ вліяніемъ своей жены, находившейся въ крѣпости» [2]). Одинъ изъ англійскихъ офицеровъ, стоявшій въ далекомъ разстояніи отъ форта, говоритъ, что въ зрительную трубу онъ замѣтилъ на дымовой трубѣ форта человѣка, вытряхивавшаго, какъ показалось офицеру, скатерть, которая при внимательномъ разсмотрѣніи оказалась переговорнымъ флагомъ. Въ 2 часа дня фортъ прекратилъ сопротивленіе. Свѣдѣнія о томъ, въ какомъ положеніи находился фортъ и осажденные въ немъ въ моментъ сдачи, къ сожалѣнію, нѣсколько разнорѣчивы. Указаніе на то, что зданіе оборонительной казармы было въ громадныхъ трещинахъ, встрѣчается только въ «Разсказѣ стараго солдата» [3]). Но онъ самъ не былъ ихъ очевидцемъ, а передаетъ это со словъ своихъ товарищей по плѣну. Непосредственно за сдачею крѣпости, 20-го августа, лейтенанту нашего гвардейскаго экипажа К. Костенко пришлось видѣть стѣны оборонительной казармы. «Крыша, по его словамъ, была повреждена на большомъ пространствѣ; до 20-ти подбитыхъ амбразуръ и 15 или 20 ядеръ, врѣзавшихся въ стѣну, свидѣтельствовали объ упорной атакѣ» [4]). 4-го и 18-го августа

---

[1]) «Finsk Militär Tidskrift» 1884, h. IV, s. 250. [2]) «Оборона побережія», стр. 257. [3]) «Финляндская Газета» 1900 г., № 51. [4]) Н. Путиловъ, т. XXIII, стр. 230.

Развалины Бомарзундской крѣпости.

Палуба англійскаго парохода „Бульдогъ“ у Аландскихъ острововъ 3 Авг. 1854 г.

Сеймуръ. Командиръ Бульдога Капитанъ Голль. Чадсъ. Вице-адмиралъ Непиръ. К.-адмиралъ Плумриджъ.

англійскій офицеръ осматривалъ фортъ и любовался тщательной его отдѣлкой. Внутри казематовъ онъ не могъ открыть слѣдовъ дѣйствія ядеръ и бомбъ осаждавшихъ. Кровля была жестоко изрыта: внутренность форта представляла самую печальную картину: мундиры, кивера, шинели и пр. валялись огромными кучами: попадались и живыя бомбы. Въ нижнемъ этажѣ лежали большіе запасы муки въ куляхъ; «голодомъ едва ли принудили бы гарнизонъ къ сдачѣ», заключаетъ онъ. «Скажу только, что по взятіи башенъ, ничего не могло быть легче, какъ разгромить эту батарею (фортъ) съ тыла» [1]).

Редакція «Finsk Militär Tidskrift» (1884 года, кн. IV, стр. 250), помѣстивъ статью о «взятіи Бомарзунда въ 1855 году», выразила сожалѣніе, что изъ нея нельзя составить себѣ надлежащаго представленія о состояніи главнаго форта передъ его сдачей союзникамъ. Въ 1885 году на этотъ вопросъ отвѣтилъ одинъ изъ участниковъ защиты К. F. (Furuhielm). По его словамъ, запасы пороха почти (nästan) истощились; во избѣжаніе большого взрыва, остававшійся порохъ былъ размѣщенъ въ разныхъ мѣстахъ казематовъ; снаряды непріятеля до такой степени разрушили амбразуры форта со стороны пролива, что для прикрытія людей явилась необходимость изъ мѣшковъ съ мукой возводить новыя стѣнки; наши ядра до непріятельскихъ судовъ не долетали, тогда какъ ихъ снаряды падали повсюду; огонь чаще и чаще вспыхивалъ въ постройкѣ, и пожары эти тушились съ величайшими усиліями; стѣны осыпались (ramlade), офицеры и нижніе чины были истомлены работой и ночными бдѣніями; большинство орудій не было болѣе пригодно для стрѣльбы; больные и раненые лежали на чердакѣ почти безъ всякаго присмотра; мертвыхъ негдѣ было хоронить [2])...

По показанію другого очевидца, каменныхъ дѣлъ мастера Винненберга, остававшагося въ фортѣ во время осады, духъ гарнизона былъ «самый воинственный»: священникъ являлся вездѣ, утѣшая раненыхъ и воодушевляя живыхъ. Шесть человѣкъ было убито и 50 ранено [3]).

На островѣ Престъ-Э оставалась еще башня Z, которой командовалъ поручикъ Шателенъ. Видя своего товарища на Нотвикѣ (башню *U*) въ опасности, онъ не разъ стрѣлялъ, желая отвлечь вни-

---

[1]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 326 и 332. [2]) Finsk Milit. Tidsk. 1885, h. I, 35—36. [3]) Архивъ главнаго инженернаго управленія, «Мемуары 2-го разряда» № 80,401.

маніе непріятеля. Но скоро вокругъ него самого задвигались корабли союзниковъ и потребовалось удвоить вниманіе, чтобы разить суда и не допустить десанта на берегъ. Уже съ 26-го іюля, чтобы обезпечить башню отъ внезапныхъ нападеній, поручикъ Шателенъ сталъ высылать въ секреты стрѣлковъ Финляндскаго гренадерскаго баталіона. Предосторожность эта оказалась не лишней. Непріятельскіе баркасы, предполагавшіе занять Престъ-Э, въ виду его обособленнаго положенія, наткнулись на секреты и, подъ дружнымъ и сосредоточеннымъ его огнемъ, вынуждены были отойти назадъ.

Въ 9 часовъ утра 4-го августа непріятельскія суда («Леопардъ», «Гекла» и «Коситъ») принялись спеціально за разрушеніе башни Z. Мѣстность имъ благопріятствовала: корпуса судовъ оказались прикрытыми лѣсомъ. Перестрѣлка башни съ судами продолжалась два часа; непріятель отступилъ. На башнѣ былъ подбитъ единорогъ, а прислуга его частью убита, частью переранена. «Леопардъ» потерялъ гротъ-мачту и получилъ 11 подводныхъ пробоинъ.

Бѣлый флагъ на главномъ фортѣ не смутилъ защитниковъ башни Z: они единодушно приняли рѣшеніе «не сдаваться». Однако, послѣ 4-хъ часовъ къ нимъ прибыла лодка, въ которой находились: священникъ Прокофьевъ, подпоручикъ нашей артиллеріи Пищуровъ и два офицера, англичанинъ и французъ. Всѣ четверо явились съ предложеніемъ сдаться. Иностранные представители грозили въ противномъ случаѣ разрушить башню и не уважить впослѣдствіи ея бѣлаго флага. Священникъ и Пищуровъ передали затѣмъ приказаніе коменданта положить оружіе. Въ это время, кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ къ башнѣ стали приближаться въ значительномъ числѣ непріятельскія суда. Поручикъ Шателенъ, поставивъ людей къ орудіямъ и сдавъ начальствованіе старшему по себѣ офицеру, отправился къ генералу Барагѐ д'Илье и установилъ съ нимъ слѣдующія условія сдачи башни Z: 1) чтобы офицерамъ было сохранено оружіе и 2) что гарнизонъ сдается французскимъ войскамъ, а въ плѣну онъ не долженъ быть разлучаемъ. Генералъ на это согласился. — Прекрасными сподвижниками достойнаго Шателена были: поручикъ Волковъ, прапорщикъ Перемиловскій и отставной ординаторъ Надеждинъ. Они сдались послѣдними.

Весь плѣнный гарнизонъ состоялъ изъ 51 офицера и чиновниковъ и 2.122 нижнихъ чиновъ. Вся наша потеря людьми за время второй осады ограничилась 53 убитыми и 86 большею частью тяжело ранеными. По взятіи Бомарзунда, 10 раненыхъ русскихъ

офицеровъ переведено было на госпитальный корабля Бель-Иль [1]). Комендантомъ крѣпости назначили полковника Моншель.

Судя по рапорту Непира, убыль у союзниковъ не превысила 120 челов. убитыми и ранеными. Генералъ Бараге д'Илье офиціально доносилъ, что французы лишились только 21 челов., почему соотечественники дали ему прозваніе: «Général vingt-et-un» [2]). Если вѣрить дневнику англійскаго офицера, то холера похищала у французовъ по 50 челов. въ сутки (въ августѣ 1854 года) [3]). Жители Аланда указывали лейтенанту Костенкову, что на островѣ было разбросано множество непріятельскихъ могилъ. На кладбищѣ въ Престъ-Э было до 150 могилъ; говорили, что въ одну могилу зарывали по нѣсколько тѣлъ. Надъ могилами встрѣчалась надпись: Victimes du fléau».

Бомарзундъ былъ взятъ не флотомъ союзниковъ, а десантомъ ихъ сухопутныхъ войскъ, т. е. преимущественно французами. Наиболѣе разрушительно на стѣны форта дѣйствовали, конечно, орудія большого калибра, свезенныя съ кораблей и направившія свой огонь на капониръ. Кромѣ того, давно уже извѣстно, что «правительство торгашей», какъ выражался Journal de Francfort, — никогда «не любило слишкомъ подвергать себя опасности при удовлетвореніи своему любостяжанію». Англійскіе корабли только тогда вступаютъ въ бой, когда не подвергаются слишкомъ большому риску [4]). Такъ поступили они и при Бомарзундѣ, находясь все время внѣ сферы дѣйствія нашего огня.

Жители Аланда утверждали, что всего непріятель сдѣлалъ до 120,000 выстрѣловъ по нашимъ укрѣпленіямъ [5]).

«Услыхавъ о сдачѣ, финскіе стрѣлки ломали ружья [6]) и нѣкоторые изъ нихъ, съ помощію аландскихъ жителей, спаслись бѣгствомъ отъ плѣна; нѣсколько артиллеристовъ пробовали зажечь пороховые склады; часть пѣхоты отказывалась положить оружіе, остальная часть изнуреннаго гарнизона находилась въ совершенномъ изнеможеніи». Это удостовѣряетъ одинъ изъ участниковъ защиты, поручикъ Шателенъ. Передъ выходомъ военно плѣнныхъ со двора оборонительной казармы, оружіе бросалось въ кучу; притомъ нѣкоторые бросали съ такимъ негодованіемъ, что оно ломалось; это одинаково продѣлывали, какъ финны, такъ и русскіе [7]).

---

[1]) Н. Путиловъ, т. XXIII, стр. 239. [2]) Finsk Milit. Tidsk. 1882, h. IV, s. 251. [3]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 331. [4]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 280 и 281. [5]) Донесеніе лейтенанта Костенкова; архивъ главнаго инженернаго управленія. [6]) «Инженерный журналъ» 1866 г., т. V, стр. 676. [7]) Письмо Абосскаго губернатора отъ 20-го августа 1854 г. Архивъ Финляндскаго военнаго округа.

Были и такіе стрѣлки среди финновъ, которые, не желая, чтобы ихъ хорошее оружіе досталось врагу, бросали его въ колодцы, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ капитанъ F. [1]). Все указанное Шателеномъ вполнѣ подтверждается документами архивовъ Финляндскаго военнаго округа и главнаго инженернаго управленія, изъ коихъ оказывается, что нижніе чины, пожелавшіе взорваться, принадлежали 10 линейному баталіону и что среди охотниковъ, намѣревавшихся поджечь пороховые ящики, находились евреи.

Другой участникъ защиты, рядовой Іоаннъ Загородниковъ, по возвращеніи въ Россію изъ англійскаго плѣна (въ 1856 г.), изложилъ свои воспоминанія въ видѣ письма къ родственницѣ [2]). Его отзывъ довольно суровый. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этомъ рѣдкомъ дневникѣ русскаго солдата.

«Справедливѣе сказать, что крѣпость сдана на скорую руку, безъ должнаго совѣщанія коменданта, генералъ-маіора Бодиско, и завѣдывавшаго баталіономъ, подполковника Клингштета, съ гг. офицерами, на какомъ основаніи оставить укрѣпленія непріятелю и насъ, какъ бы овецъ, безъ счета поспѣшно предали въ жертву врагу... Казенныя вещи: оружіе, аммуницію и проч. собственные матеріалы и припасы маркитантовъ брошены также въ добычу побѣдителямъ безъ заключенія акта. О денежныхъ же суммахъ разныхъ вѣдомствъ, хранившихся въ кладовой, умолчу, потому что не знаю, кто ими воспользовался, но жаль, мои артельныя деньги и прочихъ солдатъ тамъ были и вѣрно не возвратятся [3])... Кромѣ сего, одинъ предметъ остается въ безгласности, по причинѣ недоумѣнія моего: отъ кого именно приносилъ малолѣтній сынъ аландскаго почталіона 1-го августа въ крѣпость письма и кому, ибо почта не имѣла уже сообщенія съ городомъ Або, о чемъ состоялся приказъ по гарнизону въ первыхъ числахъ іюля, и какими средствами мальчикъ этотъ могъ пройти изъ деревни Момстеки въ фортъ чрезъ непріятельскую цѣпь съ сумочкою на плечахъ для разноски пакетовъ... Окончаніе театра безуспѣшной войны, при малочисленной потерѣ убитыхъ и раненыхъ, сокрушило мое сердце: я тайно, въ чувствахъ душевной боли, со слезами, приносилъ раскаяніе, что мы не сыны церкви и не истинные слуги и отечеству, предавались почти цѣлымъ гарнизономъ постыдному плѣну. Попеченіе монарха было велико объ насъ, но нами не оправдана его милость... Картина Аландской войны и плѣна была грозна и смѣшна: главное начальство въ боѣ нигдѣ не присутствовало, не подавало се-

---

[1]) Furuhielm. «Finsk. Militär Tidskrift», т. I, стр. 36. [2]) «Русская Старина» 1893 г., октябрь, стр. 185—212. [3]) Хранившаяся въ кладовой сумма, какъ видно изъ дѣлъ архива Финляндскаго военнаго округа, досталась въ добычу непріятелю. Велика ли была эта сумма, неизвѣстно (Дѣло № 1,584).

бою примѣръ неустрашимости воинамъ и не внушало подчиненнымъ имѣть мужество и самоотверженіе въ опасности, исполняя священный долгъ воли Царя Небеснаго и Царя другого нашего отечества, и гдѣ они находились во время битвы, не знаю (кромѣ офицеровъ, завѣдывавшихъ орудіями); семейства же гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, жительствовавшія въ окрестности острова Аланда, не переставали имѣть свиданіе съ супругами и въ опасную минуту грозы. Да возможно ли мужчинѣ, занятому нѣжными ласками и пріятными поцѣлуями жены, не ослабить духъ рыцарства противъ врага, въ пріятномъ воображеніи вѣрной расположенности къ нему драгой, забываетъ должную предпріимчивость въ защиту себя отъ непріятеля, падаетъ подъ слабымъ его ударомъ. И, извинительно, любовь не имѣетъ предѣла, она преступаетъ законъ... Если не возбраняется и не предосудительно писать правду, то изъясню: мнѣ чрезвычайно жаль, что Аландскія укрѣпленія сданы непріятелю, что обѣщанное мнѣ награжденіе не получилъ и что время, проведенное въ плѣну, по закону исключатъ изъ числа службы моей... Словомъ сказать: Аландскій гарнизонъ потерялъ честь и похвалу».

Эти замѣчанія, прежде всего, дѣлаютъ честь русскому солдату, умѣющему болѣть душой, въ случаяхъ подобныхъ паденію Бомарзунда, и умѣющему принимать такъ горячо къ сердцу дѣло своей родины и честь ея арміи. Въ его голосѣ звучитъ горькая, но едва ли вполнѣ правдивая нота. Аландскій гарнизонъ не запятналъ русскаго оружія и въ измѣнѣ его укорить нельзя. Правда, что мы, русскіе, гордые прошлыми заслугами нашей доблестной арміи, стяжавшей себѣ міровую славу, желали бы видѣть до сдачи крѣпости стѣны Бомарзундскаго форта съ зіяющими брешами, снаряды разстрѣлянными, порохъ израсходованнымъ до послѣдняго зерна. Когда нѣтъ пороха идутъ въ штыки. Намъ по сердцу, когда во главѣ рати видны его начальники, высоко поднявъ оружіе и духъ своихъ подчиненныхъ. Къ этимъ требованіямъ насъ пріучила исторія, которая постоянно и правильно говорила, что русскій солдатъ умираетъ, но не сдается. Конечно, не всѣ рождены героями; не каждому дано быть Суворовымъ и Скобелевымъ; но каждый обязанъ сдѣлать то, что можетъ. И гарнизонъ Аландскихъ укрѣпленій исполнилъ это требованіе. Недостатка въ примѣрахъ отваги и преданности своему долгу у него не было. Одинъ канониръ, лишенный возможности служить Государю и не желая живымъ сдаться непріятелю, перерѣзалъ себѣ на рукахъ жилы и свалился у стѣны форта [1]). Гарни-

[1]) Архив. гл. инжен. упр., мемуары 2-го разряда, № 80,401; показаніе каменныхъ дѣлъ мастера Винненберга.

зонъ въ порывѣ рвенія и мужества едва не нарушилъ долга повиновенія коменданту, когда отдано было приказаніе сдать оружіе. По свидѣтельству трехъ нашихъ военныхъ врачей, бывшихъ въ плѣну, едва удалось убѣдить гарнизонъ въ невозможности крѣпости болѣе держаться: гарнизонъ горѣлъ желаніемъ сражаться до послѣдней возможности, хотѣлъ умереть подъ развалинами своего укрѣпленія. Какъ сказано, были храбрецы, которые ринулись къ пороховому погребу, желая взорвать себя на воздухъ, но были удержаны...[1]). Баталіонное знамя было сожжено, дабы оно не досталось непріятелю[2]). Общее настроеніе во время бомбардировки среди нижнихъ чиновъ было хорошее[3]). Они спокойно стояли подъ огнемъ, изощряясь въ остротахъ и шуткахъ, по адресу осаждавшихъ. «Ишь отпѣтый агличъ, по воронамъ знать стрѣляетъ», говорилъ ярославецъ своему сосѣду. «Не простудись голубушка», крикнулъ другой, видя, что непріятельская бомба нырнула въ воду. Когда затѣмъ въ воду упало еще нѣсколько бомбъ, онъ же добавилъ: «не куражься, ухи не сваришь». Среди подобныхъ солдатскихъ остротъ нерѣдко слышалось и трогательное разумное слово. «Ну, ребята»,—говорилъ, напримѣръ, рядовой Леонтьевъ: «резерва намъ нѣтъ: на помощь не разсчитывай, а каждый отвѣчай за себя. Казнѣ мы стоимъ дорого. Чуть кума (т. е. бомба) горитъ на землѣ, а ты у ней справа крестнымъ тотчасъ въ лежачку, лежача не бьетъ». «Что робѣть»,—говорилъ старый воинъ рекруту,—«убьютъ, такъ Богъ грѣхи отпуститъ»[4]).

Нашъ солдатъ и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, сдѣлалъ свое дѣло и не посрамилъ земли русской. Поэтому ни малѣйшаго упрека онъ не позволяетъ дѣлать своей военной доблести, и этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется горячее слово Загородникова. Вотъ еще примѣръ чувствительности русскаго солдата къ упреку, касающемуся его храбрости и долга. Маленькій анекдотъ, который мы хотимъ повторить, былъ напечатанъ въ гельсингфорской газетѣ «Hufrudstadsbladet», вскорѣ послѣ кончины Императора Александра III. Во время одной изъ послѣднихъ поѣздокъ по шхерамъ, покойному Государю пришлось зайти въ маленькую избу на Аландскихъ островахъ; заставъ въ ней двухъ стариковъ, онъ осчастли-

---

1) Рапортъ генералъ-маіора Вендта отъ 15-го сентября 1854 г. Архивъ Финляндскаго военнаго округа. О намѣреніи взорвать фортъ имѣются также указанія въ дневникѣ рядового Загородникова, («Русская Старина» 1893 г., октябрь, стр. 187). 2) «Русская Старина» 1893 г., октябрь, стр. 189 и Шателенъ, стр. 676. 3) «Finsk. Milit. Tidsk» 1885, к. I, стр. 36. 4) «Русская Бесѣда» 1895 г., юль, стр. 20 (ст. Абова).

вилъ ихъ нѣсколькими вопросами. Изъ полученныхъ отвѣтовъ выяснилось, что они инвалиды и были, между прочимъ, участниками обороны Бомарзунда. «Какъ же вы такъ плохо защищали крѣпость, что она была сдана непріятелю»? Не мы сдались, объяснили старослужилые, а комендантъ, который во время бомбардированія сидѣлъ въ погребѣ за мѣшками» [1]). Изъ показанія, отобраннаго на мѣстѣ послѣ паденія Бомарзунда, явствуетъ, что комендантъ въ продолженіи ночи передъ сдачей форта оставался у себя въ ярко освѣщенной комнатѣ, имѣя у дверей караулъ изъ казаковъ и стрѣлковъ [2]). Бѣдный старый комендантъ! Ему пришлось пережить трудные дни. Нравственная отвѣтственность передъ родиной и Царемъ за паденіе форта все-таки пала на его плечи и побѣжденному всегда трудно оправдаться передъ потомствомъ, какъ бы краснорѣчиво не защищала его исторія. «Я слышала»,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. Цебрикова,—«отъ родни коменданта Бодиско, что необходимость сдачи нравственно убила и сильно сократила жизнь генерала» [3]).

Крѣпость сдалась: но положеніе ея было дѣйствительно безвыходное; одного сухопутнаго войска у непріятеля было высажено на берегъ отъ 10-ти до 14-ти тыс. (противъ нашихъ 1,600 ч.), да всѣхъ судовъ у него было болѣе 70-ти [4]). Крѣпость была изолирована и со всѣхъ сторонъ охвачена войсками. «Приступая къ осадѣ, англо-французскій флотъ имѣлъ Балтійское море въ полномъ своемъ обладаніи и поэтому могъ контролировать все, что происходило въ водахъ, окружавшихъ Бомарзундъ» [5]). Флотъ непріятеля стоялъ внѣ нашихъ выстрѣловъ и потому онъ спокойно, какъ на ученіяхъ, могъ наводить свои орудія въ амбразуры форта и подбивать наши орудія. Крѣпость была недостроена и потому, съ паденіемъ башенъ, непріятелю открывалась слабая сторона форта—ея тылъ. Фортъ не былъ такъ построенъ и не былъ такъ снабженъ боевыми и продовольственными запасами, чтобы осажденный гарнизонъ могъ держаться продолжительное время. Кромѣ того, «начертаніе верковъ имѣло въ виду считаться съ нападеніемъ только съ моря» [6]). Порохъ приходилось держать при каждомъ казематѣ въ ящикахъ и, слѣдовательно, ежеминутно опасаться взрыва. Въ этомъ обстоятельствѣ

---

[1]) «Русская Бесѣда» 1895 г., іюль, стр. 21 (Абовъ). [2]) Архивъ главн. инжен. управл. Мемуары 2-го разряда № 80,400 (Разслѣдованіе подпоручика Гаделли). [3]) «Вѣстн. Всемірн. Исторіи» 1901 г., т. XI, стр. 63. [4]) «Finsk. Milit. Tidsk.» 1885 г., т. I, стр. 35. [5]) Контръ-адмиралъ Коломбъ. «Морская война». Спб. 1894 г., стр. 534. [6]) Тамъ же, стр. 535 (534).

современники паденія Бомарзунда и жители Аланда видѣли одну изъ главныхъ причинъ капитуляціи. Два послѣднихъ дня фортъ находился подъ градомъ ядеръ и бомбъ [1]). Людей съ соотвѣтственной подготовкой по спеціальностямъ не было. Аудиторъ, колежскій регистраторъ Хорошевскій, напримѣръ, съ 26-го іюля по 4-е августа завѣдывалъ пятью крѣпостными орудіями на башнѣ Z на Престь-Э [2]). Гарнизонъ былъ малочисленъ. Отбиваться приходилось на всѣ стороны. Отдыха никому не было, а съ физическимъ утомленіемъ борьба невозможна. Мѣстность благопріятствовала наступленію непріятеля съ суши: естественныя прикрытія онъ находилъ на каждомъ шагу за оврагомъ, камнемъ, въ разсѣлинахъ скалъ и т. п. Не забудемъ, что при всѣхъ указанныхъ условіяхъ непріятелемъ была сосредоточена вокругъ Бомарзунда такая артилерія по числу. силѣ и калибру, какой до того времени никогда не употребляли для осады даже большихъ крѣпостей [3]). «При оборонѣ надо бить, а не только отбиваться. Лучшій способъ обороны самому напасть», гласитъ наставленіе генерала Драгомирова. Нужно было, слѣдовательно, выйти изъ форта и отбросить непріятеля. Но съ чѣмъ выйти? 1,600 чел. противъ 10-ти или 14-ти тысячъ десанта, причемъ наши изнурены, а ихъ люди бодры! Кромѣ того, нашъ гарнизонъ естественно предполагалъ, что за ослабленіемъ форта непрерывнымъ артилерійскимъ огнемъ, послѣдуетъ штурмъ и потому нельзя было расходовать людей рискованными вылазками. Обстоятельства указывали, что гарнизону при дальнѣйшемъ сопротивленіи предстояла одна только безполезная убыль людей. Рѣшеніе военнаго совѣта было поэтому прекратить сопротивленіе.

Повторяемъ, нѣтъ сомнѣнія, что гарнизонъ Аланда вѣрой и правдой послужилъ Царю и Отечеству. Но, какъ говоритъ русская пословица, семья не безъ урода и эти печальныя исключенія дали западной печати поводъ заявить, что солдаты радовались паденію Бомарзунда. Не слѣдуетъ забывать, что часть аландскаго гарнизона состояла изъ арестантовъ и штрафованныхъ и потому не удивительно. если среди нихъ нашлись люди, недостойные званія солдата. По заявленію рядового I. Загородникова, въ продолженіи военныхъ дѣйствій, съ нашей стороны бѣжало къ непріятелю 6 человѣкъ военно-рабочихъ, 3 арестанта и 1 артилеристъ. Кромѣ того, нѣкоторые нижніе чины, во время нахожденія въ плѣну въ Англіи,

---

[1]) Архивъ главн. инженерн. управл.; разслѣдованіе Гаделли. [2]) См. дѣла архива Финляндскаго военнаго округа. [3]) Адмир. Коломбъ.

не съумѣли поддержать достоинство русскаго воина и поддались разнымъ слухамъ и приманкамъ польской пропаганды [1]).

Какъ держали себя аландцы во дни испытаній 1854 г.?

Аландцы впервые, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, подверглись серьезному испытанію. При оцѣнкѣ обстоятельствъ необходимо, однако, помнить разницу между аландцами и остальными жителями Великаго Княжества. Аландцы, какъ и всѣ вообще финляндцы, держали себя, прежде всего, спокойно, никакого предосудительнаго движенія среди нихъ не было, но особаго рвенія и участія къ судьбѣ форта они отнюдь не проявили. Генералъ Бодиско, видимо, разсчитывалъ на ихъ готовность принять участіе въ оборонѣ своей родины, если только жители острова получатъ ружья и амуницію. Но въ этомъ онъ ошибся. Послѣ предварительнаго совѣщанія съ мѣстными пасторами, имъ предложены были ружья, порохъ и свинецъ [2]). Хотя аландскіе жители, занимающіеся тюленьимъ промысломъ, и славятся своей стрѣльбой, но добровольно желающихъ получить порохъ оказалось мало и если брали его, то лишь для цѣлей охоты. «Впрочемъ, чрезвычайно было трудно,—говоритъ офицеръ Бомарзундскаго гарнизона поручикъ Шателенъ,—и разсчитывать на вооруженіе мирныхъ жителей, по большей части шведскаго происхожденія, при такихъ незначительныхъ силахъ съ нашей стороны, въ сравненіи съ непріятелемъ» [3]). Таково одно объясненіе отношенія аландцевъ къ дѣлу. Другое, исходившее отъ мѣстныхъ финляндскихъ властей, указываетъ на то, что они, не отличаясь особой храбростью, были значительно запуганы войной, а по кореннымъ своимъ привычкамъ особенно преданы торговымъ интересамъ [4]). Надо помнить еще, что непріятель, желая поселить въ аландцахъ недобрыя чувства къ русскимъ, смущалъ ихъ разными ложными слухами и подстрекалъ ихъ не платить податей. Въ народѣ пущены были разсказы о томъ, что Або и Гельсингфорсъ сожжены, что въ Финляндіи производится усиленный наборъ рекрутъ и т. п. Легковѣрные, конечно, принимали эти побасенки за истину (Дознаніе Гаделли). Никакой перемѣны въ управленіи, особенно болѣе смыслящіе жители Аланда, конечно, не желали и остались

---

[1]) «Русская Старина» 1893 г., октябрь, стр. 188, 205 и 208. [2]) Изъ представленія военному министру 7-го октября 1854 г. № 1,308. Архивъ Финляндскаго военнаго округа. См. также дознаніе подпоручика Гаделли. Архивъ главн. инжен. управленія. [3]) Шателенъ, стр. 657. [4]) Изъ письма абоскаго губернатора, генералъ-маіора Кронштедта, 17-го и 19-го августа 1854 г. (архивъ Финляндскаго военнаго округа).

въ общей массѣ вѣрными своей присягѣ. «Образъ мыслей аландскихъ крестьянъ былъ въ пользу русскаго правительства, такъ какъ они помнили оказанныя благодѣянія». (См. дознаніе подпоручика Гаделли). «Всѣ порядочные люди, съ кѣмъ мы только ни встрѣчались здѣсь, совершенно преданы Россіи и не желаютъ быть подчинены ни шведамъ, ни англичанамъ», такъ отмѣчено въ запискахъ, веденныхъ во время крейсерства англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ въ 1854 г. [1]). Но на Аландѣ, какъ и всюду, повторяемъ, примѣнима пословица: «семья не безъ урода». И потому среди аландцевъ нашлись, къ сожалѣнію, люди, которые расхищали имущество оставленной крѣпости (желѣзо, муку, кирпичъ, котлы, мундиры и т. п.), продавали непріятелю провіантъ, давали ему разныя свѣдѣнія и, въ качествѣ лоцмановъ, проводили по шхерамъ ихъ корабли [2]). Указанія на услуги аландскихъ шкиперовъ попадаются въ названныхъ (англійскихъ) запискахъ довольно часто [3]). Въ дознаніи, произведенномъ подпоручикомъ Гаделли, значится, что «жители Аланда, какъ служащіе, такъ и лучшаго сословія, исполнили свой долгъ, если не вмѣнить имъ въ вину того, что нѣкоторые изъ послѣднихъ, какъ и крестьяне, продавали непріятелю въ Финбю и Годбю скотъ, который по приказанію коронпаго фохта, по объявленной въ церкви публикаціи, должны были доставлять непріятелю». Болѣе жадными до наживы оказались жители Іомала, Сундъ, Салтвикъ, Хаммарландъ и Эккеръ-Э [4]). Еще одинъ печальный фактъ: для предполагаемыхъ добровольцевъ имѣлось оружіе, которое до капитуляціи крѣпости успѣли зарыть въ скрытныхъ мѣстахъ, но населеніе указало ихъ союзникамъ (men af allmogen sedermera anvisades de allierade. «Finsk. Milit. Tidskr.» 1885, I, 34).

«Въ настоящее время», — доносилъ лейтенантъ Костенковъ, прибывшій на Аландъ непосредственно послѣ паденія Бомарзунда,— «многіе изъ жителей, въ особенности отдаленныхъ отъ Бомарзунда деревень, неохотно признаютъ находящіяся тамъ власти, дѣлаютъ иногда обиды нашимъ семействамъ и, какъ говорятъ, не очень расположены къ русскимъ».

«Подобное заключеніе, конечно, нельзя сдѣлать обо всѣхъ вообще жителяхъ, потому что многіе изъ нихъ доказали уже свою

---

[1]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 323; а также въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1885 г. (№№ 5, 9 и 10) и архивъ главн. инженер. управл. (донесенія лейтенанта Костенкова и подпоручика Гаделли). [2]) См. письма абоскаго губернатора: 19-го и 22-го августа 1854 г. № 53 (Архивъ Финляндскаго военнаго округа). [3]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 305 317, 319, 321, 327, 330 и др. [4]) Архивъ главн. инжен. управл. Мемуары второго разряда № 80,400.

преданность и желаютъ скорѣе водворенія порядка. Есть нѣсколько поступковъ, которые выше всякой похвалы: такъ, напримѣръ, крестьянина Іогана Ульриха Янсона (изъ деревни Бунасъ-бю). Въ его домѣ проживала жена бомбардира Гасмана съ двумя малолѣтними дѣтьми. Гасманъ былъ взятъ въ плѣнъ; жена поѣхала на свиданіе съ нимъ и болѣе не возвращалась. Янсонъ собралъ имущество дѣтей, одѣлъ ихъ своими средствами и, отыскавъ спрятанные въ постели 200 рублей, вручилъ ихъ лейтенанту Костенкову, съ убѣдительной просьбой опредѣлить дѣтей въ какое-нибудь казенное заведеніе [1]).

Въ послѣдніе годы путешественники не разъ заѣзжали въ Скарнансъ, чтобы посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ стоялъ Бомарзундъ, нынѣ уже забытая крѣпость. Оказывается, что старожилы окрестныхъ мѣстъ сохранили хорошія и миролюбивыя воспоминанія о квартировавшихъ тамъ русскихъ войскахъ и помнятъ нѣсколько русскую рѣчь, которая теперь, за неимѣніемъ русскихъ сосѣдей, конечно, совершенно устранена изъ обихода. Англичанъ, конечно, добромъ аландцы не поминаютъ, такъ какъ помнятъ ихъ грабежи и ихъ дурное отношеніе къ оставляемымъ на островахъ женщинамъ, партіи которыхъ брались ими, какъ призы [2]).

«Тотчасъ послѣ капитуляціи Бомарзунда отправленъ былъ адмираломъ Непиромъ пароходъ въ Стокгольмъ съ предложеніемъ шведскому правительству принять Аландъ и крѣпость въ свое владѣніе. По истеченіи пяти дней пароходъ возвратился съ отказомъ Швеціи». Такъ значится въ разслѣдованіи подпоручика Гаделли, посланнаго на Аландъ нашимъ начальствомъ [3]). Что было дѣлать союзникамъ съ укрѣпленіями? Оставить въ нихъ гарнизонъ было рискованно, такъ какъ въ теченіе зимы русскіе имѣли возможность по замерзающему проливу привести свои войска. Кромѣ того представлялось довольно затруднительнымъ продовольствовать здѣсь части иностранныхъ армій. Русскаго мало убить, надо еще повалить. Подобныя соображенія побудили французовъ и англичанъ срыть до основанія наши верки. Первою была разрушена 18-го (30-го) августа башня Z на Престъ-Э, которая досталась имъ по-

---

[1]) Архивъ главнаго инженернаго управленія. Мемуары 2-го разряда, № 80,150. [2]) «Финляндская Газета» 1900 г., № 9 и прилож. къ «Новому Времени» 18-го іюня 1897 г., № 7652. [3]) Архивъ главн. инжен. управл. Мемуары 2-го разряда, № 80,400. Далѣе у того же подпоручика Гаделли указано, что къ Бомарзунду подходилъ шведскій пароходъ съ пасажирами, на которомъ при видѣ страшнаго уничтоженія крѣпости, долго раздавалось громкое «ура».

слѣднею. Двумя взрывами она была почти сравнена съ землей. За нею послѣдовала башня С на Портвикѣ. Надъ разрушеніемъ же главнаго форта непріятелю пришлось поработать три дня и заложить 20 минныхъ горновъ. Надъ дугообразной частью оборонительной казармы онъ производилъ вмѣстѣ съ тѣмъ опыты пробиванія бреши. Имѣется интересное сообщеніе барона Унгернъ-Штернберга изъ Копенгагена (отъ 15-го августа 1854 г.). Онъ увѣдомлялъ, что французскій фрегатъ «Королева Гортензія» прошелъ Данію, направляясь во Францію. Фрегатъ шелъ изъ Бомарзунда и былъ нагруженъ разными вещами, добытыми при взятіи этой крѣпостцы. Везъ онъ также и обломки гранитнаго укрѣпленія. Начальникъ французскаго войска посылалъ эти образцы своему правительству, какъ доказательство того, что гранитъ не можетъ сопротивляться дѣйствію артилеріи, какъ думали тогда авторитеты [1]).

2-го (14-го) сентября послѣдніе англичане покинули Аландъ и нѣсколько недѣль спустя надъ скалами острова вновь развѣвался русскій двухглавый орелъ [2]).

7-го сентября 1854 г. (№ 13309) военный министръ сообщилъ командующему войсками, что по докладѣ Государю Императору письма вице-адмирала Непира къ абоскому губернатору о необходимости возстановить на Аландѣ власть, для охраненія мирныхъ жителей отъ дѣйствій людей злонамѣренныхъ,—приказано было отвѣтить, что мѣры будутъ приняты (архивъ Финляндскаго военнаго округа). Это касалось, разумѣется, мѣстныхъ жителей. Но еще хуже велъ себя непріятель. Въ первое время по взятіи крѣпостцы союзники принялись грабить; но скоро удержаны были своимъ начальствомъ. Въ запискахъ англійскаго офицера отъ 13-го августа отмѣчено, что французы занимаются одною только укладкою награбленнаго добра... [3]). «Непріятель, собравъ въ фортѣ дрова, разложилъ огонь въ комнатахъ офицерскаго флигеля» [4]). Церковь взорвали, а церковное имущество союзники подѣлили между собой. Въ лондонскомъ Тоуэрѣ сохраняются ружья и колокола, вывезенные изъ Бомарзунда, въ качествѣ русскихъ трофей. «Да это не русскіе колокола»,—сказалъ находчивый Герценъ, осматривая ихъ въ 1857 г., вмѣстѣ съ извѣстнымъ писателемъ А. Милюковымъ: «на нихъ швед-

---

[1]) Архивъ Финляндскаго военнаго округа. [2]) Шателенъ, стр. 681. Финляндская казна купила, съ аукціоннаго торга, за 3,200 марокъ развалины бомарзундскихъ укрѣпленій и извлекла изъ нихъ 12 мил. цѣльныхъ кирпичей («Зодчій» 1878 г., № 24, стр. 122). [3]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 331. [4]) Дознаніе подпоручика Гаделли.

Панорама разрушенныхъ Бомарзундскихъ укрѣпленій.

ская надпись». («Русскій Вѣстникъ» 1888 г., т. III, стр. 55—56). Непріятель увезъ еще зарытыя въ землю въ окрестностяхъ укрѣпленій наши пушки и ядра, а также ружья, которыми завалены были крѣпостные колодцы.

Непріятель торжествовалъ... Эхо ликованій перекатывалось по Англіи и Франціи. Въ англійскихъ газетныхъ извѣстіяхъ говорилось: «въ восемь дней мы уничтожили глыбы гранитныхъ валовъ, которыхъ камни нигдѣ не могли устоять противъ насъ» [1]). Въ февралѣ 1855 г. на обычномъ обѣдѣ у лорда-мэра Лондона, Непиръ въ застольной рѣчи разсказалъ, между прочимъ, что «взятіе Бомарзунда ничего не стоило. Дѣло было очень легкое: безъ потерь и труда мы разрушили очень большую линію укрѣпленій...» [2]). Сохранилась еще и такая подробность. Извѣстно, что вообще во время войны сообщались во Франціи самыя нелѣпыя извѣстія. Свѣдѣнія же о взятіи Бомарзунда дошли до колосальной пошлости. «Когда, отдавшіяся въ плѣнъ русскіе войска шли между рядами французскихъ и англійскихъ солдатъ»,—говорилось въ газетахъ Франціи.— «музыканты играли шотландскую джигу и русскіе стали танцовать подъ эту музыку». («Ист. Вѣстн.» 1884 г., февр., стр. 406. Изъ записокъ Вьель Кастеля). Маршалъ Кастелланъ, какъ человѣкъ серьезный, занесъ въ свой дневникъ фактъ, заслуживающій большаго вниманія: «Взятіе Бомарзунда, 16-го августа, произвело отличное впечатлѣніе; это первое дѣйствіе французовъ противъ русскихъ. Командующій войсками, генералъ Бараго д'Илье будетъ, вѣроятно, сдѣланъ маршаломъ Франціи» [3]). Дѣйствительно, маршальскій жезлъ былъ вскорѣ ему врученъ довольно своеобразно, въ моментъ его пребыванія въ Данцигѣ, гдѣ онъ въ 1813 г., будучи молодымъ поручикомъ, потерялъ руку [4]). Пылкая французская фантазія людей легкомысленныхъ представила Бомарзундъ въ видѣ неприступнѣйшей крѣпости въ мірѣ, выстроенной на скалахъ. Къ исторіи взятія аландскихъ укрѣпленій французскіе изобрѣтательные авторы не замедлили присоединить и нѣсколько романтическихъ приключеній. «Монитеръ» напечаталъ разсказъ «Бомарзундская сиротка» («L'orphéline de Bomarsounde»); по фабулѣ сего разсказа, французамъ довелось освободить изъ казематовъ аландской крѣпости беззащитную невинную жертву, мужъ которой томился въ далекой Сибири [5]).

---

[1]) Шателенъ, стр. 695. [2]) «Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго». Спб., 1881 г., т. VI, стр. 514. [3]) «Русская Старина» 1898 г., авг., стр. 375. [4]) Шателенъ, стр. 681. [5]) «Разсказы русскаго офицера, бывшаго въ плѣну во Франціи.

Когда пылъ перваго восторга прошелъ, то французы и англичане ближе разсмотрѣли дѣйствительность, которая оказалась для нихъ, конечно, далеко непривлекательной. Шумъ радости замѣнился раздраженіемъ, насмѣшками и укорами, и даже «Times» предался священному и патріотическому гнѣву противъ флотовъ, такъ какъ на дѣлѣ гора родила мышь. Вмѣсто кита Непиръ поймалъ салакушку. Хвастливому адмиралу «неудалось продѣть кольца сквозь ноздри грозному Левіаѳану». Онъ «пришелъ, увидѣлъ, но не побѣдилъ», какъ писали тогда въ англійскихъ газетахъ. Та же англійская печать, сравнивая его дѣятельность съ дѣятельностію Веллингтона, усмотрѣла, что «Веллингтонъ поражалъ вооруженнаго непріятеля и щадилъ частную собственность, а Непиръ щадилъ вооруженнаго непріятеля и поражалъ частную собственность» [1]. «Русскіе смѣются и мы смѣшны на самомъ дѣлѣ», говорили англичане [2]. Дѣйствія флота въ Балтійскомъ морѣ стали называть вообще «жалкими и смѣшными». Въ «Times» читаемъ: «Англійскія пушки не говорили въ Балтійскомъ морѣ. Онѣ правда шептали передъ Бомарзундомъ, но вся Европа ждала того, чтобы голоса ихъ раздались передъ Кронштадтомъ или Свеаборгомъ... Трудно было нанести военной чести Англіи на морѣ болѣе тяжкій ударъ, чѣмъ тотъ, который нанесли ей событія въ Балтійскомъ морѣ» [3].

Подтрунивала надъ успѣхами Непира и русская печать. Западная эскадра безъ шума поплыла домой, «спрятавъ ничтожные бомарзундскіе лавры въ трюмъ», писала «Сѣверная Почта» (1857 г., № 207). «Какъ не сказать теперь про Непира»,—продолжаетъ газета,—«съ чѣмъ поѣхалъ, съ тѣмъ и пріѣхалъ. Нѣтъ! У него, конечно, есть въ карманѣ нѣсколько камней отъ Бомарзундскихъ укрѣпленій, героически взорванныхъ передъ отъѣздомъ». «Дорого, очень дорого стоила Бомарзундская скала»,—прибавила въ другой разъ та же газета,—«и флоты вынуждены были воротиться домой безъ трубныхъ и барабанныхъ звуковъ, такъ какъ находились въ положеніи лисицы, оставившей свой хвостъ въ капканѣ. Не упустила случая также и нѣмецкая печать сказать язвительное слово о герояхъ дня. «Искали флотовъ и не нашли ихъ: осматривали, какъ можно ближе крѣпости, и объявили ихъ неприступными» [4].

Чтеніе для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній; 1856 г., ноябрь, № 489, стр. 22—24.

[1]) Н. Путиловъ, т. XXIII, стр. 223. [2]) Мошнинъ, стр. 258. [3]) Н. Путиловъ, т. XXIV, стр. 285. [4]) Тамъ же, т. XXIII, стр. 226.

Возвращеніе Чарли.

Гдѣ же ваши трофеи?

А вотъ....

Съ современной англійской каррикатуры.

Газетныя статьи Западной Европы въ періодъ Восточной войны 1853—1856 гг. отличались особымъ изобиліемъ всякаго рода клеветъ на Россію. Состоявшій при нашей миссіи въ Берлинѣ свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ графъ Бенкендорфъ письмомъ отъ 15-го октября (за № 165) просилъ поэтому военнаго министра о сообщеніи ему надлежащихъ свѣдѣній объ Аландѣ, такъ какъ иначе онъ лишенъ возможности опровергнуть ложныя и непріязненныя свѣдѣнія изъ англійскихъ и французскихъ реляцій. Свѣдѣнія эти были ему доставлены и хотя они считались тогда секретными, но графу Бенкендорфу разрѣшено было представить ихъ «главному прусскому правительству единственно по довѣрію къ оному» [1]). Князь П. А. Вяземскій, живя въ это время въ чужихъ краяхъ, надумалъ облегчить свое пылшее сердце и возмущенную душу писаніемъ опроверженій въ мѣстной періодической печати. Встрѣтивъ негостепріимный отказъ, онъ издалъ свои статьи отдѣльной брошюрой въ Лозаннѣ подъ названіемъ «писемъ Ветерана 1812 года» (Lettres d'un vétéran russe 1812 sur la question d'Orient. publicées pas P. d'Ostafievo). Двадцать второе письмо почтеннаго ветерана посвящено Бомарзундской экспедиціи. Сдѣлавъ нѣсколько колкихъ замѣчаній о слабо дѣйствующемъ военномъ краснорѣчіи императора мира и сравнивъ его съ тѣмъ (Наполеономъ I), у кого на умѣ всегда была настоящая армія, а не армія, нужная для увеселенія, Ветеранъ продолжаетъ: «если самое (бомарзундское) дѣло не принадлежитъ къ числу такихъ, за которыя обыкновенно дается маршальскій жезлъ, то нѣтъ сомнѣнія, что маршалъ Бараге д'Илье заслуживалъ награды въ качествѣ новаго Христофора Колумба. Бомарзундъ открытъ, конечно, имъ и его славными Аргонавтами. До сихъ поръ онъ оставался страною неизвѣстною (terra incognita) не только для Европы, но и для большинства русскихъ людей. Кстати скажемъ, что нельзя довольно похвалить скромность, которою отличаются начальники союзныхъ войскъ. Вмѣсто того, чтобы заставить говорить о себѣ, нападая на крѣпости, всѣмъ извѣстныя, они предпочли напасть на маловажное и, въ добавокъ, недостроенное укрѣпленіе съ малочисленнымъ гарнизономъ. Впрочемъ, не годится черезчуръ издѣваться надъ новымъ маршаломъ по поводу лавровъ, которые онъ пожалъ. Благородному ветерану временъ перваго Наполеона, безъ сомнѣнія, было горько заслужить маршальскій

[1]) Архивъ главнаго инженернаго управленія. — Дѣло штаба инспектора по инженерной части, № 67. (Въ нѣмецкомъ переводѣ, посланныя свѣдѣнія были озаглавлены: «Über die Befestigungen Alands»)...

жезлъ при современной обстановкѣ. Этотъ жезлъ навѣрно не радовалъ его и показался слишкомъ тяжелъ, когда послѣ своей знаменитой Бомарзундской экспедиціи онъ высадился въ Данцигѣ, гдѣ въ 1813 году оторвало ему руку. Сопоставляя эти дорогія для него во всѣхъ отношеніяхъ воспоминанія давнишней славы съ впечатлѣніями настоящаго времени, онъ, конечно, не могъ радоваться. Смѣшная и мелочная обстановка второй имперіи должна была бѣсить храбраго человѣка, который служилъ подъ знаменами первой и подъ начальствомъ вождей, получавшихъ маршальскіе жезлы не за такія дѣла, какъ взятіе Бомарзунда» [1]).

Извѣстія объ участи Аландскаго гарнизона не скоро проникли въ Финляндію и Петербургъ. 5-го августа Петербургъ узналъ о первомъ нападеніи (т. е. 9-го іюля) французскихъ войскъ на крѣпость Аландскихъ острововъ. «Вотъ гдѣ — на Аландскихъ островахъ, — пишетъ О. И. Тютчевъ,—довелось возобновиться, послѣ 40-лѣтняго промежутка, борьбѣ Франціи съ Россіей, прерванной въ Парижѣ.» 18-го августа онъ писалъ: «на дняхъ изъ иностранныхъ, т. е. враждебныхъ журналовъ, узнали новость объ окончательномъ занятіи Аландскихъ острововъ, послѣ сдачи крѣпости». Командующему войсками Финляндскаго округа приходилось ограничиваться разсказами случайныхъ людей и едва ли не самыя достовѣрныя свѣдѣнія доставилъ начальству смотритель провіантскаго магазина на Аландѣ, титулярный совѣтникъ Вестеніусъ. Къ такому заключенію приводитъ, по крайней мѣрѣ, отчетъ, помѣщенный въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1854 года № 191. Вестеніусъ былъ командированъ для покупки фуража и другихъ запасовъ. Возвращаясь 27-го іюля, онъ увидалъ, что крѣпость оцѣплена непріятелемъ. Скрываясь по деревнямъ и лѣсамъ, онъ собралъ разные слухи и, счастливо миновавъ линію непріятельскихъ крейсеровъ, добрался до Гельсингфорса 16-го августа. Разсказъ Вестеніуса, который здѣсь воспроизводить не будемъ, вообще весьма близко совпадаетъ съ позднѣйшими данными, обнародованными объ осадѣ Аландскихъ укрѣпленій [2]).

Непиръ, по взятіи крѣпости, выразилъ готовность переправить въ Финляндію женъ и дѣтей защитниковъ Аланда. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался генералъ-губернаторъ, графъ Бергъ, чтобы получить достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣла въ Бомарзундѣ. За оставленными семьями Аландскаго гарнизона немедленно

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій. Полное собраніе сочиненій, СПБ. 1881 года т. VI, стр. 423—424. [2]) Н. Путиловъ, т. XXII, стр. 203—206.

былъ отправленъ особый пароходъ «Летучій» подъ парламентерскимъ флагомъ. Командиръ этого парохода, лейтенантъ Костенковъ, удачно выполнилъ свою задачу. Въ провѣркѣ же свѣдѣній была настоятельная необходимость, такъ какъ въ обществѣ ходили самые разнообразные слухи о Бомарзундѣ.

Каковы были тѣ извѣстія, которыя проникали въ Петербургъ, можно судить, напримѣръ, по перепискѣ графа А. К. Толстого. 22-го іюля 1854 г. онъ сообщалъ своему пріятелю изъ Петергофа: «послѣднія извѣстія объ англичанахъ съ острововъ Аландъ, гдѣ они соединили свои силы и думаютъ прозимовать»... 5-го августа графъ Толстой писалъ: «вчера пришло извѣстіе, что 3,000 французовъ сдѣлали десантъ на Аландѣ, но ихъ отбили» [1])...

«Севастополь не Москва, Крымъ не Россія», —писалъ Государь (3-го сентября 1855 г.) къ И. Д. Горчакову. Что же послѣ того сказать объ Аландѣ? Потеря столь ничтожная, что въ общемъ ходѣ дѣла она представляется лишь булавочнымъ уколомъ. Любовицкій, разсматривая вообще вопросъ объ атакѣ и оборонѣ береговъ, спрашиваетъ: да нужно-ли было укрѣплять Аландскіе острова? И отвѣчаетъ: «Пространство моря между берегомъ и этими островами замерзаетъ зимою (проливъ же, отдѣляющій Аландскіе острова отъ Швеціи, напротивъ того, почти не замерзаетъ): для охраненія же ихъ лѣтомъ отъ непріятеля, могущаго заставить нашъ флотъ укрыться въ портахъ, пришлось бы построить чрезвычайно сильныя укрѣпленія, которыя были бы въ состояніи держаться при полномъ обложеніи, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ; мы думаемъ поэтому,—прибавляетъ Любовицкій,—что для насъ нѣтъ надобности въ укрѣпленіи Аландскихъ острововъ» [2]). Князь Васильчиковъ болѣе рѣзко отозвался о безцѣльности крѣпости. «Въ Балтикѣ» [3]),— писалъ онъ,—«неизвѣстно для какой цѣли, существовалъ укрѣпленный замокъ на Аландскихъ островахъ, извѣстный подъ названіемъ Бомарзунда. Замокъ этотъ никому не могъ преградить входъ въ Балтійскій заливъ, не защищалъ береговъ Финляндіи и даже не доставлялъ дѣйствительной обороны запертому въ немъ безъ всякой надобности гарнизону» [4]). И дѣйствительно, если въ Бомарзундѣ не держали сильнаго флота, могущаго или ударить во флангъ наступающему непріятелю или, пропустивъ его впередъ, отрѣзать ему

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1897 г., апрѣль, стр. 609 и 610. [2]) «Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба» 1862 г., кн. I стр. 217. [3]) Въ шестистахъ верстахъ отъ Кронштадта. [4]) Н. Барсуковъ, т. XIII стр. 71 (см. также Рус. Арх. 1891 г., № 6).

путь отступленія,—то крѣпость эта совершенно никакого значенія не могла имѣть, такъ какъ непріятель, желающій идти на Петербургъ или Гельсингфорсъ, имѣлъ полную возможность обходить ее и игнорировать, зная, что въ тылу онъ не оставляетъ никакого опаснаго врага.

Оцѣнивая теперь послѣдствія паденія Бомарзунда, можно болѣе основательно отвѣтить и на вопросъ о томъ, полезно ли было въ стратегическомъ отношеніи возведеніе крѣпости на Аландѣ? Прежде, когда существовалъ шхерный гребной и парусный флотъ, Аландская стоянка, быть можетъ, имѣла значеніе. Не отваживаясь на плаваніе въ открытомъ морѣ, онъ могъ отсюда выходить для прикрытія финляндскихъ шхеръ и для нападенія на шведскій берегъ. При прежнихъ условіяхъ, крѣпость могла здѣсь подвергнуться только атакѣ шхернаго флота, который, какъ бы великъ онъ ни былъ, едва ли былъ опасенъ для Аландскаго укрѣпленія безъ содѣйствія линейныхъ кораблей. Узкій же и извилистый фарватеръ Аланда дѣлалъ маневрированіе линейныхъ кораблей парусваго флота почти невозможнымъ. Съ введеніемъ же пара во флотѣ, обстоятельства совершенно измѣнились, какъ справедливо говоритъ Шателенъ [1]). Для парового флота Аландская стоянка едва ли нужна и полезна. Содержать большой гарнизонъ на Аландѣ было бы довольно затруднительно, въ виду ограниченности средствъ населенія, не могущаго доставлять значительныхъ запасовъ для пропитанія. Все это, вмѣстѣ взятое, убѣждаетъ, что Аландскій архипелагъ утратилъ свое значеніе въ стратегическомъ отношеніи, почему уничтоженіе Бомарзунда не можетъ считаться важною утратою для Россіи [2]).

Это вполнѣ сознали какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, гдѣ никто не былъ удовлетворенъ достигнутыми результатами, при тѣхъ громадныхъ затратахъ, которыя принуждены были сдѣлать союзники. Никакихъ выгодъ непріятель изъ двухмѣсячной осады Аланда не извлекъ: даже вся блокада Балтійскихъ гаваней не уничтожила русской вывозной торговли. Сами англичане покупали сало и другія русскія произведенія черезъ Пруссію [3]). Что же касается спеціально экспедиціи на Аландъ, то она по характеру своему болѣе похожа на измышленіе кабинета Наполеона III,— весьма изобрѣтательнаго на подобныя неожиданныя диверсіи,— чѣмъ на планъ Непира, претендовавшаго на званіе опытнаго адмирала [4]). Союз-

[1]) «Инженерный Журналъ» 1866 г., т. V, стр. 699. [2]) Шателенъ, стр. 701.
[3]) Богдановичъ. «Восточная война», изд. 2-е, т. II, стр. 227. [4]) Тамъ же, стр. 218.

Бомарзундъ.

Съ картины художн. А. К. Беггрова.

зники отлично знали, что въ Бомарзундской гавани не было ни одного русскаго корабля и, слѣдовательно, они не оставляли у себя въ тылу никакой русской силы. И если, тѣмъ не менѣе, они затѣяли осаду безвредныхъ и недостроенныхъ укрѣпленій, то успѣхи въ подобныхъ случаяхъ или ровно ничего не доказываютъ, или свидѣтельствуютъ только о полномъ отсутствіи предпріимчивости у союзниковъ и неимѣніи какого-либо плана для серьезныхъ операцій.

Во время парижскаго конгреса рѣчь объ Аландскомъ укрѣпленіи возникала неоднократно, и такъ какъ крайне ничтожное значеніе форта было теперь для всѣхъ очевидно, то наши дипломатическіе представители не желали, конечно, дѣлать изъ него камня преткновенія на трудномъ пути къ миру. Гр. Нессельроде указывалъ гр. Орлову, при отправленіи послѣдняго въ Парижъ, что мы не станемъ сопротивляться и дадимъ свое согласіе на то, чтобы не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда [1]). Въ инструкціи гр. Орлову было написано: «Соглашаясь не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда, желательно не вносить этого въ трактатъ и даже не упоминать вовсе о Бомарзундѣ, избравъ, напримѣръ, такую редакцію: «Аландскіе острова останутся въ томъ видѣ, въ какомъ находились во время войны» (Status quo belli). Въ этомъ именно смыслѣ и высказался гр. Орловъ на аудіенціи у Наполеона III, когда тотъ спросилъ: «А Бомарзундъ!... согласитесь ли вы не возобновлять его?» [2]) По словамъ гр. Валевскаго, — какъ доносилъ Брунновъ, — англичане потребуютъ срытія укрѣпленій на Аландѣ и Франція будетъ поддерживать это требованіе. Лордъ Кларендонъ дѣйствительно настаивалъ на томъ, чтобы укрѣпленія на Аландскихъ островахъ не возобновлялись [3]). Удовлетворить это требованіе не представляло затрудненія для Россіи: оно возникало изъ одного только тщеславія противниковъ. «Не возобновлять Бомарзунда было тѣмъ болѣе легко,—какъ писалъ гр. Нессельроде,—что русское правительство не имѣло даже и мысли возстановлять разрушенныя на Аландскихъ островахъ укрѣпленія и требованіе это только и нужно союзникамъ въ силу трактата, заключеннаго ими со Швеціей». Вообще же гр. Нессельроде находитъ страннымъ включеніе вопроса о Бомарзундѣ въ трактатъ, опредѣляющій восточный вопросъ [4]).

Такъ какъ пренія о Карсѣ на конгресѣ обострились, то гр. Валевскій собралъ на предварительное совѣщаніе къ себѣ нѣкоторыхъ

---

[1]) А. Петровъ. «Историческій Вѣстникъ» 1891 г., январь. стр. 105. [2]) Тамъ же, январь, стр. 106 и 107, февраль, стр. 387. [3]) Тамъ же, январь, стр. 109—113. [4]) Тамъ же, февраль, стр. 390.

дипломатовъ и тутъ первымъ вопросомъ были поставлены укрѣпленія Бомарзунда: гр. Орловъ былъ сговорчивъ, надѣясь тѣмъ побудить англичанъ быть менѣе требовательными [1]). На конгрессѣ гр. Орловъ требовалъ лишь, чтобы вопросъ о Бомарзундѣ рѣшался только между Россіей, Франціей и Англіей, т. е. участниками, бывшими въ водахъ Балтійскаго моря. Кромѣ того, Орловъ и Брунновъ пытались поставить дѣло о Бомарзундѣ такъ, чтобы оно явилось въ видѣ добровольнаго соглашенія со стороны Россіи и не было введено въ трактатъ. Но этого имъ не удалось достичь и между Россіей, Франціей и Англіей 18-го марта 1856 г. состоялась конвенція, касающаяся Аландскихъ острововъ, которая состоитъ изъ одной только статьи слѣдующаго содержанія: «Его Императорское Величество, Императоръ Всероссійскій, согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ Ему ихъ величествами императоромъ французовъ и королевою Великобританіи и Ирландіи, объявляетъ, что Аландскіе острова не будутъ укрѣпляемы и что на оныхъ не будетъ содержимо, ни вновь сооружаемо никакого военнаго или морского заведенія». Этотъ трактатъ былъ ратификованъ 3-го апрѣля 1856 года.

IV.

Швеція.

Начиная съ Ништадтскаго мира, постоянной заботой нашего двора являлось поддержаніе дружественныхъ отношеній къ сѣверному сосѣду. Завоевательныхъ цѣлей Россія не преслѣдовала и даже не заботилась о расширеніи своихъ границъ въ сторону Финляндіи. Если бы наши Монархи смотрѣли на дѣло иначе, то имѣлась бы полная возможность давно оставить за собой этотъ Прибалтійскій край, такъ какъ уже въ царствованіе Анны Іоанновны вся Финляндія была въ нашихъ рукахъ. Русская дипломатія довольствовалась тѣмъ, что ей удавалось парализовать враждебное намъ вліяніе французовъ, англичанъ, датчанъ, пруссаковъ и турокъ на стокгольмскій дворъ и удержать Швецію отъ заключенія оборонительнаго союза противъ Россіи. Въ прежнія вре-

---

[1]) А. Петровъ. «Историческій Вѣстникъ», 1891 г. февраль, стр. 393 и 394.

мена для достиженія этихъ благопріятныхъ результатовъ, нашимъ дипломатамъ приходилось иногда русскими ефимками, а впослѣдствіи рублями, противодѣйствовать французскимъ ливрамъ и англійскимъ стерлингамъ, такъ какъ отъ золота не отказывались ни члены сейма, ни первые сановники государства. Союзы съ Швеціей то заключались, то разрывались, но вообще отношенія къ стокгольмскому двору были наилучшія. Тильзитскій договоръ и завоеваніе Финляндіи, конечно, нарушили эти добрыя отношенія; но уже въ 1812 г. мы вновь договорились съ Бернадоттомъ (сначала въ Эребро, а затѣмъ въ Або), и бывшій маршалъ Франціи сдѣлался совѣтникомъ Русскаго Императора въ его борьбѣ съ Наполеономъ I [1]).

Французскій историкъ (Грегуаръ, III, 525) утверждаетъ даже, что, начиная съ 1812 г., Швеція находилась подъ вліяніемъ С.-Петербургскаго двора. Въ 1838 г. Императоръ Николай I запросто (и инкогнито) посѣтилъ въ Стокгольмѣ 75-ти-лѣтняго короля Карла-Іоанна XIV (Бернадотта) и былъ радостно привѣтствуемъ населеніемъ шведской столицы. (Фелькнеръ; «Русск. Стар.» 1875, янв.: 160—174) [2]). Въ тотъ періодъ, когда Россія считала своей обязанностью вездѣ охранять принципъ авторитета власти, она, отправляя (въ 1848 г.) эскадру для охраны Копенгагена отъ революціонной Германіи, предложила также свои транспортныя суда для перевозки шведскихъ войскъ въ Данію («Вѣстн. Евр.» 1879 г., февр., 641). Во время Крымской войны, русское правительство предложило Пруссіи вступить въ соглашеніе о нейтралитетѣ со скандинавскими государствами Швеціей и Даніей, имѣвшими общіе интересы на Балтійскомъ морѣ. И если Россія выступила съ подобнымъ планомъ, то надо полагать, что она въ то время расчитывала на возможность его осуществленія. Но на этотъ разъ задуманная комбинація оказалась одной изъ тѣхъ немалочисленныхъ иллюзій [3]), которыя были взлелѣяны въ открытой душѣ Русскаго Монарха: Пруссія боялась англійской блокады, страшилась разрыва съ Австріей и носилась уже съ идеей союза съ западными державами, а осторожная Швеція выжидала только подходящаго момента для закрѣпленія своего положенія, чтобы выразить истинныя чувства, питаемыя ею тогда къ «опаснѣйшему сосѣду».

---

[1]) М. Ковалевскій. Взглядъ на исторію русской дипломатіи въ Швеціи; («Юридич. Вѣстн.» 1887, май). [2]) Въ 1833 г. Швецію склоняли къ союзу съ Англіей и Франціей, но она осталась нейтральной. [3]) «Вѣстн. Евр.» 1879, мартъ, 187.

Во время компаніи 1854—1855 г.г. Швеція, въ силу своего географическаго положенія и того обстоятельства, что гроза войны разразилась около ея береговъ, не могла, конечно, остаться безучастной зрительницей происходившей борьбы. Въ началѣ войны Швеція вела себя очень корректно. Король Оскаръ I сообщилъ Тайному Комитету шведскаго риксдага, что въ случаѣ европейской войны, Швеція рѣшилась сохранить строгій нейтралитетъ, «основанный на безпристрастномъ уваженіи къ правамъ всѣхъ державъ». 23 декабря 1853 г. объ этомъ доведено было до свѣдѣнія европейскихъ дворовъ. Имперскій кабинетъ могъ только выразить свое полное одобреніе такому рѣшенію. («Сборн. Путилова», II, 84; а также соч. барона Жомини въ «Вѣстн. Евр.» 1886, іюль).

Однако, въ условіяхъ шведскаго нейтралитета было одно положеніе, которое клонилось къ нашей невыгодѣ. Дѣло въ томъ, что Швеція, руководясь экономическими интересами, постановила оставить свои порты (за исключеніемъ военныхъ) открытыми для военныхъ судовъ обѣихъ непріятельскихъ сторонъ. Казалось, что въ основу такого постановленія положена была справедливость и равное отношеніе къ воюющимъ; но на дѣлѣ выходило, что означеннымъ правомъ въ состояніи будутъ воспользоваться только наши противники, такъ какъ мы, въ силу худшаго состоянія нашего флота, обречены были на оборону. Противники получали такимъ образомъ въ открытыхъ шведскихъ гаваняхъ большое удобство. Императорскій кабинетъ дружелюбно, но серьезно поставилъ это на видъ Стокгольмскому двору. Шведскій король не уступилъ и только повторилъ свое обѣщаніе честно соблюсти нейтралитетъ.

Во всякомъ случаѣ, въ словѣ, данномъ шведскимъ королемъ, усматривалась наша выгода. Прямыя же услуги онъ оказалъ, во 1-хъ, тѣмъ, что воспретилъ шведамъ и норвежцамъ поступать на службу воюющихъ державъ; этимъ приказаніемъ наши противники были значительно стѣснены при отысканіи себѣ опытныхъ лоцмановъ; во 2-хъ, онъ воспротивился намѣренію союзниковъ перезимовать въ Швеціи или Даніи и въ 3-хъ, онъ отказался послѣдовать совѣту Англіи и Франціи и занять Аландскіе острова. Такимъ образомъ казалось, что король твердо держитъ свое слово и Россіи оставалось только радоваться поведенію Швеціи.

Нашъ посланникъ въ Швеціи, т. е. Яковъ Андреевичъ Дашковъ (1803—1872), донесъ вице канцлеру графу Нессельроде (19—31 янв. 1854 г.), что король и его министръ Стирнельдъ (Stierneld) преисполнены лучшихъ чувствъ; но при этомъ Дашковъ добавилъ,

Т. С. Яковъ Андреевичъ Дашковъ.

(Изъ собранія П. Я. Дашкова.)

что личныя чувства безсильны предъ страхомъ, который возбуждаетъ морская сила Англіи. А затѣмъ, чтобы точнѣе охарактеризовать положеніе дѣла и вопросъ о шведскомъ нейтралитетѣ, нашъ стокгольмскій посланникъ привелъ депешу гр. Матушевича, которая хотя и относилась къ 1840 г., но по его мнѣнію, была примѣнима къ наличнымъ обстоятельствамъ.—«Достаточно четверти часа разговора, чтобы убѣдиться, что у короля одновременно есть и сильное желаніе быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Петербургскимъ дворомъ, и страхъ стать въ худыя отношенія къ Лондонскому кабинету. Онъ ради этого страха многимъ пожертвуетъ; и если когда-либо наши дружескія отношенія къ Англіи прервутся, то я увѣренъ, что можно будетъ провѣрить все, что я сообщилъ о его расположеніи къ намъ». Сказанное графомъ Матушевичемъ о Карлѣ XIV († 1844), Я. А. Дашковъ тѣмъ болѣе примѣнилъ къ Оскару I († 1859), что не признавалъ въ немъ силы характера его предшественника Бернадотта. «Какъ тогда, такъ и теперь,—прибавилъ Дашковъ. — Швеція и Норвегія будутъ соблюдать нейтралитетъ, или же послѣдуетъ неизбѣжный союзъ съ Англіей противъ Россіи» [1]). Послѣдовавшія затѣмъ обстоятельства вполнѣ оправдали правильность заключенія нашего стокгольмскаго посланника.

Король увѣрялъ Императора Николая Павловича, что шведское оружіе ни въ какомъ случаѣ не будетъ обращено противъ Россіи и даже огорчался, что его словамъ не придавалось достаточнаго довѣрія и желали отъ него письменное удостовѣреніе. Министръ иностранныхъ дѣлъ Швеціи Густавъ Стирнельдъ и секретарь Мандерштремъ также говорили нашему посланнику, что при жизни короля никогда Швеція не войдетъ ни въ какія соглашенія противъ Россіи, если, конечно, не будетъ къ тому побуждена необходимостью защищаться противъ русскаго нападенія.—«Все равно,—прибавилъ Мандерштремъ,—мы не можемъ слѣдовать другой политикѣ, какъ той, которую намъ предписываетъ наше положеніе относительно васъ» [2]). Если Россія желала возможно большей ясности и опредѣленности въ поведеніи Швеціи, то къ тому она побуждалась нежеланіемъ держать «цѣлый корпусъ въ Финляндіи для наблюденія».

Такъ говорили въ Стокгольмѣ еще въ февралѣ 1854 г. Между тѣмъ событія быстро развертывались и не заставили долго ожидать разгадки, прикрытой округленными фразами дипломатовъ.

---

[1]) Государственный Архивъ, III, 131. [2]) Письмо Я. А. Дашкова отъ 12—24 февр. 1854 г.; Госуд. Архивъ, III, 131.

Въ началѣ апрѣля 1854 года шведскій пароходъ «Гильфъ» бросилъ якорь подлѣ британскаго корабля Непира и командоръ (Анперстедъ) отъ имени короля пригласилъ адмирала въ Стокгольмъ. Аудіенція состоялась и послѣ нея Непиръ возвратился къ своему флоту. («Сборн. Н. Путилова», XVIII, 28 и 32).

Западные союзники, въ поискахъ за новыми силами и новыми операціонными базисами, не упустили, конечно, случая воздѣйствовать на короля Оскара. Главной приманкой являлась, разумѣется, Финляндія, идея возвращенія которой была тогда уже очень популярна среди шведовъ. Положеніе Оскара, несомнѣнно, становилось труднѣе и труднѣе: Германія явно склонялась къ коалиціи, Севастополь, хотя и держался, но переживалъ критическія минуты. Государь Императоръ въ г. Николаевѣ обсуждалъ, вмѣстѣ съ кн. М. Д. Горчаковымъ, слѣдуетъ ли покинуть Таврическій полуостровъ, или держаться на немъ. Наполеонъ колебался и носился съ мыслью о необходимости снятія осады Севастополя, но въ тоже время, съ усиленной энергіей искалъ новыхъ союзниковъ. «Интрига, пущенная въ ходъ въ Копенгагенѣ, чтобы привлечь Данію, не имѣла успѣха». Въ Швеціи же французская дипломатія дѣйствовала успѣшнѣе. Выяснилось, что переговоры между союзниками и Стокгольмскимъ дворомъ велись уже, хотя и держались въ величайшемъ секретѣ. И если тѣмъ не менѣе Оскаръ колебался еще, то только потому, что недостаточно вѣрилъ во враждебность западныхъ державъ къ Россіи и въ интенсивность этой вражды (Рейнъ.—Біографія Спельмана). Пьемонтъ присоединился уже съ союзникомъ, Испанія соглашалась примкнуть къ нимъ, но на извѣстныхъ условіяхъ.

Надежды запада продолжали разбиваться о могучую грудь защитниковъ Севастополя, а потому обсуждались уже новые планы похода. Европейская печать распространяла мнѣніе, что главный ударъ слѣдуетъ нанести Россіи на Балтійскомъ морѣ («Вѣстн. Евр.» 1879, мартъ, 193). Англія дѣлала для этого большія приготовленія. Наполеонъ (нѣсколько позже, въ разговорѣ съ барономъ Зеебахомъ, зятемъ гр. Нессельроде) призналъ, что «союзники еще не совершили ничего важнаго на Балтійскомъ морѣ»; тамъ цѣлость Россіи еще не пострадала, а потому они намѣрены воспользоваться (впредь) «успѣхами морской науки для серьезнаго нападенія на русскихъ въ Балтійскомъ морѣ и разрушенія Кронштадта». Историкъ Франціи разсказываетъ, что въ Парижѣ собранъ былъ военный совѣтъ, который принялъ на 1856 г. слѣдующій планъ кампаніи: союзники, раздѣлившись на двѣ арміи, завладѣютъ Крымомъ,

между тѣмъ какъ флоты ихъ нанесутъ Россіи страшный ударъ на сѣверѣ, одинъ изъ тѣхъ ударовъ, послѣ которыхъ бѣдная страна нуждается въ цѣломъ столѣтіи времени, чтобы поправиться. (Грегуаръ. III. 527—528). Англія, имѣя намѣреніе атаковать Кронштадтъ въ 1856 г., построила семь желѣзныхъ плавучихъ батарей. (И. С. Блiохъ. Общіе выводы изъ соч. «Будущая война» 1898, стр. 22) [1]).

По признанію стокгольмскаго историка (Teofron Säve: Sveriges hist., VI) въ Швеціи, при взглядѣ на многочисленныя трехдечныя англійскія суда, невольно возбуждалась мысль, что она можетъ быть втянута въ эту войну, а у болѣе пылкихъ и бодрыхъ сердца усиленнѣй бились при одной надеждѣ, что шведскія знамена вновь станутъ развѣваться на противоположномъ берегу Балтійскаго моря. Разрушеніе союзниками Бомарзунда было встрѣчено въ Швеціи, какъ сигналъ къ дѣйствію. По объясненію историка Грегуара (т. III, стр. 525) шведы никогда не довольствовались Норвегіей, которую они получили взамѣнъ Финляндіи. Бомарзундъ напомнилъ шведамъ,—говоритъ тотъ же историкъ,—какъ полезно было имъ возобновить свои традиціонныя дружескія отношенія съ Франціей.

Чтобы точнѣе изслѣдовать новый путь, на который готовилась выступить Швеція, король ея отправился въ Парижъ, гдѣ тогда сходились главнѣйшія нити всякой политической интриги. Надо полагать, что тамъ, въ тюльерійскомъ дворцѣ, онъ условился въ основныхъ положеніяхъ будущаго договора, такъ какъ послѣ его поѣздки начался уже обмѣнъ полномочныхъ и орденовъ [2]). Во Францію былъ отправленъ адмиралъ Виргинъ, а въ Швецію торжественно пріѣхалъ герой Севастополя, генералъ Канроберъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла [3]). Населеніе столицы королевства приняло его съ живѣйшимъ участіемъ и 21-го ноября (нов. ст.) 1855 года Швеція подписала договоръ съ Англіей и Франціей («Біографическій словарь», т. I, стр. 467), который въ своей официальной части сводился къ тому, чтобы (пунктъ 1) ни подъ какимъ видомъ не уступить Россіи, ни въ постоянное, ни временное владѣніе и не

---

1) «Если предстоитъ *еще война*, — писалъ маршалъ Кастелланъ въ своемъ журналѣ *въ дек. 1855 г.*,—въ чемъ многіе убѣждены,—крупные удары будутъ наноситься въ Балтійскомъ морѣ. Англичане хотятъ во что бы то ни стало уничтожить Кронштадтъ; они вооружили для этого нѣсколько канонерскихъ лодокъ»... («Русск. Стар.», 1898, авг., 380). 2) По словамъ шведа Даллерстедта текстъ договора былъ выработанъ ранѣе пріѣзда Канробера въ Стокгольмъ. 3) «Вѣстникъ Европы» 1886 г., окт., стр. 584; (ст. барона Жомини).

отдавать ей въ обмѣнъ никакой части земель, принадлежащихъ коронамъ шведской и норвежской, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни подъ какимъ видомъ не предоставлять Россіи права на пастбища или рыбную ловлю въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи. Во 2-мъ пунктѣ значилось обязательство предоставить въ распоряженіе Швеціи и Норвегіи достаточныя сухопутныя и морскія силы для защиты отъ русскихъ притязаній и нападеній съ этою цѣлью («Новое Время» 1884 г., № 2863). Кромѣ того, Швеція обязалась доставлять западнымъ державамъ немедленно свѣдѣнія о всѣхъ предложеніяхъ, которыя петербургскій кабинетъ могъ бы сдѣлать относительно територіальныхъ уступокъ (Грегуаръ, т. III, стр. 526) [1]).

Такимъ образомъ Оскаръ ставилъ условіемъ своего содѣйствія гарантію морскихъ державъ въ неприкосновенности его територіи и матеріальную помощь. Эта послѣдняя, кромѣ субсидіи, должна была выразиться присылкою, въ случаѣ надобности, 100,000-ной арміи. Король съ своей стороны обѣщалъ выставить 60,000 шведовъ и норвежцевъ. Главное же условіе заключалось въ обѣщаніи возвратить Швеціи Финляндію (Рейнъ, «Біографія Спельмана».

---

[1]) Act. I. Sa Majesté le roi de Suède et de Norvège s'engage à ne céder à la Russie, ni à échanger avec elle ni à lui permettre d'occuper aucune partie des territoires appartenant aux Couronnes de Suède et de Norvège. Sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège s'engage en outre à ne ceder à la Russie aucun droit de pâturage, de pêche ou de quelque autre nature que ce soit, tant sur les dits territoires, que les côtes de Suède et de Norvège et à repousser toute prétention que pourrait élever la Russie à établir l'existence des droits prècités.

Act. II. Dans le cas où la Russie ferait à Sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège quelque proposition ou demande, ayant pour objet d'obtenir, soit la cession ou l'èchange d'une partie quelconque des territoires appartenant aux Couronnes de Suède et de Norvège, soit la faculté d'occuper certains points des dits territoires, soit la cession de droits de pêche, de pâturage ou tout autre sur ces mêmes territoires et sur les côtes de Suède et de Norvège sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège s'engage à communiquer immédiatement cette proposition ou demande, à sa Majesté l'Empereur des Français et à sa Majesté Britannique, et Leurs dites Majestés prennent de Leur côté l'engagement de fournir à sa Majesté le Roi de Suède et de Norvège des forces navales et militaires suffisantes pour coopérer avec les forces navales et militaires de La dite Majesté dans le but de résister aux prétentions ou aux agresseries de la Russie. La nature, l'importance et la déstination des forces dont il s'agit seront, le cas échéant, arretées d'un commun accent entre les trois Puissances.

Act III. Le présent traité sera ratifié et les ratifications seront echangées à Stochholm le plus tôt que faire se pourra.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont opposé les cachets de leures armes.

Fait à Stochholm le vingt un Novembre l'an de Grâce mil huit cents cinquants inq.

(Signé). Stierneld.—V ov Lobstein—Arthur.—C. Magenis.

Канроберъ на улицахъ Стокгольма (въ 1855 г.).

(Изъ собранія П. Я. Дашкова.)

См. кромѣ того: Geffroy «La Suède et le roi Oscar». «Revue des deux Mondes», Febr. 1870). Этотъ оборонительный договоръ долженъ былъ неизбѣжно замѣниться впослѣдствіи другимъ болѣе опредѣленнымъ договоромъ, который заставилъ бы Швецію играть значительную роль среди враговъ Россіи (Грегуаръ, III. 526).

Что между новыми союзниками заключенъ былъ еще и секретный договоръ (который касался Финляндіи), этого въ настоящее время не отрицаютъ уже и сами шведы. Georges въ своей политической брошюрѣ выразился объ этомъ очень опредѣленно. «Сверхъ того были несомнѣнно тайныя статьи касательно участія Швеціи въ войнѣ; хотя таковыя и не были опубликованы, онѣ остаются неоспоримымъ фактомъ» [1]).

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Франція не въ первый разъ обѣщала Финляндію Швеціи. 13-го (25-го) марта 1812 г. принцъ Бернадоттъ получилъ официальную, хотя и не подписанную, бумагу; но такъ какъ бумага была написана извѣстной рукой, то достовѣрность ея не подлежала сомнѣнію. Наполеонъ,—какъ донесъ нашъ посланникъ при стокгольмскомъ дворѣ, баронъ Сухтеленъ,—предложилъ принцу заключить съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ и въ силу его, объявивъ намъ войну, занять Финляндію 30-тысячнымъ отрядомъ. За это онъ обѣщалъ Швеціи, что не положитъ оружіе до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ ей Финляндію. Сверхъ того онъ предлагалъ часть Норвегіи, ежемѣсячно по миліонной субсидіи и пр.

Но принцъ связалъ уже свою судьбу съ Русскимъ Государемъ и остался ему вѣренъ. 29-го марта (10-го апр.) 1812 г. баронъ Сухтеленъ сообщилъ о другомъ планѣ Наполеона. Императоръ французовъ собирался теперь предложить Императору Александру Павловичу «уступить ему берега Балтійскаго моря до Двины или еще далѣе и за это взять Швецію и Норвегію». («Сборн. Имп. рус. ист. общ.», т. 21, 1877 г., стр. 432, 437). Въ этихъ двухъ предложеніяхъ сказались французскія и русскія традиціи. Наполеонъ, говоря, что ни одинъ здравомыслящій шведскій правитель не можетъ быть другомъ Россіи, слѣдовалъ традиціи Людовика XV; Императоръ Александръ I, удержавъ союзъ Швеціи обѣщаніемъ территоріальныхъ уступокъ, дѣйствовалъ въ духѣ политики Петра I и его преемниковъ.

О новомъ союзѣ русское общество узнало благодаря болтливости германскихъ газетъ. Официальное же признаніе союза было

---

[1]) «Politiska reflektioner», стр. 12.

сдѣлано Наполеономъ въ рѣчи, произнесенной имъ 3-го марта (нов. ст.) 1856 г. при открытіи законодательной сессіи.

Теперь становится понятнымъ, почему шведскій риксдагъ и норвежскій стортингъ охотно асигновали нужныя суммы на нейтралитетъ, и почему Швеція готовилась усилить войско на болѣе удобномъ стратегическомъ пунктѣ Готландѣ, и почему, наконецъ, шведо-норвежская эскадра была снаряжена къ отплытію. Двумъ морскимъ шведскимъ офицерамъ, служившимъ волонтерами на военныхъ судахъ Франціи, король приказалъ возвратиться при открытіи непріязненныхъ дѣйствій въ Черномъ морѣ [1]).

Въ описанномъ видѣ представилось дѣло, по имѣвшимся у насъ даннымъ. Но существуетъ и другое воззрѣніе. Шведъ Georges въ политической брошюрѣ, изданной недавно въ Стокгольмѣ [2]), рисуетъ болѣе неблагопріятную картину для правительства соединенныхъ королевствъ Швеціи и Норвегіи. По его словамъ выходитъ, что въ декабрѣ 1853 г. дѣйствительно объявленъ былъ нейтралитетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ король Оскаръ за спиной Россіи повелъ вѣроломную политику (trolös politik), внушенную минутнымъ настроеніемъ, согрѣтую враждой къ Россіи и орошенную пѣной союзныхъ фрегатовъ, стремившихся къ Аланду. Уже въ іюлѣ 1854 г. Швеція и Норвегія предложили западнымъ державамъ вступить съ ними въ союзъ; весною 1855 г. это предложеніе было возобновлено, но также безъ результатовъ. Императоръ Наполеонъ III сомнѣвался въ искренности короля Оскара—до такой степени изумительною казалась ему шведская политика. То обстоятельство, что король Оскаръ весной 1855 г. повторилъ свое предложеніе, показываетъ,—по словамъ Georges,—что цѣлый годъ шведы неудачно «старались продать» свое содѣйствіе. Швеція и Норвегія, какъ и другія государства, питали надежду на уменьшеніе могущества Россіи. «Политическій же флюгеръ» стокгольмскаго кабинета повернулся, кромѣ того подъ обаяніемъ «борьбы цивилизаціи съ варварствомъ», прежней ненависти къ намъ и подъ вліяніемъ моднаго тогда скандинавизма. Показнымъ предлогомъ перемѣны фронта Швеціи выставлялись незначительные споры о границахъ норвежскаго Финмаркена; но споры эти, если не были улажены, то по крайней мѣрѣ были забыты [3]).

Для того, чтобы послѣ сказаннаго уразумѣть содержаніе трактата,

[1]) Письмо Дашкова отъ 19-го янв. 1854 г.; Государств. архивъ, III, 131.
[2]) «Politiska Reflektioner; 1902, стр. 10 и слѣд. [3]) Тамъ же.

заключеннаго Швеціей съ Франціей и Англіей въ ноябрѣ 1855 г., необходимо получить нѣсколько историческихъ справокъ изъ прошлаго и выслушать заявленія скандинавскихъ писателей, иначе останется непонятнымъ, почему въ семъ документѣ говорится о правахъ на пастбища и рыбную ловлю въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи. По словамъ шведскихъ историковъ выходитъ, что Императоръ Николай Павловичъ послѣ 1848 г. вернулся къ своимъ завоевательнымъ планамъ и потому опять обратилъ свои взоры на норвежскій берегъ Ледовитаго океана. Воспользовавшись старыми договорами, онъ желалъ добиться права рыбной ловли у Варангеръ-фіорда для финскихъ лопарей, а также права для нихъ возводить тамъ постройки, но такъ какъ подобное право могло вести къ захвату Россіей участка земли и чрезъ нее русскіе въ состояніи были сдѣлать шагъ къ океану, то норвежскія власти отвѣтили отказомъ [1]. Помимо сего, они усматривали, что требованіе Россіи шло въ разрѣзъ съ договоромъ о границѣ 1826 г., дополненнымъ петербургскимъ протоколомъ 1834 года. Швеція опасалась, что Россія, владѣя удобной гаванью, построитъ грозный военный портъ, откуда ея флотъ во всякое время свободно могъ выйти въ Атлантическій океанъ (Грегуаръ, т. III, стр. 526).

Упоминаемая здѣсь исторія по размежеванію на сѣверѣ началась очень давно. Въ 1740 г. въ Стокгольмѣ издано было сочиненіе Эрика Берньера, въ которомъ упоминается, что въ XI вѣкѣ границею между Русью и Норвегіею считался морской заливъ Люнгенфіордъ. Эта граница установлена была договоромъ, состоявшимся между Ярославомъ Мудрымъ и норвежскимъ королемъ Олафомъ Трюгварсономъ (на дочери котораго былъ женатъ Ярославъ).— Варангеръ-фіордъ сдѣлался границей по мирному договору, заключенному новгородскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ со шведскимъ королемъ Магнусомъ въ г. Орѣховѣ въ 1323 году. Первыми русскими поселенцами на Мурманскомъ берегу были новгородскіе выходцы, о которыхъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ 1264 г. Такимъ образомъ владѣнія новгородскихъ моряковъ простирались далеко за Варангеръ-фіордъ, достигая истоковъ р. Торнео [2]).

[1]) Надо отдать справедливость норвежцамъ въ этомъ отношеніи, такъ такъ они весьма послѣдовательны въ отстраненіи иноземцевъ отъ своей територіи. Въ 1868 г. извѣстный дѣятель сѣвера Сидоровъ усиленно добивался аренды на норвежской землѣ, съ цѣлью разработки золотыхъ пріисковъ. Несмотря на то, что Сидоровъ былъ виновникомъ открытія золота, его хлопоты остались безуспѣшными, ибо норвежцы не желаютъ допускать на свою територію иностранцевъ для промышленныхъ предпріятій. («Сѣверъ Россіи», т. I, Спб. 1881 г., стр. 219). [2]) А. П. Энгельгардтъ. «Русскій Сѣверъ». Спб. 1897 г., стр. 84—86.

Печенгскій монастырь, основанный въ первой половинѣ XVI вѣка, пользовался покровительствомъ Іоанна Васильевича III. По миру въ Столбовѣ (1617 г.) пришлось уступить сѣверный морской берегъ норвежцамъ. Но въ 1675 г. царь Алексѣй Михайловичъ, по возобновленіи Печенгскаго монастыря, разореннаго шведами, подтвердилъ прежнія жалованныя грамоты и колонія эта вновь крѣпко осѣла на землѣ, торговала съ Холмогорами, Вологдой и другими городами, строила суда для норвежцевъ и пр. [1]).

Въ 1751 г. состоялся шведско-датскій договоръ въ Стремстадѣ (Норвегія принадлежала тогда Даніи), по которому шведскіе и финляндскіе лопари получили право «воспользоваться землею и берегомъ (betjena sig af land och strand) на норвежскомъ сѣверѣ».

Въ 1826 г., для опредѣленія границы между Россіей и Норвегіей, была отправлена экспедиція; представителемъ Россіи явился подполковникъ (Валеріанъ) Галяминъ, а Норвегіи—маіоръ Мейландеръ. Эта экспедиція отнесла наши границы (считая по прямой линіи) верстъ на 70 къ востоку отъ Вересъ-Наволока къ рѣкѣ Ворьемѣ, причемъ заливы Пазрѣцкій, Нявдомскій и Ровдинскій (Яръ-Фіордъ, Губа Паза-Рэгъ, Губа Валитова, Губа Островская) достались Норвегіи, несмотря на ихъ чисто русскія названія. Иначе говоря, ей достались три незамерзающихъ залива съ глубокими гаванями, 400 верстъ морского берега (считая изгибы заливовъ) и нашъ тресковый промыселъ, не говоря уже о звѣриныхъ и лѣсныхъ угодьяхъ, которыя самими норвежцами назывались «общими погостами» и во всякомъ случаѣ признавались спорными («Русское Богатство» 1892 г., № 6, стр. 24). Кромѣ того Россія лишалась ста душъ православныхъ лопарей и морской и горной территоріи, которая по писцовымъ книгамъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ составляла вотчину Печенгскаго монастыря. И все это отошло въ возмездіе «за пустую ссору норвежскихъ лопарей съ русскими изъ-за оленей» [2]).

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., май, стр. 89. [2]) Горячій патріотъ и извѣстный изслѣдователь сѣвера Россіи, М. Сидоровъ, перечисливъ наши уступки, прибавляетъ: «такое пріобрѣтеніе обошлось нашимъ сѣвернымъ сосѣдямъ въ 2,000 специнговъ (цѣнность этой монеты въ 1866 г. по курсу равнялась 1 р. 43 к. с.) и 10 чернобурыхъ лисицъ (въ 70 р. каждая), поднесенныхъ кому слѣдуетъ, какъ извѣстно многимъ поморамъ черезъ норвежскаго купца Арно, проживавшаго въ городѣ Вадзе («Русскій Вѣстникъ» 1866 г., май, стр. 90—91). Возвращаясь въ 1870 г. къ тому же вопросу въ своей книгѣ «Сѣверъ Россіи», Сидоровъ заявляетъ: «Неужели забытъ 1826 г. Неужели русскіе не помнятъ, когда однимъ членомъ по возобновленію границы между Россіей и Норвегіей продано, за 20 лисицъ и 2,000 специнговъ, на 400 верстъ морского берега съ тремя незамерзающими заливами» (стр. 42).

Лучшія части берега, принадлежавшія Россіи, отошли Норвегіи, въ видѣ очень затѣйливаго треугольника у Варангерскаго залива, причемъ нѣкоторыя рѣки и озера остались въ общемъ владѣніи, а изъ другихъ рѣкъ верховья принадлежатъ намъ, устья же ихъ, т. е. морскія пристани—норвежцамъ, почему намъ пресѣченъ сплавъ лѣса къ морю по старымъ русскимъ рѣкамъ [1])

Послѣ 1826 г. дипломатическая переписка о пастбищахъ и рыбной ловлѣ возникала многократно (въ 1830, 1832, 1834, 1839 гг.) [2]). Дѣло запутывалось. Ловкій посланникъ шведско-норвежскій, баронъ Н. Пальмшерна, предложилъ графу Нессельроде «разомкнуть кругъ», т. е. раздвоить вопросъ по частямъ такъ, чтобы въ Польмакѣ съ норвежцами договорились только русскіе уполномоченные объ удержаніи или отмѣнѣ VII ст. трактата 1826 г., а въ Гапарандѣ—финляндскіе и норвежскіе комисары уже особо договорились о дальнѣйшемъ примѣненіи шведско-датскаго трактата 1751 г. [3]).

Норвежцы закрыли свою границу, т. е. путь къ Варангеръфіорду, для финскихъ лопарей. Русское правительство отвѣтило тѣмъ же въ повелѣніяхъ 23-го августа 1852 и 11-го апрѣля 1853 г. По первому изъ нихъ финляндская граница и пастбища были съ 3-го сентября 1852 г. закрыты для лопарей Норвегіи, а по второму—установлены карательныя мѣры за нарушеніе финской границы норвежскими оленями.

На отказѣ норвежцевъ прекратились тогда переговоры. Этимъ,—говорятъ шведскіе историки,—царь неудовлетворился бы; но вниманіе его было отвлечено на югъ сперва споромъ, возникшимъ въ Палестинѣ, а потомъ заревомъ войны, вспыхнувшимъ въ Крыму, почему Швеція-Норвегія отдѣлалась однимъ предупрежденіемъ о необходимости быть впредь болѣе внимательными [4]). И вотъ, шведское правительство дѣйствительно зорко присматривается къ ходу событій въ Крыму и, видя наши неудачи, рѣшило, что насталъ удобный случай открыто примкнуть къ союзникамъ, дабы не остаться безъ права голоса по окончаніи войны. Шведы слѣдили за дѣлами при Алмѣ и Инкерманѣ, они отмѣтили кончину Императора Николая I, восшествіе на престолъ его Державнаго Сына, видали пале-

---

[1]) Въ отчетѣ, представленномъ военнымъ министерствомъ по случаю 25-тилѣтія царствованія Императора Николая I, сказано: «Въ 1826 и 1827 годахъ—возобновлены пограничные знаки между Норвегіею и Финляндіею». («Сборн. Импер. истор. общ.», т. 98, стр. 322). [2]) О законѣ 1830 г. см. «Русское Богатство» 1892 г., № 7 («Съ береговъ Финмаркена»). [3]) «Новое Время» 1884 г., 16-го февраля (В. Головнинъ). [4]) «Sveriges historia», VI, 153.

ніе Малахова кургана и,—какъ признается ихъ историкъ,—вздохнули свободнѣе, въ надеждѣ, что свѣжій вѣтеръ съ запада разсѣетъ удручавшія тучи реакціонизма, подъ которыми жили съ 1850 г. («Sveriges hist.», т. VI. стр. 153). По мѣрѣ хода войны, король Оскаръ I сближался съ западомъ и когда союзныя правительства стали толковать о необходимости сосредоточить борьбу въ Балтійскомъ морѣ, онъ подписалъ съ ними договоръ, чтобы обезпечить себя отъ насилія Россіи у Варангеръ-фіорда и показать также, что трактатъ 1812 г. (заключенный въ Або) прекратилъ свое дѣйствіе.

Однако, Оскаръ ошибся въ своихъ расчетахъ. «Мы въ одно и то же время сами обманывали и были обмануты другими», пишетъ шведъ Georges о своей странѣ [1]). Франція не пожелала болѣе тратить свои силы, для упроченія англійскихъ комерческихъ интересовъ и, отказавшись слѣдовать за ней (въ 1856 г.) въ Балтійское море, рѣшила сперва сосредоточить всю свою боевую мощь въ Крыму, а затѣмъ, послѣ паденія Севастополя, повела дѣло къ миру. Къ услугамъ Швеціи такимъ образомъ не пришлось прибѣгнуть ни Англіи, ни Франціи и положеніе нашей сосѣдки, естественно, сдѣлалось довольно затруднительнымъ. Конвенція Швеціи съ Франціей и Англіей «была неловкимъ и опаснымъ шагомъ, который приблизилъ шведовъ къ войнѣ въ то время, когда союзники ихъ и покровители готовились къ миру, говоритъ Georges [2]). Другой шведскій писатель, Адольфъ Гединъ, считающійся въ Скандинавіи талантливымъ политическимъ авторитетомъ, писалъ въ 1887 году: «Угроза, выразившаяся въ ноябрьскомъ договорѣ», остается фактомъ, могущимъ дурно вліять на русскихъ, такъ какъ «въ каждой строкѣ договора сквозятъ обвиненія Россіи въ завоевательныхъ стремленіяхъ» [3]). Если вскорѣ затѣмъ ея дѣла поправились, то главнымъ образомъ, вслѣдствіе кончины Николая Павловича и хлопотъ нашего посланника Я. А. Дашкова, сдѣлавшаго все, чтобы сгладить недоразумѣніе.

Относительно поздняго заключенія Оскаромъ договора съ лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, шведскіе историки даютъ такое объясненіе. Они говорятъ, что западныя державы не выказывали особаго довѣрія королю потому, что онъ велъ переговоры помимо государственныхъ учрежденій Швеціи, вслѣдствіе чего только 9-го (21-го) ноября 1855 года были подписаны условія, носившія преимущественно оборонительный характеръ. Послѣднее объясне-

---

[1]) Politiska Reflektioner; Stokholm, 1902. [2]) Politiska Reflektioner. «Финл. Газета» 1902, № 67. [3]) Den orientaliska frågan i dess nyaste skede.

ніе едва ли основательно. Домогательства Швеціи очевидно шли далѣе словъ офиціальнаго договора, не имѣвшаго достаточной фактической основы.

Въ парижскомъ трактатѣ интересы Швеціи не были забыты, такъ какъ статьей объ обязательствѣ не возобновлять Бомарзунда, Стокгольмъ освобожденъ былъ отъ близкаго сосѣдства русской хотя и незначительной крѣпости.

Итакъ, съ одной стороны желаніе шведовъ вновь водрузить «сине-желтое знамя» по ту сторону Балтійскаго моря, а съ другой— страхъ насилія со стороны Россіи при рѣшеніи вопроса о Варангеръ-фіордѣ, толкали Швецію къ западно-европейской коалиціи. Остыло ли въ нихъ стремленіе возвратить Финляндію—не знаемъ, но пустыя опасенія захвата Россіей сѣвера Норвегіи до сихъ поръ ихъ не покинули, насколько можно судить по тѣмъ брошюрамъ и газетнымъ статьямъ, которыя появились въ Швеціи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Недавно еще докторъ Антонъ Нюстромъ (извѣстный создатель прекраснаго Рабочаго института — Arbetareinstitut) напечаталъ нѣсколько газетныхъ статей и составилъ небольшую брошюру о «Величайшей политической опасности для сѣвера» «(Den Största politiska faran i Norden) доказывая, что Россія все еще не оставила своего намѣренія завладѣть Швеціей и Норвегіей, дабы имѣть безпрепятственный доступъ къ открытому океану, проведя желѣзную дорогу изъ Торнео къ Офоденской бухтѣ, такъ какъ Екатерининская гавань ее совершенно не удовлетворяетъ. Въ норвежской газетѣ «Aftonposten» появилась статья «Голосъ изъ Норвегіи». Авторъ статьи взываетъ къ согражданамъ, прося ихъ бросить пререканія объ «уніи» и обратить вниманіе на Россію, гдѣ идутъ усиленныя приготовленія, очевидно, направленныя къ расширенію сферы русскихъ интересовъ на Скандинавскій полуостровъ. Россія занялась обрусѣніемъ Финляндіи и это поведетъ къ уничтоженію буфера между Швеціею и ея московскою сосѣдкою. Финляндія перерѣзывается въ трехъ направленіяхъ желѣзными дорогами, а черезъ Неву будетъ построенъ новый мостъ, ясно, слѣдовательно, что русскія войска безъ труда могутъ быть переброшены на Скандинавскій полуостровъ. Образованная часть русскихъ военныхъ проявляетъ особый интересъ къ скандинавскимъ дѣламъ; по Швеціи бродятъ русскіе офицеры генеральнаго штаба, переодѣтыми въ коробейниковъ и точильщиковъ — все это дѣлается не спроста: Россія надвигается на Скандинавію. Таково предупрежденіе Aftonposten. («Финл. Газ.» 1902. № 13 и др.).

Авторъ брошюры «Мѣстныя оборонительныя средства Верхней Норландіи» также считаетъ весьма вѣроятнымъ наступленіе Россіи въ предѣлы Швеціи по направленіи желѣзной дороги, огибающей Ботническій заливъ («Финл. Газ.» 1901, № 184). Надо полагать, что опасенія все тѣхъ же русскихъ завоевательныхъ стремленій побуждаютъ Швецію къ усиленнымъ вооруженіямъ, произведеннымъ ею въ послѣднее время, а также къ дружественнымъ отношеніямъ къ Германіи. Впрочемъ, тяготѣніе къ центральной имперіи Европы вызывается и другимъ обстоятельствомъ. Замѣчено, что *духъ германизма* вообще является желаннымъ гостемъ на Скандинавскомъ полуостровѣ и многіе (въ томъ числѣ, напримѣръ, извѣстный Біорншерна-Бьернсонъ) жаждутъ его, въ надеждѣ, что объединенные германцы съумѣютъ продиктовать миръ всему свѣту («Славян. Вѣкъ», 1901, № 23, стр. 24).

Тяготѣніе Швеціи къ западу и договоръ ея съ Англіей и Франціей, конечно, были приняты во вниманіе въ нашей правительственной сферѣ и не прошли совершенно безслѣдно [1]). При рѣшеніи, напримѣръ, вопроса о принятіи мирныхъ условій, предложенныхъ западными державами, извѣстное значеніе имѣло также и положеніе, въ которое стала по отношеніи къ Россіи Швеція. Это видно изъ слѣдующаго. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора Александра II состоялось два особыхъ засѣданія (въ январѣ 1856 г.), въ которыхъ обсуждался вопросъ: продолжать ли войну, или склониться къ миру? Гр. Воронцовъ горячо высказывался въ пользу мира, опасаясь даже территоріальныхъ потерь, а именно отторженія Крыма, Кавказа и даже Финляндіи съ Польшей [2]). Гр. Киселевъ видѣлъ значительную опасность въ томъ, что области, присоединенныя къ Имперіи около полувѣка тому назадъ, не успѣли еще слиться съ нею. Польскіе агенты распространяли глухое недовольство на Волыни и Подоліи. «Финляндія тяготѣла къ Швеціи». «Финляндію, при наилучшихъ ея намѣреніяхъ, соблазняютъ перейти подъ шведское владычество», говорилъ онъ («Вѣстникъ Евр.» 1879 г., мартъ, стр. 201). Въ Польшѣ можно было ожидать возстанія. («Біографическій словарь», т. I, стр. 474).

[1]) Наше министерство иностранныхъ дѣлъ знало о трактатѣ, заключенномъ Швеціей съ членами коалиціи (см. А. Петровъ. «Историч. Вѣстн.» 1891 г., февраль, стр. 390). [2]) Охотниковъ воспользоваться этими землями было немало. Въ 1855 г. сардинское правительство,— если вѣрить заявленію лорда Мальмесбюри, усердно хлопотало объ уступкѣ ему Крымскаго полуострова. Гр. Кавуръ предлагалъ сдѣлать Крымъ нейтральнымъ, подобно Бельгіи, и пьемонцы насадили-бъ тамъ свою цивилизацію и развили свою торговлю («Внѣшняя политика Россіи», К. Скальковскій. 1897 г., стр. 116).

Одинъ гр. Блудовъ говорилъ противъ мира; но кончилъ заявленіемъ: «Скажу какъ гр. Шуазель: такъ какъ мы не умѣемъ вести войну, то заключимъ миръ».

Особой надобности у Швеціи не было подпасть подъ покровительство морскихъ державъ, таковъ былъ выводъ нашего правительства, высказанный въ инструкціи гр. Орлову, когда онъ отправлялся на парижскій конгрессъ (А. Петровъ. «Историческій Вѣстн.», 1891 г., января, стр. 103). Къ одной изъ депешъ канцлера къ гр. Орлову была приложена особая записка, изъ которой можно было узнать новое политическое положеніе, истекавшее уже изъ мирнаго договора (въ Парижѣ). Въ запискѣ, между прочимъ, значилось, что Швеція на сѣверѣ, а Турція на югѣ, стояли противъ насъ въ условіяхъ совершенно новыхъ и щекотливыхъ (Біографич. Словарь», т. I, стр. 481).

Покончивъ съ дѣятельностью дипломатовъ и правительствъ, полезно нѣсколько ознакомиться со взглядами общества Швеціи, чтобы опредѣлить, насколько глубоки были корни той политики, которой придерживались король и его министры.

По всей странѣ велись, конечно, разговоры о томъ, какъ должна была держаться Швеція во время войны? Естественно, что мнѣнія раздѣлились: одни признавали вмѣшательство полезнымъ, другіе— подавали свои голоса за нейтралитетъ. Болѣе осторожные предлагали выждать окончательной побѣды западныхъ державъ и полнаго уничтоженія Россіи.

Въ Скандинавіи писали «О нейтралитетѣ», и о томъ, «имѣетъ ли война какое-либо значеніе для Швеціи?» Появлялись брошюры съ заглавіями: «Должна ли Швеція оставаться бездѣятельной при войнѣ противъ Россіи?» (Bör Sverige förblifva overksamt i Kriget mot Ryssland?) Авторъ послѣдней брошюры особенно негодовалъ на своихъ согражданъ за безучастное ихъ отношеніе къ вопросу о возвращеніи Финляндіи. Онъ напоминалъ сородичамъ, что потеря Финляндіи побудила Швецію отстраниться отъ участія въ великихъ политическихъ вопросахъ; возсоединеніе Финляндіи въ состояніи, слѣдовательно, возвратить Швеціи ея прежнее мѣсто въ европейскомъ концертѣ. Финляндія, — писалъ онъ, — на одну четверть шведская, она дѣлила съ нами и радости и горе; она бѣдна, но богата мужествомъ. При такихъ условіяхъ новое сліяніе легко возможно и полезно. Въ противномъ случаѣ, шведская столица можетъ ожидать нежелательнаго визита русскаго флота изъ Бомар-

зунда. Неизвѣстный авторъ подвергъ подробному разбору даже тѣ основанія, на которыхъ наилучшимъ образомъ возможно было бы произвести объединеніе Финляндіи со Швеціей. Онъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы Финляндія была вновь превращена въ шведскую провинцію. Нѣтъ! Онъ находилъ, что теперь цѣлесообразна была только унія, при полномъ сохраненіи каждою частью своей самостоятельности. Другой, также анонимный, мѣстный писатель предлагалъ Швеціи установить примѣрно такія же отношенія къ Финляндіи, какія существовали у нея и къ Норвегіи, объединивъ въ одно государство также и земли, лежащія къ югу отъ Финскаго залива и наименовавъ ихъ Venden (Венденъ). Третій писатель, въ газетѣ «Götheborgs Handels-och Sjöfarts Tidning», взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе. По его мнѣнію, Швеція не должна создавать, а затѣмъ поддерживать своимъ оружіемъ «финскаго государства». Финляндію слѣдуетъ, — писалъ онъ, — включить въ составъ шведскаго государства, подъ одною короною, съ общимъ дипломатическимъ представительствомъ, общимъ войскомъ, почтою, таможней, флагомъ и проч. Сеймъ ей можно было бы предоставить особый также какъ и собственную администрацію для такихъ внутреннихъ дѣлъ, какими являются церковь, школа, полиція, община, продовольствованіе. Все остальное должно быть общимъ для Швеціи и Финляндіи. Такимъ образомъ шведы въ нѣкоторомъ родѣ дѣлили шкуру, не убивъ еще медвѣдя.

Никогда, кажется, прежде Швеція не удѣляла столько вниманія финляндскому вопросу, какъ въ періодъ Крымской войны. Шведы находили, что настало время отомстить Россіи за 1809 годъ и отобрать Финляндію. Брошюры и газетныя статьи чередовались и соперничали въ дѣлѣ возбужденія воинственнаго настроенія. Августъ *Сольманъ* (Sohlman) выступилъ съ брошюрой о «Молодой Финляндіи» (Det unga Finland), въ которой склонялъ Швецію, Норвегію и Финляндію къ уніи, подъ однимъ общимъ скипетромъ. Особенное же значеніе придано было книжкѣ «Скандинавія, ея опасенія и надежды» («La Scandinavie, ses craintes et ses espérances»), потому что она принадлежала перу государственнаго секретаря Густава *Лаллерстедта* (Lallerstedt) [1]) и Квантенъ опредѣленно называлъ ее «*офиціальнымъ изданіемъ*» и «*коментаріемъ къ трактату 21 ноября 1855 года*», заключенному между Швеціею и за-

---

[1]) Замѣтный дѣятель въ области публицистики, общественной и даже государственной. Состоялъ при посольствахъ въ Берлинѣ и Парижѣ. (Svenskt biografiskt handlexikon af Hofberg).

падными державами. Подъ предисловіемъ книжки значится: «Парижъ. 4 февраля (нов. ст.) 1856 г.». Высокопоставленный авторъ горячо порицалъ политику Карла-Іоганна, не воспользовавшагося обстоятельствами 1812 года для возвращенія Финляндіи (а, напротивъ, заключившаго союзный трактатъ съ Императоромъ Александромъ I въ Або). Лаллерстедтъ утверждалъ, что Финляндія стонала подъ гнетомъ русской тираніи и жаждала освобожденія и возсоединенія со Швеціей. Возвращеніе Финляндіи, — по мнѣнію автора,—должно было явиться вознагражденіемъ Швеціи за участіе въ Восточной войнѣ.

Коснувшись трактата 21 ноября 1855 г., Лаллерстедтъ говоритъ, что текстъ его былъ составленъ ранѣе пріѣзда Канробера въ Стокгольмъ. Условія трактата онъ признаетъ весьма робкими и самый трактатъ, по его мнѣнію, болѣе походилъ на воззваніе, чѣмъ на смѣлое обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно. О силахъ, кои стороны обязывались выставить, въ случаѣ надобности, въ трактатѣ ничего не было сказано. Лаллерстедтъ признаетъ, что Финмаркенъ былъ только предлогомъ (prétexte) для вступленія Швеціи въ союзъ съ Англіей и Франціей [1]). Швеціи нуженъ былъ видимый фактъ, иначе ей неудобно было стать во враждебное отношеніе къ Россіи. Предлогъ этотъ казался шведамъ подходящимъ и достаточно благовиднымъ, чтобы придать дѣйствіямъ стокгольмскаго кабинета оборонительный характеръ. Этимъ признаніемъ Лаллерстедта опровергаются заявленія позднѣйшихъ шведскихъ историковъ, которые пытались придать Финмаркенскому вопросу значеніе единственной и дѣйствительной причины, побудившей Швецію примкнуть къ западнымъ державамъ [2]).

Далѣе Лаллерстедтъ признаетъ, что трактатомъ 21 ноября Швеція открыто выразила недовѣріе къ Россіи, послѣ сорокалѣтняго мирнаго сосѣдства, и послѣдняя не могла не видѣть въ трактатѣ оскорбительнаго для нея отношенія. 18 декабря (н. ст.) 1855 г. стокгольмскій кабинетъ разослалъ всѣмъ своимъ дипломатическимъ агентамъ циркуляръ, въ которомъ пояснялъ, что ноябрскій трактатъ не мѣняетъ шведской мирной политики и нейтралитетъ ея остается въ своей силѣ. Но съ другой стороны этотъ циркуляръ являлся для Россіи цѣлымъ обвинительнымъ актомъ. Очевидно, что Швеціей руководили горькія воспоминанія прошлаго (вызывавшіяся потерей Финляндіи) и боязнь за будущее. Далѣе въ цирку-

[1]) G. Lallerstedt. La Scandinavie, ses craintes et ses espérances; Paris, 1856, p. 336. [2]) Sveriges hist, VI (T. Säve).

лярѣ доказывалась необходимость Швеціи вмѣшаться въ восточныя дѣла. Россіи ставилось въ вину нарушеніе политическаго равновѣсія и прибавлялось, что если она перестанетъ пугать новыми попытками къ захватамъ, то трактатъ не причинитъ ей никакого вреда. Какъ бы то ни было, но трактатъ 21 ноября — первое слово новой политики, отступившей отъ началъ, установленныхъ Карломъ-Іоганномъ, и порвавшей дружественныя сношенія съ Россіей.

Дѣлая обзоръ тѣхъ силъ, которыми могли располагать союзники, Даллерстедтъ прибавляетъ, что имѣлась еще возможность разсчитывать на вспомогательный корпусъ финновъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ сформироваться при первомъ появленіи союзниковъ въ Финляндіи [1]). На чемъ Даллерстедтъ основывалъ свои надежды на помощь со стороны финляндцевъ, намъ неизвѣстно. Затѣмъ, когда финляндцы почувствовали бы себя свободными отъ русскихъ, то, по увѣренію Даллерстедта, они выставили бы еще новый вспомогательный корпусъ. Вообще у союзниковъ образовалась бы такая боевая сила, съ которой можно было довести войну до стѣнъ Петербурга. Особенно горячо сражались бы скандинавы въ сознаніи, что при неудачѣ первая месть русскихъ неизбѣжно обрушилась бы на нихъ. Императоръ Александръ I, видѣвшій, какъ отчаянно борятся финскія войска, призналъ за лучшее упразднить ихъ тотчасъ же по поступленіи Финляндіи въ его подданство.

Книжка Даллерстедта не была еще окончена печатаніемъ, какъ заговорили о мирѣ. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Даллерстедтъ поспѣшилъ въ припискѣ (въ постскриптумѣ) выразить, во 1-хъ, свое сожалѣніе, что Россія не была хорошенько наказана Турціей (grundlingt tuktadt) и, во 2-хъ, заявленіе, что во всякомъ случаѣ Швеція должна получить Аландскіе острова и граница королевства должна быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы она проходила къ югу отъ Улеоборга и облегчила Швеціи дѣло ея защиты.

Все это, по воззрѣніямъ Даллерстедта, необходимо сдѣлать, чтобы гарантировать положеніе Швеціи, которую давно уже Россія якобы собирается присоединить къ своимъ владѣніямъ, а захвативъ Скандинавскій полуостровъ, имперія будетъ на прямомъ пути къ Англіи. Въ виду сего, Англія должна содѣйствовать обезпеченію положенія Швеціи. Россіи надо обрѣзать оба крыла — Финляндію и Бессарабію; поэтому же Европа должна озаботиться укрѣпленіемъ Швеціи и Турціи. Возвращеніемъ Финляндіи и Бес-

[1]) La Scandinavie; p. 313.

сарабіи была бы только возстановлена справедливость. Если же совѣщающіеся въ Парижѣ не пожелають сдѣлать этого, то во всякомъ случаѣ имъ надо настаивать на возвращеніе Аланда и измѣненіи русско-шведской границы. «Партизаны мира» не придають особаго значенія Аланду, а между тѣмъ Швеція не можетъ удовольствоваться только срытіемъ Бомарзундскихъ укрѣпленій, ей необходимо добиться возвращенія этихъ острововъ. Кромѣ того, пора исправить ошибку Фридрихсгамскаго договора, такъ какъ Россія слишкомъ далеко вошла въ норвежскую территорію. Перенесеніемъ границы къ югу отъ Улеоборга, Россія была бы отдѣлена отъ Швеціи нѣсколькими новыми долинами, прекратились бы пререканія о Варангеръ-фіордѣ и кочевому населенію было бы обезпечено его спокойствіе. Улеоборгъ удобенъ для укрѣпленія и хорошихъ позицій, почему Швеціи впредь стало бы легче оборонять свою границу. Въ рукахъ шведовъ Улеоборгъ сдѣлался бы прочнымъ барьеромъ противъ завоевательнымъ стремленій Россіи. Россія, хотя и маленькими шагами, но послѣдовательно идетъ къ намѣченной цѣли. Россія коварна. Даже теперь, пока идутъ переговоры въ Парижѣ, она строитъ военныя суда въ Архангельскѣ. Поэтому было бы полезно ввести въ составъ конференціи представителей Скандинавіи, кои знаютъ всѣ замыслы Россіи на сѣверѣ. Такъ разсуждалъ шведъ, опечаленный начавшимися переговорами о мирѣ. Извѣстіе о переговорахъ, писалъ Даллерстедтъ, было принято въ Швеціи съ чувствомъ «удивленія, смѣшаннымъ съ горечью». Правда,—находитъ онъ,—что Швеція участія въ войнѣ не принимала, но въ дѣлежѣ хочетъ участвовать, такъ какъ событія послѣдняго времени возбудили ея общественный духъ [1]).

Какъ сказано, брошюра Даллестедта возбудила общее вниманіе, такъ какъ признавалось, что авторъ ея былъ посвященъ въ политическіе ходы стокгольмскаго двора.

Сожалѣніе о скоромъ окончаніи войны было настолько распространено въ Швеціи, что французская газета «Le Constitutionnel» (въ мартѣ 1856 г.) признала необходимымъ напечатать по этому поводу новую статью, въ которой усматривали тогда воззрѣніе самого правительства. Газета оправдывала политику Наполеона I, отдавшаго Финляндію Россіи, и осуждала Густава IV Адольфа и Карла-Іоганна, не пользовавшихся обстоятельствами иного порядка. «Шведскихъ патріотовъ въ ихъ горѣ по утратѣ Финляндіи

[1]) La Scandinavie; Postscriptum, стр. 393—404.

должно утѣшить то равнодушіе, которое проявили финны въ теченіи двухъ лѣтъ послѣдней кампаніи по вопросу о возстановленіи ихъ самостоятельности. Всюду, куда ни показывался балтійскій флотъ, особенно англійскія суда, они встрѣчали на финскихъ берегахъ одинъ народъ съ русскимъ сердцемъ. Настроеніе финскаго народа, судя по этимъ указаніямъ, измѣнилось быстрѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ покоренныхъ странахъ. Господинъ Лаллерстедтъ увѣряетъ, что такая перемѣна произошла только въ извѣстныхъ сословіяхъ, но что внутри края населеніе осталось вполнѣ шведскимъ. Намъ желательно вѣрить ему. Но одно несомнѣнно, что эти чувства ни въ чемъ не были проявлены, присутствіе флота союзниковъ никакого возстанія не вызвало, а, напротивъ, на лицо имѣлось одно откровеніе, въ которомъ нельзя было ошибиться, это— тѣ выстрѣлы, которыми во многихъ мѣстахъ были привѣтствуемы англичане, во время ихъ плаванія въ Ботническомъ заливѣ. «Le Constitutionnel» полагаетъ, въ заключеніе, что Англія и Франція достаточно сдѣлали для безопасности Швеціи, настоявъ на условіи впредь не возобновлять Бомарзундскихъ укрѣпленій. (Рейнъ, стр. 156—161).

О преждевременномъ мирѣ, не давшемъ осуществиться шведофинскимъ планамъ, сожалѣлъ также и проф. I. I. Нордстремъ (Nordstrem). Онъ занималъ каѳедру государственнаго права въ Гельсингфорсѣ и такъ какъ извѣстенъ былъ своимъ «либеральнымъ образомъ мыслей», то вынужденъ былъ покинуть университетъ и переселиться въ Стокгольмъ, гдѣ, конечно, предавался, вмѣстѣ съ Квантеномъ и другими своими соотечественниками, размышленіямъ о политической судьбѣ своей родины. Онъ, какъ и многіе другіе, пришелъ къ тому выводу, что политическое положеніе Финляндіи нуждалось въ коренномъ измѣненіи и въ возсоединеніи (со Швеціей), но только на новыхъ условіяхъ. Парижскій миръ разрушилъ его надежды и приходилось ожидать новыхъ подходящихъ событій. Негодуя попутно на дипломатовъ, играющихъ словами и не проявляющихъ надлежащей дальновидности, Нордстремъ разсказалъ, въ письмѣ къ своему пріятелю (доктору Ильмони), слѣдующій анекдотъ. Гр. Орловъ, встрѣтивъ въ Тюильерійскомъ дворцѣ маршала Бараге д'Илье, спросилъ его: «А, это вы, любезный маршалъ, въ прошломъ году сдѣлали визитъ къ намъ въ Балтійское море»?

— «Да, я имѣлъ честь оставить свою карточку въ Бомарзундѣ».

— «О, возразилъ гр. Орловъ, карточка осталась не доставленной, но визитъ можно будетъ отвѣтить».

— «Во всякомъ случаѣ»,—сказалъ Бираге д'Илье, — «визитъ можетъ быть возобновленъ, и чтобы карточка не пропала, то (возобновленъ) въ Кронштадтъ».

— «О, это причинило бы вамъ много безпокойства и потому-то я теперь и нахожусь здѣсь (въ Парижѣ)».

— «Но въ такомъ случаѣ нѣсколько лѣтъ спустя быть можетъ я буду имѣть честь побывать у васъ»,—заключилъ маршалъ.

Вздохи и сожалѣнія о неудавшейся политической комбинаціи, долженствовавшей вывести Финляндію на новый путь, долго не прекращались послѣ парижскаго конгресса. «Миръ, да миръ явился и печально покончилъ съ нашими давно взлелѣянными ожиданіями, и похоронилъ ихъ глубоко, глубоко въ своихъ протоколахъ въ ту именно минуту, когда этимъ надеждамъ предстояло пышно расцвѣсти... писалъ кто-то изъ Гельсингфорса въ стокгольмскую газету 27-го января (нов. ст.) 1857 года.

Особенное усердіе по финляндскому вопросу въ періодъ Крымской войны проявила газета «Aftonbladet». Она доказывала, что задачей шведскаго правительства должно быть освобожденіе и возсоединеніе Финляндіи съ ея прежней метрополіей. Эта газета старалась воздѣйствовать на настроеніе общества описаніями насилій и страданій, переносимыхъ Финляндіей, а также указаніями на недовольство финновъ своимъ положеніемъ и на ихъ томленіе въ ожиданіи освобожденія. Подобныя описанія включались обыкновенно въ письма изъ Умео или съ финляндской границы.

Въ этой игрѣ va banque въ Швеціи возлагали особенныя надежды на недовольство въ Финляндіи, какъ на своего надежнаго союзника. Когда англичане произвели свои первые грабежи по финляндскому берегу, «Aftonbladet» осудила этотъ способъ дѣйствія, находя, что имъ, вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти расположеніе и симпатіи финновъ, разжигается ихъ озлобленіе и такимъ образомъ они побуждаются искать помощи у Россіи. Другая газета («Svenska Tidningen») опровергала подобное воззрѣніе «Aftonbladet». Даже официальный органъ Швеціи («Post-och Inrikes Tidningar») держался того мнѣнія, что въ поведеніи англичанъ въ Балтійскомъ морѣ нельзя усмотрѣть ничего неправильнаго и неразумнаго. Напротивъ, уничтоженіе частной собственности одно изъ лучшихъ средствъ показать финнамъ, во что обходится ихъ русское подданство (15-го іюля 1854 г.).

Въ виду этого, русское правительство признало полезнымъ, чтобы кто-либо изъ финновъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе въ

Скандинавіи, убѣдилъ шведовъ, что въ Финляндіи вовсе не расположены къ перемѣнѣ своего политическаго положенія. Черезъ финляндскаго министра статсъ-секретаря Гр. А. Армфельта, это порученіе довѣрено было профессору гельсингфорскаго университета Эмануэлю Ильмони (Ilmoni), которому удалось нѣсколько воздѣйствовать на общее настроеніе, такъ какъ ему посчастливилось пріобрѣсти союзниковъ среди самихъ же шведовъ, охотно взявшихся за перо для возстановленія истины.

Однако, со страницъ шведской печати финляндскій вопросъ сошелъ не скоро. Между прочимъ, было высказано, что наиболѣе финляндскія сердца были отвлечены отъ прежней «братской страны», такъ-называемымъ финноманизмомъ. «Aftonbladet» (30-го января 1855 г.) усмотрѣло также, что русская политика догадалась воспользоваться безумными и несбыточными увлеченіями финноманизма для ослабленія прежней связи Финляндіи со Швеціей; создалась даже по русски-настроенная бюрократія, но ее легко задушить, и тѣ, которые думаютъ, что Финляндія, благодаря соединенію съ Россіей, сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ и останется таковымъ вѣчно, составляютъ лишь партію молодыхъ политическихъ глупцовъ. Короче,—по мнѣнію газеты,—Швеція не должна остаться нейтральной во время войны. Во всякомъ случаѣ «Aftonbladet» признавала необходимымъ возвращеніе Аландскихъ острововъ.

Послѣ войны изъ Финляндіи продолжали посылать корреспонденціи въ стокгольмскія газеты и Э. фонъ-Квантенъ былъ средоточеніемъ оппозиціи, направленной противъ Россіи. Эти письма періодически собирались имъ въ отдѣльныя брошюрки—«Финляндскія дѣла» (Finska förhållanden) и усиленно распространялись по нашей окраинѣ. Съ 1857 по 1861 г. такихъ брошюръ было издано четыре выпуска.

Неблагопріятное Россіи общественное мнѣніе поддерживалось въ Швеціи, кромѣ того, изданіями, подобными «Rysslands eröfringspolitik» (переводъ сочиненія François Combes), напечатанному въ Стокгольмѣ въ 1855 г., «Ryssland och dess förhållande till den europeiska civilisationen»—(переводъ сочиненія «Leouzon le Duc), изданному въ Стокгольмѣ въ 1854 г. и т. п. Заглавія этихъ книгъ («Завоевательная политика Россіи», «Отношеніе Россіи къ европейской цивилизаціи») въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ ихъ духъ и направленіе.

Надежда на возвращеніе Финляндіи проявилась вновь и съ осо-

бой силой въ Швеціи во время польскаго возстанія. Карлъ XV, какъ сказано въ первой книжкѣ только что начатой новой исторіи Швеціи (Sveriges historia intill tjugonde Seklet), выросшій въ старо-шведскомъ традиціонномъ нерасположеніи къ Россіи, пожелалъ вернуть Финляндію, но его разумнымъ министрамъ удалось удержать его отъ объявленія намъ войны. «Швеція не на шутку вооружается».—отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Никитенко (т. II, стр. 380),—«грозя отнять у насъ Финляндію и чуть-ли не Петербургъ». 2-го мая 1863 г. Никитенко добавилъ: «Швеція, получивъ отъ Финляндіи объявленіе что та вовсе не желаетъ отложенія отъ Россіи, дала знать, что она не имѣетъ повода къ войнѣ». Новый историкъ Швеціи пишетъ, что возстаніе Польши радостно привѣтствовалось въ Швеціи, а также небольшой групой финляндцевъ, дружественно расположенныхъ къ Швеціи, представителемъ коихъ являлся финскій эмигрантъ фонъ-Квантенъ, который въ началѣ Крымской войны надѣялся на возможность отторженія Финляндіи отъ Россіи и возсоединенія ея со Швеціей. «Многочисленные политическіе эмигранты въ Западной Европѣ тайно работали надъ тѣмъ, чтобы вызвать также возстаніе и въ Финляндіи. Большое число раздробленныхъ силъ объединилось такимъ образомъ противъ русской державы и ихъ планы настолько совпадали съ стремленіями скандинавизма, что они не могли не заслужить горячихъ симпатій со стороны шведскаго народа и короля» («Sveriges historia»; изданіе Эмиля Гильдебранда).

Наше правительство знало о состояніи умовъ въ Швеціи. Генералъ-лейтенантъ Рокасовскій въ запискѣ, поданной въ концѣ 1855 года, писалъ, между прочимъ, что «въ Швеціи увеличивалась ежедневно революціонная пропаганда, стремившаяся явно и скрыто къ разрыву съ Россіею, въ надеждѣ завоеваніемъ Финляндіи осуществить мечтательный планъ созданія *Союзной скандинавской державы*. Благоразуміе шведскаго правительства удержалось противъ напора партій, желавшихъ войны».

Присоединенію Швеціи къ коалиціи тотъ же генералъ-лейтенантъ Рокасовскій придавалъ довольно существенное значеніе. «Армію Швеціи Рокасовскій признавалъ благоустроенной, привыкшей къ лишеніямъ и къ суровому климату сѣвера, а флотилію канонерскихъ лодокъ — сильной и знакомой со шхерами. Швеція дала бы союзникамъ удобныя складочныя мѣста, а корпусъ шведскихъ войскъ, дѣйствуя въ Финляндіи, конечно, значительно усилилъ бы союзниковъ. Эти войска были бы однородны

по происхожденію съ нашими прибрежными жителями въ Финляндіи, у которыхъ ожили бы воспоминанія прошлаго. Языкъ знакомый, обычаи тоже, а въ заключеніе еще даже одинаковыя административныя формы. Все это доставило бы союзникамъ значительныя выгоды. Наши же войска были чужды по языку населенію Финляндіи. Слѣдовательно, присоединись Швеція, союзники, несомнѣнно, избрали бы для своихъ военныхъ операцій Финляндію, ибо выгоды она представляла для нихъ немалыя. Въ области, прилегавшей къ Або, въ Швеціи видѣли настоящую Финляндію, въ которой наиболѣе сохранялись симпатіи къ moderlandet и къ прежнему шведскому правленію. Сюда, при выходѣ на берегъ Финляндіи союзниковъ, хлынули бы люди революціоннаго образа мыслей. «Преданность къ Россіи Финляндіи и ея обитателей, не можетъ подлежать сомнѣнію»,—продолжалъ генералъ Рокасовскій,—«они помнятъ и цѣнятъ благодѣянія, оказанныя странѣ необыкновеннымъ развитіемъ ея благосостоянія и постояннымъ отеческимъ покровительствомъ, которымъ они пользовались отъ русскихъ царей». Но Рокасовскій не скрылъ, что часть пылкаго и необдуманнаго юношества,—легко увлекающагося всѣмъ, что только ново и необыкновенно и всѣмъ, что представляетъ ему поприще для отваги и своеволія,—можетъ быть обольщена лживыми обѣщаніями краснорѣчивыхъ демагоговъ и обманута мечтательными надеждами». «Но если даже число увлеченныхъ на преступную стезю возстанія, будетъ весьма ограничено, если (какъ по всему этому надѣяться можно), большая часть жителей останется вѣрною чести, долгу и присягѣ, то и тогда достаточно будетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, чтобы дать возможность демагогамъ представить расположеніе умовъ въ Финляндіи въ превратномъ видѣ. Недоброжелатели Россіи въ Скандинавіи и Западной Европѣ охотно повѣрятъ этимъ разсказамъ и цѣль революціонеровъ уже достигнута будетъ на половину, если на этотъ призывъ Финляндія наводнится праздными и буйными искателями приключеній всѣхъ странъ Европы, но преимущественно сосѣдней намъ Швеціи» (Архивъ Финляндскаго военнаго округа).

Что касается русской періодической печати, то она была весьма плохо освѣдомлена о дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ намъ Швеціи. 5-го сентября 1854 г. стокгольмскій кореспондентъ «Сѣверной Пчелы», напримѣръ, увѣрялъ своихъ читателей, что слухи объ аудіенціи англійскаго посла у короля и выраженныя сословіемъ поселянъ желанія возвращенія Аланда, ни на чемъ не основаны.

Но русскіе, болѣе внимательные къ политикѣ, не ожидали отъ Швеціи стойкаго исполненія нейтралитета. Н. Х. Граббе въ своемъ дневникѣ отмѣтилъ, напримѣръ (28-го января 1854 г.): «Австрія и Пруссія колеблются и склоняются на сторону Англіи и Франціи, а Швеція ненадежна» [1]). Сомнѣніе отразилось и въ письмахъ гр. А. К. Толстого. «Проектъ англичанъ прозимовать съ французами въ Финляндіи... очень бы насъ обрадовалъ»,—писалъ онъ 22-го іюля 1854 г.,—«если бы мы были увѣрены въ Швеціи, но, какъ оказывается, мы не долго съ ней останемся въ хорошихъ отношеніяхъ» [2]). Аугсбургская же газета, какъ видно болѣе освѣдомленная, чѣмъ наши изданія, предсказывала заключеніе союза Швеціи съ Англіей и Франціей въ Стокгольмѣ [3]). Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы дѣлать упреки нашимъ редакціямъ. Публицистика наша находилась въ пеленкахъ и газеты лишь перепечатывали главнымъ образомъ официальныя реляціи. Корреспондентовъ своихъ на войнѣ газеты не имѣли. Въ виду такого положенія, особеннаго вниманія заслуживаетъ громкій голосъ горячаго патріота и кореннаго москвича М. П. Погодина, разносившійся по Россіи въ его «Историко-политическихъ письмахъ и запискахъ» 1853—1856 гг. (Москва, 1874 г.). Огненнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за ходомъ европейскихъ событій и «пламеннымъ языкомъ» предостерегалъ общество и предлагалъ свои совѣты. Мнѣнія о «письмахъ» тогда раздѣлились: одни признавали ихъ «безполезнымъ вздоромъ», другіе видѣли въ нихъ событіе, которое «не будетъ забыто исторіей». Одно его письмо «возбудило полное удовольствіе» Императора, и благодаря успѣху другихъ писемъ, авторъ имѣлъ счастіе представиться Императрицѣ. Обдумывая, какими средствами можно было выйти изъ того крайне затруднительнаго положенія, въ какое поставила насъ Крымская война, Погодинъ, въ видѣ диверсіи, предлагалъ, между прочимъ (въ VII письмѣ), «открыть Испаніи виды на возвращеніе Гибралтара, Италіи—на владѣніе Мальтою, Греціи—на присоединеніе Іонической республики и т. п.; кромѣ того, ему представлялось полезнымъ послать торжественное посольство въ Америку и снарядить экспедицію въ Индію (хотя бы только на бумагѣ). Зундъ и Дарданеллы—вотъ на будущее время цѣли внѣшней нашей политики.—«Это не такъ странно и не возможно, какъ съ перваго взгляда кажется»,—писалъ онъ,—«хотя мы и отвыкли, подъ ферулою нѣмецкой политики, отъ всѣхъ смѣлыхъ идей. Для

[1]) Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 36. [2]) «Вѣстникъ Европы» 1897 г., апрѣль, стр. 609. [3]) Н. Путиловъ, т. XXIII, стр. 224.

достиженія этой цѣли, Погодинъ проектировалъ *«балтійскій союзъ»* между Даніей, Швеціей, Пруссіей и Россіей. Какія же данныя указывали на возможность его осуществленія? Англійскій флотъ сжегъ Копенгагенъ, а теперь хозяйничалъ въ датскихъ гаваняхъ. Угрозы Англіи и Франціи едва ли могли быть пріятны Швеціи. Пруссія открыта по берегамъ для нападенія союзнаго флота. Весь амфитеатръ Балтійскаго моря раздѣлялъ, слѣдовательно, по мнѣнію Погодина, одинаковыя чувства и нужно было только соединить эти чувства, устроивъ сѣверный союзъ, какъ Екатерина устроила вооруженный нейтралитетъ. Выгода такого союза для каждаго изъ названныхъ государствъ, стоявшихъ между двухъ огней, представлялась Погодину очевидной. Если противъ одного русскаго флота Англія и Франція съ трудомъ предпринимала походъ, то что же могутъ союзники сдѣлать противъ объединенныхъ морскихъ силъ Швеціи, Даніи, Пруссіи и Россіи. Можно было,—говоритъ далѣе Погодинъ,—предоставить Швеціи, Даніи и Пруссіи извѣстныя торговыя преимущества въ «Балтійскомъ союзѣ». Не забылъ Погодинъ и того, что въ титулѣ Русскаго Государя имѣются напоминанія объ извѣстныхъ династическихъ правахъ на Данію и Швецію. «Сѣверный союзъ предлагался Погодинымъ исключительно въ оборонительныхъ цѣляхъ и для европейскаго равновѣсія, такъ какъ Россія есть государство распространяющееся, но не завоевательное».

Погодинъ схватилъ, слѣдовательно, довольно вѣрно главное требованіе времени. Что представляло въ сущности предложеніе Императора Николая Павловича Пруссіи объединиться въ нейтралитетѣ со скандинавскими государствами, какъ не проектъ *балтійскаго же союза?* Ошибся Погодинъ во взглядахъ на Швецію, но эту участь раздѣлила съ нимъ вся остальная Россія. Погодинъ былъ человѣкъ живой и впечатлительный, и увлекался своими мечтами. Въ другихъ своихъ политическихъ письмахъ, когда онъ мимоходомъ бросаетъ замѣчанія о Швеціи и Даніи, онъ значительно правильнѣе оцѣнилъ ея отношенія къ Россіи. «Датскій король волей или неволей служитъ союзникамъ, шведскій,—говоритъ Погодинъ,—скрываетъ, можетъ быть, болѣе опасные замыслы, такъ какъ у Швеціи были старые счеты за Финляндію и Аландскіе острова (стр. 88 и 108). Швеція, по крайней мѣрѣ, молодежь и лѣвая сторона, при такомъ общемъ возстаніи главныхъ державъ европейскихъ на Россію, надѣется возвратить Финляндію, и отмстить сколько-нибудь за униженіе...» (стр. 104).

Прошло болѣе двадцати лѣтъ послѣ войны 1854—1855 гг. Въ

Стокгольмѣ появилась брошюра «Взглядъ на политическое прошлое и будущее Швеціи» [1]). Въ ней для насъ интересно признаніе автора, относящееся къ Финляндіи. Онъ находитъ политическое положеніе Швеціи особенно счастливымъ и прочнымъ. Указывая на причины, обусловившія такое положеніе, онъ прежде всего останавливается на измѣнившихся отношеніяхъ Швеціи къ Россіи и на ростѣ Германской имперіи. Съ тѣхъ поръ, какъ создалась эта имперія, анонимный авторъ брошюры считаетъ ее (вмѣстѣ съ Англіей) надежнѣйшимъ союзникомъ Скандинавскихъ государствъ. Германія впредь,—по его мнѣнію,—будетъ препятствовать Россіи завоевать Швецію. Хладнокровно оцѣнивая обстоятельства, авторъ говоритъ, что Швеція должна быть довольна утратой Лифляндіи и продажей Помераніи. То же самое надо сказать и про Финляндію. Конечно, тяжело было шведамъ разстаться съ финнами, съ коими прожили совмѣстно нѣсколько сотъ лѣтъ; но исторія свидѣтельствуетъ, что при томъ постепенномъ развитіи могущества Россіи, которое давно уже наблюдалось, разлука представлялась неизбѣжной. У Швеціи не оставалось силъ удержать за собой «хорошій финскій народъ». Разлука состоялась и теперь Швеція обязана благодарить судьбу за свои естественныя и прекрасныя границы, которыя не даютъ поводовъ къ недоразумѣніямъ съ сосѣдними государствами, а во время войны представляютъ много удобствъ для защиты. Благодаря имъ, Швеція пользовалась въ теченіе долгаго времени (почти столѣтія) полнымъ и благодатнымъ миромъ, во время котораго успѣла поднять свою культуру и благосостояніе населенія до замѣчательно высокаго уровня. До 1814 г. въ исторіи Швеціи извѣстенъ только одинъ періодъ мира, продлившійся 26 лѣтъ, остальные мирные періоды были еще короче. Миръ особенно надеженъ,—писалъ авторъ «Взгляда»,—вслѣдствіе спокойнаго отношенія Швеціи къ Россіи [2]).

Русскій флотъ.

По Балтійскому побережью расположена была наша 200,000-ая армія и имѣлась эскадра, состоявшая изъ трехъ дивизій и, несмотря на это, союзники, сосредоточивъ у Аланда до 30,000 чел., раздавили собою 1,600 чел. Бомарзундскаго гарнизона. «Союзники высадились 27-го іюля. Бомарзундъ палъ 1-го августа, т. е. прошла цѣлая

[1]) Blick på Sverges politiska forntid och framtid med hänseende till Skandinaviens försvar». [2]) «Helsingfors Dagblad» 31 mars 1878.

недѣли. За это время къ Аландскимъ островамъ могъ подоспѣть нашъ флотъ изъ любого пункта Финскаго побережья, и положеніе высаженныхъ союзниками войскъ было бы болѣе критическое. Но нашъ флотъ бездѣйствовалъ» [1]).

Въ этомъ замѣчаніи, совершенно вѣрномъ по своему существу, не принято во вниманіе одно важное обстоятельство: тогдашнее состояніе нашего флота, укрывавшагося за стѣнами Кронштадта (подъ флагомъ вице-адмирала Рикорда) и Свеаборга (подъ флагомъ вице-адмирала Румянцева).

Весь Балтійскій флотъ въ 1850 г. состоялъ изъ 25-ти кораблей, 12-ти фрегатовъ, 7-ми пароходо-фрегатовъ, 51 легкаго судна, 78-ми судовъ гребного флота, 15-ти портовыхъ пароходовъ и 156-ти разныхъ портовыхъ судовъ. Сверхъ того запасныхъ: 6 кораблей, 3 фрегата, 1 корветъ. Строилось: 2 парохода-фрегата, 1 тендеръ. Всего, слѣдовательно, въ Балтикѣ находилось 360 вымпеловъ [2]).

Въ началѣ Крымской войны въ составѣ Балтійскаго флота находилось 217 судовъ разныхъ наименованій и на нихъ 3,374 орудія. Пароходовъ-фрегатовъ было 9 (3130 силъ) и малыхъ пароходовъ 12 (722 силы), но на нихъ орудій не было [3]).

«У меня есть сто кораблей»,—сказалъ когда-то Наполеонъ,—«но флота я все-таки не имѣю» [4]). Это же самое могъ повторить и Императоръ Николай Павловичъ, такъ какъ суда наши совершенно не соотвѣтствовали своему назначенію.

Мы запоздали усовершенствованіями, которыми уже пользовались иностранцы, а потому нашъ флотъ въ дѣйствительности былъ гораздо слабѣе того, какимъ казался по своей численности и грозной наружной силѣ [5]). Мы были парализованы неимѣніемъ паровыхъ двигателей, а потому въ открытомъ морѣ намъ невозможно было принять сраженіе (т. II, стр. 957). Рѣшено было «не выводить флота въ море» (т. II, стр. 971), а усилить имъ средства защиты крѣпостей, т. е. ограничиться одной пасивной обороной. Это было принято общимъ правиломъ. Исключеніе изъ него составляло одно секретное предписаніе, полученное Н. А. Аркасомъ, которое гласило: «Предъявивъ въ Свеаборгѣ контръ-адмираламъ Матюшкину и Румянцеву предложеніе, выжидать тамъ благопріятный случай и, принявъ начальство надъ отрядомъ нашихъ пароходовъ и парусныхъ судовъ, выйти съ ними въ море, чтобы атаковать непріятеля, дѣйствуя во всемъ по собственному усмотрѣнію... Пред-

---

[1]) Мошнинъ, стр. 258. [2]) Отчетъ, представленный Государю въ день 25-тилѣтія его царствованія. Сборн. Имп. Истор. Общ., т. 98, стр. 450. [3]) Обзоръ, т. I, стр. 396—397. [4]) И. С. Бліохъ, т. III, стр. 506. [5]) Обзоръ, т. II, стр. 956.

ложеніе это хранить въ совершенной тайнѣ до послѣдней минуты» [1]. Подобное же предложеніе было сдѣлано 1-й и 2-й дивизіи, стоявшимъ въ Кронштадтѣ. Очевидно, что Государю желательно было поставить «непріятеля въ два огня». Это предложеніе осталось неисполненнымъ, такъ какъ наши корабли зависѣли отъ вѣтра, а у непріятеля введены были винтъ и паръ [2]).

Крымская война вообще показала, что парусныя суда не могутъ имѣть боевого значенія на ряду съ судами, обладавшими паровыми двигателями, и съ этого времени дни парусного флота были сочтены (т. I, стр. 431). Въ каждой эволюціонной эскадрѣ Англіи и Франціи суда, приводимыя въ движеніе винтовымъ двигателемъ, составляли значительный процентъ: «у насъ же не было ни одного винтового судна въ плаваніи» (т. I, стр. 415). Существовалъ штатъ (1826 г.), требовавшій, чтобы на лицо въ Балтійскомъ флотѣ находилось 27 линейныхъ кораблей. При опредѣленіи числа судовъ Балтійскаго флота «морское вѣдомство основывало свои сужденія», такъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ,—«на прежнемъ штатѣ, примѣняясь притомъ къ нынѣшнему состоянію флотовъ сосѣдственныхъ державъ. Это число судовъ будетъ съ одной стороны безъ отягощенія государству въ разсужденіи содержанія, а съ другой— и весьма достаточно, не токмо къ оборонѣ нашихъ портовъ и границъ, но и для нападательныхъ военныхъ дѣйствій въ случаѣ надобности въ ономъ».

Этому правилу слѣдовали во все царствованіе Императора Николая I (т. I, стр. 396). По указанному разсчету нужно было строить ежегодно по три новыхъ корабля; но это было невозможно для морского министерства. Оно могло строить одинъ корабль черезъ годъ въ Архангельскѣ и одинъ корабль черезъ два года въ Петербургѣ. Суда Балтійскаго флота въ качественномъ отношеніи были весьма неудовлетворительны, парусные корабли и фрегаты были большею частью сосновые, изъ сырого лѣса, слабой постройки и весьма посредственнаго вооруженія, такъ что при каждомъ учебномъ плаваніи по портамъ Финскаго залива многіе изъ нихъ подвергались разнообразнымъ поврежденіямъ. Не было возможности составить изъ нихъ эскадру для продолжительнаго плаванія въ дальнихъ моряхъ...» [3]).

Адмиралъ Н. А. Аркасъ, посланный непосредственно передъ войною осмотрѣть нашъ флотъ, отозвался о немъ крайне неблаго-

[1]) Денисовъ, А. И. «Генералъ-адъютантъ Н. А. Аркасъ». Севастополь, 1887 г., стр. 80—81. [2]) Аркасъ. «Историческій Вѣстникъ» 1901 г., апрѣль, стр. 122. [3]) И. С. Бліохъ. «Будущая война», т. III, стр. 21.

пріятно. При пушечномъ ученіи, стрѣльбу надлежало открыть корвету «Полтава», который плавалъ уже 10 лѣтъ и, какъ оказалось, кромѣ салютныхъ выстрѣловъ, онъ ни одного раза не стрѣлялъ изъ своихъ орудій ядрами. Орудіе зарядили по всѣмъ правиламъ и при первомъ же выстрѣлѣ орудіе разорвало, причемъ было убито девять и ранено пять человѣкъ. Во время того же смотра, у другого орудія отпала дульная часть. У станковъ иныхъ орудій клинья вылетали съ такой силой, что грозили большой опасностію. Пришлось уменьшить заряды. На военно-морскомъ совѣтѣ въ Кронштадтѣ, состоявшемся въ присутствіи Государя на кораблѣ «Петръ I», адмиралы признали, что наша команда мало подготовлена къ бою и вообще очень слаба по управленію парусами. Государь былъ очень разсерженъ такимъ отвѣтомъ и рѣзко сказалъ: «Развѣ флотъ для того существовалъ и содержался, чтобы въ минуту, когда онъ дѣйствительно будетъ нуженъ, мнѣ сказали бы, что флотъ не готовъ для дѣла». И тутъ же послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправиться въ море и практиковать команды. Послѣ этого плаванія флотъ вернулся въ Кронштадтъ «въ ужасномъ видѣ: не было ни одного корабля, который не имѣлъ бы значительныхъ поврежденій въ рангоутѣ и корпусѣ, а у нѣкоторыхъ судовъ были свернуты головы рулей и топы мачтъ, требующіе ихъ перемѣны». Вѣтеръ былъ значительный, но онъ далеко не достигалъ силы шторма. Все, конечно, было доложено Государю, который сказалъ: «Такъ вотъ какіе они мореходы». Черезъ три дня Государь самъ отправился въ Кронштадтъ и приказалъ всѣмъ поставить всѣ паруса. «Крайне медленныя работы по управленію парусами и хаосъ на всѣхъ корабляхъ, сопровождаемый необыкновеннымъ шумомъ, былъ поразительный», прибавляетъ Аркасъ [1]).

Существовала тогда еще гребная канонерская флотилія. На нее также затрачивались не малыя деньги. Изъ финляндской казны, напримѣръ, было отпущено на постройку и снаряженіе 10-ти канонерскихъ лодокъ—61.122 руб. [2]). При началѣ войны признано было необходимымъ построить еще 40 канонерскихъ лодокъ на разныхъ заводахъ. На Абоской верфи, начиная съ февраля, до 400 рабочихъ были заняты изготовленіемъ 15-ти канонерскихъ лодокъ, которыя къ началу навигаціи торопились спустить на воду [3]). Адмиралу Н. А. Аркасу также приказано было провѣрить и въ Кронштадтѣ, и въ разныхъ пунктахъ Финляндіи состояніе каноне-

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1901 г., апр., стр. 118—125. [2]) «Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго». Эд. Берендтсъ, стр. 59. [3]) «Abo Underrättelser» 1854, № 19.

рокъ, путемъ производства соотвѣтственныхъ смотровъ и маневровъ. Всюду Аркасъ убѣждался въ полной ихъ непригодности: на греблѣ онѣ оказывались очень тяжелыми, а при легкомъ вѣтрѣ маневрированіе съ ними было положительно невозможно. Кромѣ того, команды канонерскихъ лодокъ состояли изъ недавно набранныхъ ратниковъ, мало знакомыхъ съ дѣйствіемъ артилеріи и съ греблею, а командиры, преимущественно молодые офицеры, не имѣли времени напрактиковаться въ управленіи лодками. «Лодки были»,— пишетъ Аркасъ,—«до нѣкоторой степени полезны въ прежнія войны Петровскихъ временъ, когда корабли были парусные, зависѣвшіе совершенно отъ вѣтра, и вообще плохіе ходоки. Тогда во время безвѣтрія и штиля, дѣйствительно, канонерки на греблѣ подходили къ кораблямъ и могли атаковать, даже абордировать ихъ...; теперь же при паровыхъ судахъ и винтовыхъ корабляхъ такія лодки не имѣли смысла». Мнѣніе Аркаса вполнѣ раздѣлялъ также и Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Все это адмиралъ Аркасъ съ полной откровенностію доложилъ Государю, который, поблагодаривъ и поцѣловавъ его за откровенность, прибавилъ: «Будь всегда такимъ. Я люблю тѣхъ, кто говоритъ мнѣ правду». Чтобы самому убѣдиться въ непригодности канонерокъ, Государь назначилъ смотръ въ Кронштадтѣ, въ присутствіи генералъ-адъютанта Гейдена, по иниціативѣ котораго была создана эта канонерская флотилія [1]). При незначительномъ вѣтрѣ флотилія не могла двигаться. Давались сигналы и барабанами, и трубами, но приказанія оставались неисполненными. Толку не могли добиться. Все смѣшалось и получился изумительный хаосъ. Несостоятельность канонерокъ была очевидна [2]).

Въ Кронштадтѣ отыскались еще галеры (или «коровы», какъ называли ихъ солдаты) сохранившіяся, если не со временъ Петра Великаго, то Анны Іоановны или Екатерины II. Онѣ представляли изъ себя нѣчто особенное неуклюжее. Внизу кормы, надъ уровнемъ воды, онѣ имѣли треугольный остроконечный помостъ для артилеристовъ, которые должны были управлять длинной пушкой. Гребцами были охотники. При легкомъ вѣтеркѣ галеры оказались совершенно безпомощными. Въ море ихъ не рисковали пускать. Ими пользовались только для обученія командъ греблѣ [3]).

---

[1]) А. И. Денисовъ. «Генералъ-адъютантъ Аркасъ». Севастополь, 1887 г., стр. 82. [2]) «Историческій Вѣстникъ» 1901 г., апр., стр. 129 и 130. Дѣло 1-го іюля 1855 г. въ Транзундѣ въ значительной мѣрѣ подтвердило выводы адмирала Аркаса. [3]) Цебрикова, М. «Вѣстникъ Всемірной Исторіи» 1901 г., № 11. Соч. князя Вяземскаго, т. VI, стр. 513 и 514.

При указанномъ состоянiи судовъ нашего флота, едва ли возможно было разсчитывать на особую пользу отъ его своевременнаго прибытія изъ Кронштадта и Свеаборга къ Аланду.

Государь, узнавъ о томъ, что непріятель желаетъ взять Бомарзундъ, былъ очень озабоченъ его участью и не желалъ допустить союзный флотъ въ его бухту, сознавая, что малочисленный гарнизонъ укрѣпленія будетъ поставленъ въ весьма тяжелое положеніе. Въ виду этого адмиралу Аркасу повелѣно было, взявъ изъ Гельсингфорса и Або канонерскія лодки и нужное число пароходовъ, спѣшить къ Аланду и заградить бухту крѣпости. Великій Князь Генералъ-Адмиралъ, и военный министръ, князь Долгорукій, не предвидѣли успѣха отъ подобнаго плана, такъ какъ непріятельскіе корабли были уже снабжены винтовыми двигателями. Въ Гельсингфорсѣ адмиралъ Аркасъ получилъ 4 парохода и 20 канонерскихъ лодокъ. Въ Або къ этому отряду присоединили еще 20 канонерскихъ лодокъ и вся флотилія двинулась къ острову Кумлингу, съ котораго видно было, что непріятельскій флотъ стоялъ уже въ виду крѣпости Бомарзунда [1]. Адмиралу Аркасу не пришлось такимъ образомъ привести въ исполненіе новаго, возложеннаго на него, порученія. Онъ вынужденъ былъ вернуться въ Або.

Суда нашего флота были плохи: канонерскія лодки оказались совершенно неприспособленными къ требованіямъ времени, но среди нашихъ моряковъ, какъ всегда, находились отважные воины, способные хладнокровно исполнить самыя рискованныя предпріятія. Если бы мы не запоздали введеніемъ у себя паровыхъ двигателей во флотѣ, результатъ Балтійской экспедиціи союзниковъ и осады ими Бомарзунда, конечно, былъ бы иной. Тамъ же, гдѣ русскому моряку представлялась малѣйшая возможность дѣйствовать въ 1854—1855 гг., онъ проявилъ свои прекраснѣйшія качества.

Вотъ маленькій, незамѣченный нашими историками, эпизодъ, подтверждающій сказанное. Адмиралу Аркасу надо было изъ Гельсингфорса отправить въ Або отрядъ, состоявшій изъ пяти пароходовъ: «Гр. Вронченко», «Ястребъ», «Рюрикъ», «Адмиралъ» и «Летучій». Начальникомъ отряда назначили капитанъ-лейтенанта Владиміра Павловича Романова. Когда Романова спросили, какъ полагаетъ онъ охранить честь русскаго флага, если отрядъ будетъ окру-

---

[1]) А. П. Денисовъ. «Генералъ-адъютантъ Н. А. Аркасъ». Біографическій очеркъ. Севастополь, 1887 г., стр. 81—82. Начальникомъ всѣхъ канонерскихъ лодокъ былъ вице-адмиралъ Епанчинъ. Отрядомъ пароходовъ командовалъ Романовъ.

женъ непріятелемъ, онъ отвѣтилъ: «Я уже говорилъ съ командирами, и мы дали слово въ такомъ случаѣ сцѣпиться съ непріятелемъ и взорваться на воздухъ». 17-го іюня снялись съ якоря, построивъ свой разсчетъ на томъ, чтобы, пользуясь темнотой, обмануть непріятеля. Изъ Поркалаудда дано было знать по телеграфу, что тамъ видпѣются четыре непріятельскихъ крейсера. Отрядъ, скрывъ огни и не мѣшая въ печахъ, чтобы уменьшить дымъ, смѣло двинулся впередъ по шхерному лабиринту, лишенному всѣхъ опознавательныхъ знаковъ. Крейсеры непріятеля, увѣренные въ своей силѣ и не подозрѣвая смѣлой дерзости, безпечно лежали въ дрейфѣ и наши пароходы въ близкомъ отъ нихъ разстояніи благополучно миновали ихъ. Передъ Гангеудомъ также видпѣлись непріятельскіе пароходы и храбрый комендантъ, генералъ-маіоръ Моллеръ, не подозрѣвая, чтобы русскій отрядъ съ такимъ пренебреженіемъ къ непріятельской силѣ могъ отважиться на плаваніе, остановилъ нашъ отрядъ тремя пушечными выстрѣлами. Но скоро дѣло объяснилось къ общей радости. Въ 10 часовъ вечера отрядъ былъ уже въ Або, гдѣ также не хотѣли вѣрить неожиданному появленію русскихъ пароходовъ [1]). Другой примѣръ беззавѣтной преданности своему долгу представилъ экипажъ корабля «Россія». Но о немъ рѣчь еще впереди.

Въ ожиданіи кампаніи 1855 г.

Кампанія 1854 г. была закончена: въ октябрѣ непріятельскій флотъ ушелъ изъ Балтійскаго моря. Но война продолжалась, а потому приходилось думать о средствахъ защиты. Въ ожиданіи возвращенія флотовъ западныхъ державъ, у насъ чинились, возводили новыя укрѣпленія, строили суда, набирали и передвигали воинскія части. Въ декабрѣ 1854 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ экстренномъ сооруженіи къ навигаціи 1855 г. 38 винтовыхъ канонерскихъ лодокъ, которыя должны были составить шхерную паровую флотилію. Лодки строились въ пяти разныхъ пунктахъ и къ сроку были окончены [2]).

Въ 1855 году, французскій адмиралъ Пено писалъ: «Мы стоимъ противъ непріятеля дѣятельнаго, умѣющаго усилить свои средства и наносить намъ вредъ. Вы вѣрно не оставите безъ вниманія, что

[1]) Дополненіе къ разсказу Н. Шеншина о поѣздкѣ его на Аландскіе острова въ 1854 г. Вадимъ Романовъ. «Русскій Архивъ» 1864 г., вып. V и VI, стр. 624—626. [2]) «Обзоръ дѣятельн. морск. управл.», т. I, стр. 423.

паровыя канонерки, столь быстро построенныя русскими, и которыхъ число вскорѣ можетъ еще увеличиться, совершенно измѣнили наше положеніе въ отношеніи къ противнику. Мы теперь должны не только думать о нападеніи, но и заботиться о собственной защитѣ, потому что у русскихъ больше канонерскихъ лодокъ, нежели у англичанъ» [1]. Изъ этого признанія видно, что зимой воспользовались для восполненія замѣченныхъ недочетовъ.

Въ манифестѣ 14-го декабря 1854 г. выражена была увѣренность въ томъ, что если обстоятельства потребуютъ, то всѣ сословія принесутъ жертвы для чести и славы отечества. 29-го января 1855 г. сословія Россіи призывались къ участію въ государственномъ подвижномъ ополченіи. Русское сердце сейчасъ же, конечно, отозвалось: 323 дружины выросли, какъ изъ земли.

Первая С.-Петербургская дружина государственнаго ополченія приняла участіе въ дѣлѣ, бывшемъ подъ Выборгомъ 1-го іюля 1855 г. Честь быстрой организаціи ея принадлежитъ Петербургскому дворянству. Первое собраніе этого дворянства состоялось въ февралѣ 1855 г. и тогда же ст. сов. Яковлевъ далъ на ея расходы, въ запечатанномъ пакетѣ, 300,000 руб. Начальникомъ ея дворянство избрало ген.-м. Струкова, который принялъ это назначеніе, не взирая на свои лѣта, большую семью и значительное состояніе. Ротными командирами были избраны: д. с. с. и камергеръ Булычевъ (съ чиномъ маіора), полк. кн. Шаховской, маіоръ Сороченко и маіоръ Шауманъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ ополченія оставили свои мѣста по гражданской службѣ, чтобы стать въ ея ряды. Дружиннымъ адъютантомъ состоялъ Андрей Байковъ, въ чинѣ штабсъ-капитана. Онъ же явился историкомъ сего ополченія [2]. (Впослѣдствіи онъ занималъ должность городского головы въ Ростовѣ-на-Дону).

Дружина № 1 государственнаго ополченія «называлась аристократическою», —говоритъ В. Д. Кренке: офицеры въ ней были изъ хорошихъ фамилій, богатые и хорошо образованные, нижніе же чины изъ мѣщанъ самой столицы, бойкіе, смышленые и на половину такіе мошенники, за которыми нуженъ былъ постоянный и бдительный присмотръ» [3]. Дружина черезъ Сестрорѣцкъ и Лахту направилась въ Финляндію. Ратниковъ усадили по 4 и 5 человѣкъ на телѣги. Въ Кивинебѣ былъ привалъ. Въ Кюроля (Красномъ Селѣ) ночевали, сдѣлавъ въ первый день 52 версты. На другой

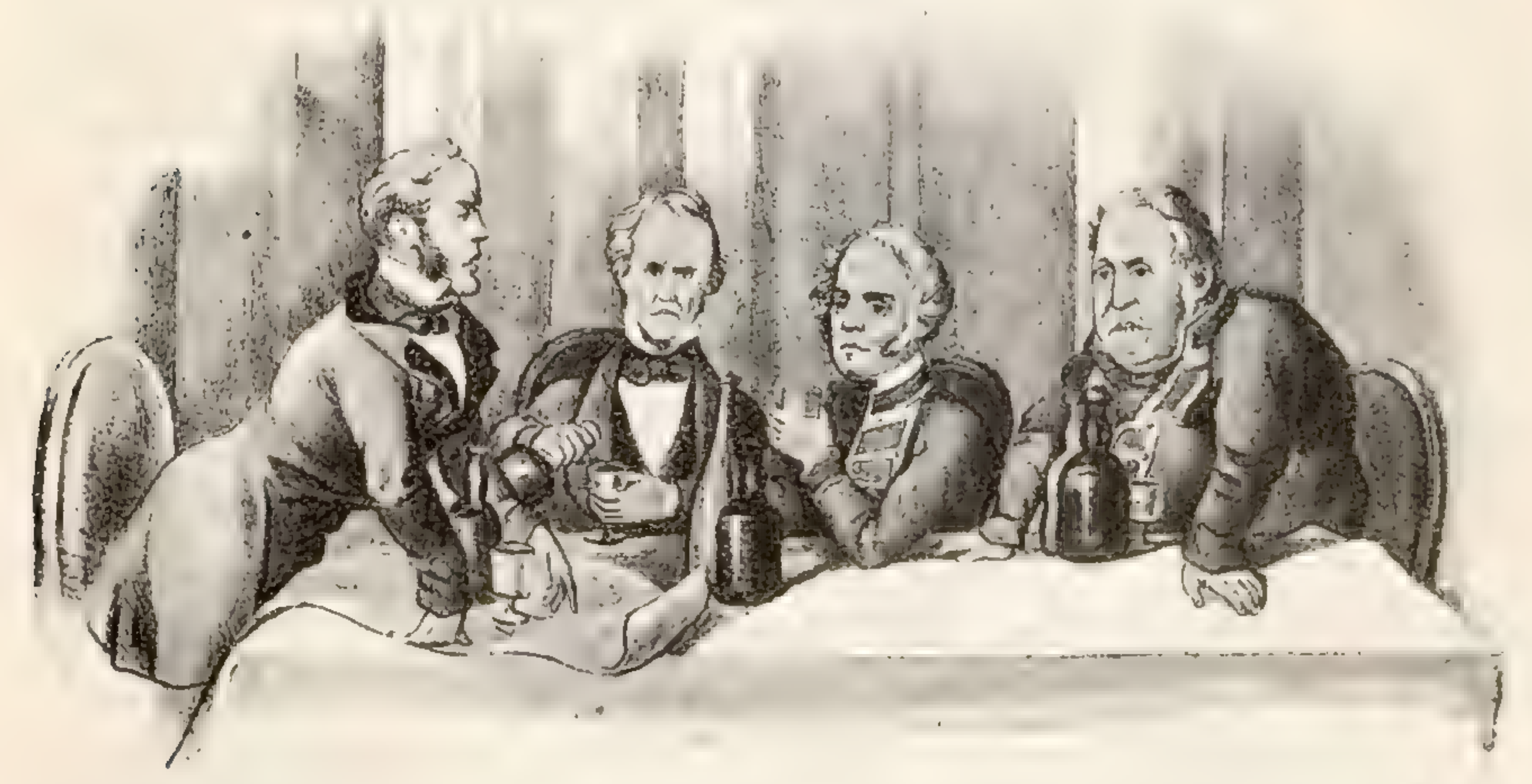
[1]) «Обзоръ дѣятельности морского управл. въ Россіи (1855—1880), ч. II, стр. 974. [2]) «Военный Сборникъ» 1867 г., № 5, стр. 109—144. [3]) В. Д. Кренке, стр. 143.

Ге! Ге! Ге!.. Какъ тутъ крѣпко... нажива плохая! Видно завтракъ въ портахъ придется уступить французамъ.

Рисунокъ Н. Степанова.

Послѣобѣденная логика и мужество представителей Европейской цивилизаціи передъ отправленіемъ Непира на пиратство въ Балтійское море.

Пальмерстонъ. Россія—государство слабое. Флотъ ея—мечта, войско—мыльные пузыри, а потому непремѣнный долгъ нашъ и всѣхъ Европейскихъ правительствъ соединиться и общими силами сокрушить ее. Браво!.. Браво!..

Непиръ. А я поставлю себѣ въ обязанность съ ввѣреннымъ мнѣ флотомъ *завтракать въ Кронштадтѣ, обѣдать въ Петербургѣ и ужинать въ Москвѣ.* (Да здравствуетъ непобѣдимый флотъ).

Рисунокъ Н. Степанова.

день прибыли въ Выборгъ. На походѣ пѣли. За три версты до города построились. Въ городѣ были встрѣчены губернаторомъ. Ратниковъ угостили водкой и дали по булкѣ. Затѣмъ они, вмѣстѣ съ другими войсками, участвовали въ фортификаціонныхъ работахъ.

Кромѣ дружины, въ защитѣ Финскаго побережья у Выборга принимали участіе еще вольные стрѣлки. Ихъ наняли въ ограниченномъ числѣ, всего 100 чел., снабдили казеннымъ оружіемъ и платили по 1 рублю въ день [1]). Уже 8-го (20-го) мая 1854 г. Выборгскій губернаторъ, ген.-м. Теслевъ, ходатайствовалъ о выдачѣ 200 ружей для вольныхъ стрѣлковъ, коихъ предполагалось призвать для содѣйствія въ оборонѣ шхеръ. Государь соизволилъ на это ходатайство. (Отн. канцеляріи воен. министерства 17-го мая 1854 г. за № 7899; архивъ Финл. воен. окр.).

Извѣстный поэтъ и патріотъ гр. А. К. Толстой также хлопоталъ объ организаціи особаго отряда для борьбы съ непріятелемъ въ Финскомъ заливѣ. «У меня является возможность ѣхать въ шхеры»,—писалъ онъ еще 18-го іюня 1854 г.); «я провелъ весь день съ Алексѣемъ Б.: мы хотимъ каждый вооружить 40 человѣкъ, и, быть можетъ, мы найдемъ еще любителя, который вооружилъ бы столько же... У меня много дѣла и столько пустяковъ по нашей экспедиціи—всего этого можно было бы избѣгнуть, если просто принять за образецъ финскихъ стрѣлковъ, которые у насъ подъ носомъ Петербурга» [2]). Эта мысль сильно увлекла нашего поэта. Онъ заказалъ 40 карабиновъ, искалъ порохъ, хлопоталъ по набору людей, для чего ѣздилъ въ Гельсингфорсъ, и не забылъ крестьянъ своей Пустыньки, Черниговской губерніи. Обдумывая планъ дѣйствія, онъ остановился, видимо, на томъ, чтобы устроить все подъ предлогомъ прогулки на яхтѣ въ шхерахъ. При успѣхѣ, онъ предполагалъ испросить полномочія на партизанскія дѣйствія. Однако, въ способахъ дѣйствія, онъ не могъ договориться даже съ военными авторитетами [3]).

Насколько возможно судить объ общемъ настроеніи по частнымъ письмамъ и дневникамъ, оно не было испорчено прошлогоднимъ «визитомъ» англичанъ и французовъ въ Балтійскія воды. О бодромъ духѣ свидѣтельствуютъ также карикатуры и стихи того времени.

«Журналы и газеты запада истекаютъ желчью»,—писалъ По-

---

[1]) Тамъ же, стр. 87 и 91. [2]) Что подразумѣвалъ тутъ гр. Толстой, осталось неизвѣстнымъ. [3]) «Вѣстникъ Европы» 1897 г., апрѣль.

годинъ.—«книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артилерію и вотъ составляется легіонъ общественнаго мнѣнія противъ Россіи, въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ» [1]). Н. Х. Граббе прибавляетъ, что мы были оставлены «въ добычу насмѣшкамъ и сужденіямъ европейскихъ газетъ и демагоговъ». Въ военное время серьезное дѣло особенно охотно перемѣшивается съ насмѣшкой.

Западъ изощрялся въ насмѣшкѣ надъ нами: мы платили тѣмъ же. Въ 1853 году въ Парижѣ давали пьесу подъ названіемъ «Казаки», въ которой это войско смѣшивалось съ грязью. И Наполеонъ III изъ своей ложи взиралъ на пораженіе казаковъ въ театрѣ «De la Gaité».

Приходится признать, что наши карикатуры и стихи, имѣвшіе цѣлью осмѣять непріятеля, не отличались ни остроуміемъ, ни легкостью и игривостію языка. Усердія наши стихослагатели проявили много, но при отсутствіи у нихъ ума, находчивости и сатирическаго дарованія произведенія ихъ выходили тяжелыми и неуклюжими. Въ стихотвореніяхъ мишенью попытокъ на остроты служили обыкновенно Пальмерстонъ и «Карлушка» Непиръ, рѣже—Дондасъ и другіе извѣстные дѣятели и, наконецъ, финляндцы съ ихъ дурнымъ произношеніемъ русскихъ фразъ и словъ. Стихотворенія эти назывались: «Дондасъ въ Балтійскомъ морѣ», «Бомбардированіе Свеаборга или великая морская побѣда англичанъ», «Переписка Непира съ Пальмерстономъ», «Непиръ у Кронштадта», «Жалоба чухонца», «Воздушное путешествіе Непира на Кронштадтъ», «Смѣхъ чухонца», «Дондасъ и чухонецъ» (Пѣсня финскихъ рыбаковъ. 1855 г.), «Замыслы Пальмерстона или и великъ союзъ, да толку мало» (1854 г.), «Англійскія извѣстія или встрѣча Непира», «Подвигъ англичанъ на Балтійскомъ морѣ» (1854). Въ Москвѣ былъ изданъ сборникъ стихотвореній «Англичане въ Троянской брани 1854 г.». Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, появились и польки, и вальсы, и романсы на современные мотивы: «Смѣхъ чухонца», муз. К. Лядова («Маймистъ плакалъ, горевалъ»); Иванъ Гунгль и А. Абрамовичъ также изощряли свои фантазіи, составивъ «Чухонскую польку» на мотивъ «Плачь чухонца» («Лайба былъ моя не пустъ»). На эти слова имѣлась также музыка В. Самойлова. Заглавные листы нотъ были украшены рисунками финновъ (финнъ въ шляпѣ, финнъ приплясывающій и т. п.). Не забыты были и акростихи на Непира и другихъ ге-

[1]) Н. Барсуковъ, т. XIII, стр. 90.

Офицеръ читаетъ рапортъ Адмирала Плумриджа. „Адмиралъ, имѣю честь донести, что флотъ нашъ, не найдя въ Улеоборгѣ и Брагештатѣ ни одного русскаго солдата, увѣнчался новыми подвигами храбрости и великодушія. При семъ препровождаются побѣдные трофеи: баркасъ съ солью и саломъ... Истребляя и расхищая собственность частныхъ лицъ, мы щадили жизнь ихъ... Русскіе же напротивъ выказали при Гамле-Карлебю все свое варварство. Они выставили противъ нашихъ 9 вооруженныхъ баркасовъ, двѣ пушки, одного офицера и безпощадно поразили въ рядахъ нашихъ 100 несчастныхъ жертвъ“.

Непиръ. „Годдамъ! жизнь храбрыхъ моряковъ нашихъ дорога. Для подобныхъ случаевъ надо вытребовать французскій десантъ—да позначительнѣй.—Подставлять подъ пули и проливать кровь — дѣло французовъ, а мы, какъ видите, и вина даромъ не прольемъ“.

Рисунокъ Н. Степанова.

роевъ дня. Едва ли не лучшимъ изъ стихотвореній являлся «Непиръ у Кронштадта», написанное И. Татариновымъ, но и оно въ сущности было подражаніемъ.

Вотъ образцы Татариновскихъ стиховъ:

«Собралися англичане,
Для повадки—французжане
Съ Русью воевать...
И пришедши въ наше морѣ,
На свободѣ, на просторѣ,
Ну, лавировать...

Мы давно васъ поджидаемъ...
Ужъ гостинцы припасаемъ—
Здѣсь не Брагестадтъ.
Нѣтъ не взять, Непиръ, столицу
На Крыловскую «Спицу».
Сходепъ богатырь!...»

Это, повторяемъ, наиболѣе складное стихотвореніе. Въ массѣ же они, очевидно, были предназначены лишь для улицы и малограмотныхъ, которыхъ можно было занимать разсказами о томъ, какъ легче всего англичанамъ попасть въ Кронштадтъ. При этомъ совѣтовалось имъ навязать аэростаты къ мачтамъ своихъ кораблей и такимъ образомъ, поднявъ ихъ вверхъ птицами, спустить на Кронштадтъ. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о тѣхъ безсмысленныхъ виршахъ, которыми наполнялись страницы брошюрокъ, приведемъ слѣдующее четырехстишіе:

«Я сухонецъ молодецъ,
Свіаборгская купецъ,
Англисанина надулъ,
Отъ него я улиснулъ
Ха, ха, ха, улиснулъ,
Росто лихо какъ махнулъ!»

Наиболѣе талантливымъ въ области карикатуры былъ, несомнѣнно, Н. А. Степановъ [1]). Изъ подъ его карандаша вышли, между прочимъ, карикатуры, приложенныя къ настоящей статьѣ.

Кампанія 1855 г.

Съ открытіемъ навигаціи, началась кампанія 1855 г.—Непиръ былъ смѣненъ. Его мѣсто занялъ адмиралъ Ричардъ Дондасъ. Подъ его начальствомъ было 62 вымпела и 1.640 орудій. Французскій адмиралъ Пенó привелъ съ собой 8 судовъ разныхъ размѣровъ. Первыми въ Балтійскомъ морѣ — въ началѣ апрѣля — были опять англичане. Отъ имени своихъ правительствъ адмиралы Дондасъ и Пенó объявили блокаду всѣхъ русскихъ портовъ. Кампанія 1855 г.

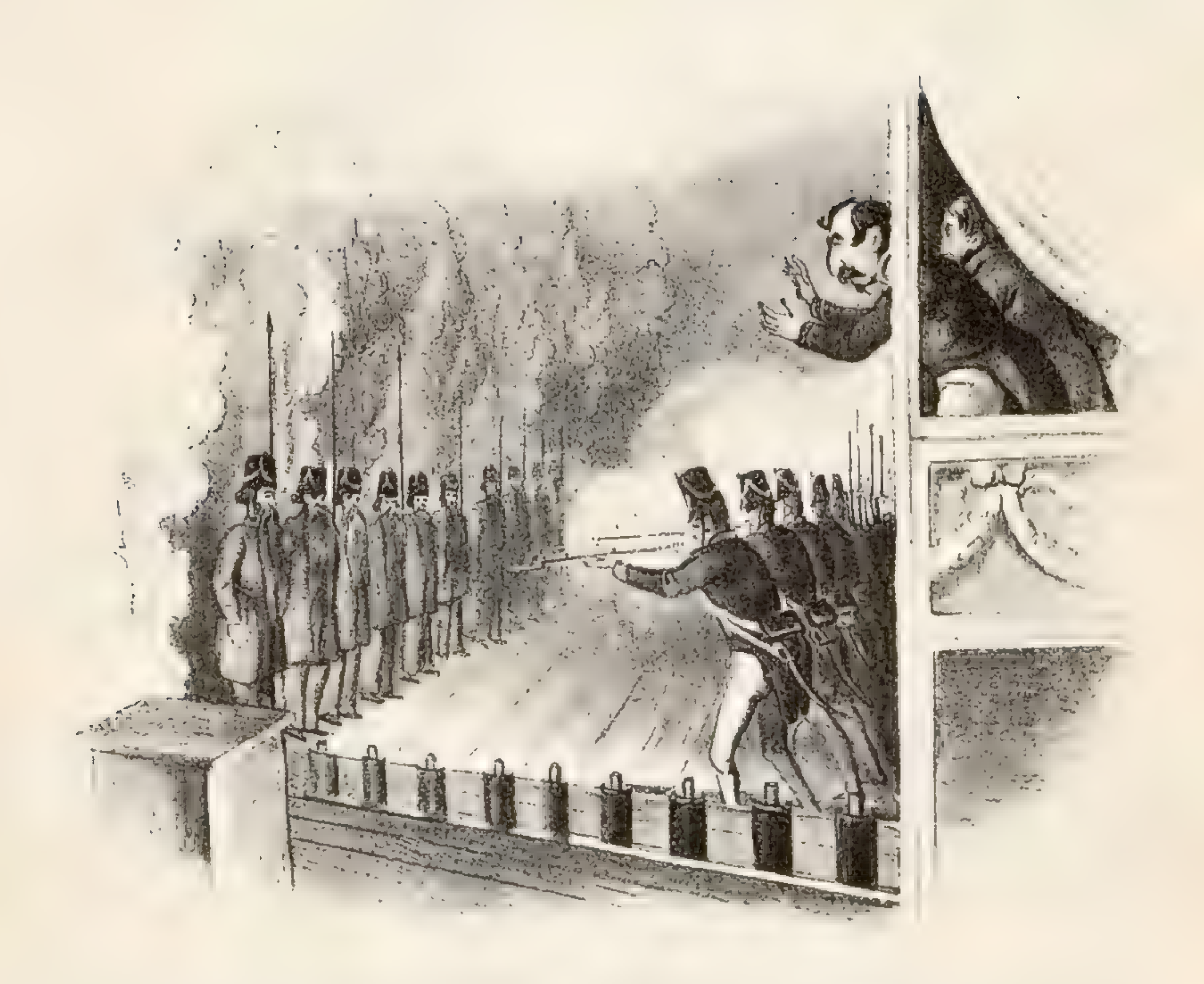
---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1891 г., мартъ.

началась такимъ же безцѣльнымъ плаваніемъ союзнаго флота по Балтійскому морю, какъ и въ предыдущемъ году. Объ этомъ мы узнаемъ изъ рескриптовъ Государя Императора князю М. Д. Горчакову въ Крымъ. 19-го мая 1855 г., напр., Его Величество соизволили сообщить: «Здѣсь англійскій флотъ приблизился къ намъ и сталъ на якорь за Красной Горкой, вѣроятно, въ ожиданіи присоединенія французскаго. Въ Кронштадтѣ, гдѣ я былъ на дняхъ, все готово къ ихъ принятію: какъ сухопутныя, такъ и морскія войска, горятъ желаніемъ показать себя достойными своихъ севастопольскихъ товарищей. («Рус. Стар.», 1883 г., іюль, 198). То же почти повторено въ рескриптѣ отъ 15-го іюня 1855 г. Въ рескриптѣ отъ 22-го іюня 1855 г. читаемъ: «Здѣсь, кромѣ малыхъ частныхъ бомбардированій приморскихъ телеграфовъ, непріятельскій флотъ еще ничего не предпринималъ и стоитъ, по прежнему, частью въ виду Кронштадта и частью въ виду Ревеля».

Изъ частнаго письма поэта Ѳ. И. Тютчева отъ 25-го іюня 1855 г. узнаемъ, что съ непріятелемъ «на этихъ дняхъ дѣятельно обмѣнивались парламентерами. Среди другихъ нелѣпыхъ требованій, обращенныхъ къ намъ, одно довольно своеобразно. Это просьба, чтобы мы предоставили имъ клочекъ нейтральной земли, гдѣ англійскій экипажъ могъ бы предаваться своей любимой игрѣ, крикету. Всѣ попытки, сдѣланныя ими до сихъ поръ въ здѣшнихъ водахъ, не серьезнѣе этого требованія. Недавно они обстрѣливали нѣсколько финскихъ барокъ въ двухъ верстахъ отъ Ораніенбаума, затѣмъ попытались сдѣлать нападеніе на Сестрорѣцкъ; но все это вяло и безъ успѣха. (Рус. Арх. 1899 г., III, 512). 2-го іюля Государь писалъ кн. М. Д. Горчакову, что «слухъ о 50,000-мъ французскомъ десантѣ для Балтики снова возобновился». Вездѣ замѣчались повторенія прежнихъ некрасивыхъ способовъ дѣйствія по отношенію къ мирному населенію. У *Гатсудда* въ концѣ мая англичане злоупотребляли парламентерскимъ флагомъ. 20-го іюня и 6-го іюля нов. ст. обстрѣливали *Нюстадтъ*, который отказался выслать мясо по требованію англичанъ. Убили старика, а одна женщина лишилась ноги. 21-го іюля нов. ст. жгли и грабили *Котку*; 25-го іюля нов. ст. въ *Раумо* уничтожили 3 судна, 54 зданія и склада. Подобные же подвиги, неразлучные съ именемъ англичанъ, — совершены были въ *Брендо*, *Рефсъ-о* (у Бьернеборга) и около *Улеоборга*. Такое поведеніе продолжалось до 21-го ноября, когда непріятель около *Уто* взялъ 6 нагруженныхъ судовъ и два изъ *Або*.

4-го іюля нов. ст. непріятель взорвалъ старыя укрѣпленія

Наполеонъ III, за неимѣніемъ II, невидавшій другого непріятеля кромѣ своихъ заимодавцевъ, одерживаетъ въ театрѣ блистательныя побѣды надъ казаками.

Рисунокъ Степанова.

Свартгольма, расположенныя въ виду г. Ловизы на отдѣльномъ островѣ [1]).

Случилось такъ, что 5-го іюня, т. е. въ то время, когда непріятельскія суда находились около Свартгольма, въ *Ловизѣ* произошелъ большой пожаръ, истребившій значительную часть города. Пожаръ приписали дѣйствію конгревовыхъ ракетъ непріятеля. При указанныхъ обстоятельствахъ военнаго времени все это казалось весьма естественнымъ. Недостаточно провѣренныя извѣстія проникли въ печать съ нѣкоторыми измышленными подробностями. А именно, тогда писали, что англичане, въ числѣ сотни человѣкъ, напали на беззащитный городъ, превратили его въ груду пепла, оставивъ до 2-хъ тыс. народа безъ крова и пищи подъ открытымъ небомъ [2]).

Финляндцы С. Г. Эльмгренъ и Авг. Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ о войнѣ 1854—55 гг. поставили пожаръ г. Ловизы въ прямую связь съ тѣми лѣсными пожарами, которые опустошили Финляндію. «Къ событіямъ невоеннаго характера, надо отнести одинъ печальный фактъ сего чудеснаго лѣта,—это совершенное почти уничтоженіе г. Ловизы пожаромъ 5-го іюля» [3]). Стокгольмская газета «Aftonbladet», особенно враждебно относившаяся къ финляндскому генералъ-губернатору гр. Бергу, опредѣленно стала (въ 1857 г.

[1]) Свартгольмскій замокъ былъ основанъ шведами послѣ 1743 г.—Островъ, на которомъ былъ построенъ замокъ, находится у входа въ заливъ г. Ловизы. Къ укрѣпленію острова побудила война, которая перенесла русскую границу въ 1743 г. на рѣку Кюменъ. Задумано было тогда же укрѣпленіе города Ловизы, но потомъ оставлено и рѣшено было озаботиться лишь созданіемъ морской позиціи.

Въ 1774 г. на островѣ находилось четыре бастіона. Видимо, что постройки велись одновременно съ возведеніемъ Свеаборга.

Въ 1792 г. въ укрѣпленіи находилось 280 орудій.

1808 г. за стѣнами бастіоновъ имѣлся гарнизонъ въ 700 чел.

Въ февралѣ нашъ отрядъ ген.-м. Муханова приступилъ къ обложенію Свартгольма.

5-го марта 1808 г. комендантъ, маіоръ Грипенбергъ, сдалъ крѣпость.

Финны были распущены по домамъ; но во время народнаго возстанія они дѣйствовали противъ русскихъ силъ.

Въ 1819 г. Свартгольмъ состоялъ въ 4-мъ классѣ нашихъ крѣпостей.

Значеніе укрѣпленія можно опредѣлить цифрой расхода на него: — съ 1818 по 1840 гг. она обошлась казнѣ всего въ 389,748 р. ассигнаціями.

[2]) Journal de St.-Pétersbourg 1855 г., № 145.

Сборн. Н. Путилова, кн. XXX, 72—73. Abo Underrättelser 1855 г., № 55.

[3]) Статья J. G. Elmgrena въ журналѣ Historiallinen arkisto, т. X, 1890 г., стр. 249.

Aug. Schauman. Fran sex—artionden; 1893, тетрадь 6, стр. 166.

обвинять его въ измышленіи невѣрнаго разсказа объ истребленіи Ловизы англичанами.—Въ настоящее же время устанавливается, что ни тѣ, ни другіе не правы въ своихъ заявленіяхъ. Въ ночь съ 5-го на 6-е іюля 1855 г., совершенно независимо отъ лѣсныхъ пожаровъ, загорѣлся домъ купца Сундмана (Sundman) и, несмотря на всѣ старанія жителей потушить его, огонь передался сосѣднимъ строеніямъ и лучшая часть города, состоявшая изъ 90 домовъ, выгорѣла. Пожаръ произошелъ во время войны,—пишетъ составитель описанія г. Ловизы, Dr. Georg Öhman. — Англійскій флотъ находился около Свартгольма. Было удобно приписать вину возникновенія огня ракетамъ, якобы брошеннымъ съ этого флота. Между тѣмъ это было не такъ (Sa var emellertid ej fallet) [1]). Напротивъ, нѣкоторые утверждаютъ, что англичане предложили даже свои услуги по тушенію пожара, но ихъ помощь была отклонена [2]).

Выборгъ въ 1855 г.

Когда обнаружилось, что непріятель готовится посѣтить Балтійское море, стали наскоро приводить въ оборонительное положеніе наши береговыя укрѣпленія. Съ этою цѣлью въ Выборгъ былъ посланъ генералъ-адъютантъ Огаревъ. Въ концѣ 1854 г. онъ донесъ, что Выборгъ готовъ къ оборонѣ и остается только желать, чтобы непріятель дерзнулъ напасть на него. Донесеніе ген. Огарева было, конечно, принято во вниманіе, а потому комисія, составлявшая въ Петербургѣ инструкціи для крѣпостей Имперіи, въ наставленіе для Выборга вписала (ст. 3): «Выборгская крѣпость, по Высочайшему повелѣнію, уже приведена въ полное оборонительное состояніе, снабжена надлежащимъ гарнизономъ, вооруженіемъ и всѣми военными и продовольственными запасами. Посему о сихъ предметахъ въ семъ наставленіи не упоминается» [3]). На дѣлѣ же оказалось, что вся забота ген. Огарева ограничилась приведеніемъ въ большій порядокъ внѣшняго вида укрѣпленій: на брустверахъ была скошена трава и поставлены дерновыя заплаты, которыя къ веснѣ вновь обвалились, множество дорогаго лѣса было потрачено на палисадъ, которымъ прикрыли опасныя мѣста съ моря и съ поля, но самый палисадъ остался совершенно открытымъ. Безцѣльно построено было

[1]) G. Öhman. Badorten Lovisa jämte omnäjd. H—fors, 1891 г., стр. 32 — 34. [2]) Vägvisare i Finland; Dr. Aug. Ramsay; H—fors, 1895 г. стр. 134. [3]) Архивъ Главнаго Инженернаго Управленія.

десятка два блиндажей, въ родѣ навѣсовъ для сѣна... [1]) А между тѣмъ Выборгу нельзя было не придавать особаго значенія, по близости его къ Петербургу и по связи его съ остальной Финляндіей.

Въ апрѣлѣ 1855 г. Выборгъ былъ вновь осмотрѣнъ инженеромъ В. Д. Кренке. Изъ его донесеній видно, что крѣпость, завоеванная Петромъ Великимъ, была совершенно запущена и требовала значительныхъ затратъ денегъ и времени, чтобы привести ее въ маломальски пригодный видъ. Выборгская крѣпость состояла изъ 9 бастіонныхъ фронтовъ главной крѣпости, Короно-Санктъ-Аннинской крѣпости и Шлосскаго замка. По отчету, представленному Государю Императору Николаю I, по случаю 25-ти лѣтія Его царствованія, въ крѣпости въ 1850 г. должно было находиться на лицо 398 орудій, 240 лафетовъ и станковъ и 67,750 снарядовъ [2]). Кромѣ того, въ Выборгѣ имѣлись помѣщенія на 3,095 человѣкъ и 14,500 пудовъ пороха. Но въ дѣйствительности Выборгъ крайне нуждался во всемъ: въ порохѣ, орудіяхъ, укрѣпленіяхъ, загражденіяхъ, флотѣ и пр. По отчетамъ недоставало всего 5,255 зарядовъ, но въ дѣйствительности Выборгъ не имѣлъ ни одного заряда, потому что на приготовленные заряды употребленъ былъ порохъ старинной финляндской заготовки, оставшійся отъ войны 1808—1809 гг. Мало того, этотъ порохъ оставался не испытаннымъ. О силѣ его дѣйствія узнали случайно. Понадобилось удостовѣриться въ подготовкѣ артиллерійской прислуги [3]). Произвели нѣсколько выстрѣловъ и что же? Ядра ложились отъ орудія въ 100, въ 50 и даже въ 20 саженяхъ! При чтеніи этого донесенія у генерала Ридигера невольно вырвалось восклицаніе: «Это вѣдь ужъ болѣе чѣмъ возмутительно!.. Ну что будетъ, если Выборгу придется дѣйствовать прежде, чѣмъ поспѣетъ порохъ».

Съ орудіями въ 1854 г. распорядились слѣдующимъ образомъ: лучшія изъ нихъ, новыя, поставили на сухопутныхъ фронтахъ и на флангахъ морскихъ фронтовъ, гдѣ для нихъ не было никакого обстрѣла, а для встрѣчи непріятельскаго флота прямыми выстрѣлами, поставили старыя орудія весьма плохого качества. Крѣпостные валы находились въ первобытномъ видѣ, амбразуры были столь мелки, что не прикрывали орудій съ лафетами, люди остава-

---

[1]) В. Д. Кренке, стр. 83 — 84. [2]) Сборн. Импер. Историч. Общества, т. 98, стр. 394. [3]) А провѣрка эта была, конечно, крайне необходима, ибо въ томъ же Выборгѣ, какъ разсказывалъ намъ очевидецъ, были случаи когда, заряжая орудіе, сперва вкладывали ядро, а затѣмъ порохъ... И не удивительно: пѣхотинцевъ приходилось ставить къ орудіямъ безъ всякой подготовки.

лись также безъ надлежащихъ закрытій, въ виду отсутствія траверсовъ и блиндажей. Частныя зданія столь близко примыкали къ укрѣпленіямъ, что представлялись опасными въ пожарномъ отношеніи. Для блиндажей въ крѣпости не имѣлось запаснаго лѣса. Въ госпиталѣ, устроенномъ на линіи Сайменскаго канала, не имѣлось ни врачебнаго персонала, ни медикаментовъ.

Военнымъ губернаторомъ Выборга состоялъ генералъ-маіоръ Теслевъ, человѣкъ разумный, спокойный и проявившій большую энергію въ дѣлѣ приведенія укрѣпленій въ оборонительное состояніе, но онъ, какъ не знакомый съ инженерною частью и артиллерійскимъ дѣломъ, нуждался, конечно, въ помощникахъ, а на его бѣду начальникъ артиллеріи округа генералъ-лейтенантъ Волжинскій и начальникъ Выборгской крѣпостной артиллеріи полковникъ Ляпуновъ не соотвѣтствовали своему назначенію: первый былъ старъ (70 лѣтъ), а второй хотя и прекрасный человѣкъ, но совершенно больной. Командиръ же Выборгской инженерной команды полковникъ Горскинъ оказался едва ли не душевно больнымъ. Командиръ 3-го учебнаго карабинернаго полка полковникъ Смогаржевскій понималъ толкъ только въ носкѣ, учебномъ шагѣ и ружейныхъ пріемахъ. Саперовъ въ Выборгѣ не было.

Приморскія укрѣпленія Выборга оказались въ лучшемъ состояніи, но и они потребовали много работъ для исправленія и надлежащаго загражденія проходовъ въ Выборгскій заливъ.

Съ апрѣля 1855 г. работа закипѣла въ разныхъ частяхъ. «Разшевелились всѣ, не только военные, но и мирные жители Выборга». До 1.000 рабочихъ ежедневно выходило на укрѣпленія. Жители не помнили такого оживленія въ городѣ. Исподволь составъ начальства былъ перемѣненъ. Главное вниманіе обращено было на охраненіе Выборга со стороны моря [1]). Транзундскій проливъ, наиболѣе глубокій и удобный для прохода, былъ загражденъ довольно надежно и кромѣ того охранялся сотнею нанятыхъ вольныхъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ лѣсничаго Гука, которые получили казенные штуцера, по 50 патроновъ на человѣка и опредѣленное жалованье. *Пильскій* проливъ заградили каменной гатью, потопленными канонерскими лодками, бонами, канатомъ и цѣпью. Кромѣ того на островахъ Хинкусъ и Равенсари построили батарею на 6 и на 4 орудія. Равенсари очистили отъ лѣса.

---

[1]) Въ городской библіотекѣ, при содѣйствіи бургомистра Орна отыскали планъ Выборга Петровскаго времени. Оказывается, что уже при Петрѣ берега Транзунда были покрыты батареями.

Ни одного орудія на этомъ островѣ до 1-го іюля не было [1]). Для обстрѣливанія Транзундскаго и Пильскаго проходовъ возвели на островѣ Николаевскомъ или Турки-Саари, приходящемся на главномъ фарватерѣ Выборгскаго залива, еще батарею на 8 орудій. Тутъ же расположено было 8 канонерскихъ лодокъ. Случилось такъ, что эту батарею пришлось вооружать въ день появленія непріятеля въ Транзундскомъ проливѣ.

Ніемильскій проливъ представлялся наименѣе опаснымъ по своему мелководью и каменистому фарватеру. Загражденія его признавались достаточно обезпеченными.

Послѣ работъ 1855 г. Выборгская крѣпость оказалась готовой къ встрѣчѣ непріятеля, хотя многое еще не успѣли закончить. Теперь союзники должны были встрѣтить сопротивленіе и не было опасенія, что укрѣпленія будутъ ими разрушены [2]).

Въ іюнѣ 1855 г. начальникомъ обороны сѣвернаго побережья Финскаго залива отъ Петербурга до Выборга былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Мерхилевичъ, полякъ, искавшій впослѣдствіе, во время бытности варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, популярности въ польской средѣ. Онъ хотѣлъ было, сообразно своимъ взглядамъ, распредѣлить работы по укрѣпленію, чѣмъ вызвалъ противъ себя значительное раздраженіе въ тѣхъ, которые ранѣе вели ихъ по строго обдуманному плану. Генералъ Мерхилевичъ не отличался ни достаточнымъ тактомъ, ни военными способностями. Онъ находилъ, что безъ всякой надобности укрѣпленія выдвинуты излишне далеко впередъ, и что достаточно было бы встрѣтить непріятеля съ острова Харки-Саари, чтобы не допустить его сжечь Выборга. Другими словами, онъ готовъ былъ отдать безъ боя англичанамъ Транзундъ и Пильскій проливъ, т. е. предоставить непріятелю свободно войти въ Выборгскій заливъ и лишить такимъ образомъ Выборгъ всякаго сообщенія съ моремъ. Такое намѣреніе инженеръ В. Д. Кренке признаетъ возможнымъ заклеймить названіемъ «предательскаго» [3]). По докладѣ Государю Императору предположеній генерала Мерхилевича, Его Величество соизволилъ повелѣть продолжить работы по прежде сдѣланнымъ указаніямъ.

1-го іюля 1855 г. около 1 ч. дня, къ Транзунду подошли три англійскихъ судна эскадры капитана Эльвертона. Фрегатъ «Аррогантъ» и корветъ «Мажисьенъ» остановились у Киркаеми, а ка-

[1]) «Военный Сборникъ» 1867 г., т. V, стр. 129. [2]) Всего въ Выборгской крѣпости въ это время было 222 орудія. [3]) Кренке, стр. 123.

понерская лодка «Рюби», сопровождаемая семью вооруженными баркасами, на которыхъ было около 700 человѣкъ, направились въ Выборгскій заливъ. Около 9-ти часовъ эта флотилія приблизилась къ острову Равенсари. Штуцерные Карабинернаго полка осыпали ихъ пулями, пароходъ «Тосна» и наши канонерскія лодки тоже открыли по нимъ пальбу. Одинъ непріятельскій баркасъ былъ подбитъ и сталъ тонуть. Его на буксирѣ отвели къ фрегату. За нимъ туда же послѣдовали и остальные баркасы. Послѣ этого фрегатъ «Arrogant» открылъ огонь по острову Равенсари, а съ баркасовъ принялись метать конгревовыя ракеты. Къ 10-ти часамъ вечера канонада прекратилась, а 3-го іюля, исправивъ свои поврежденія, непріятель удалился. Потери выразились: у насъ—1 убитый и 8 раненыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ того, былъ раненъ прапорщикъ Штальманъ; у англичанъ—убитъ только одинъ гардемаринъ Старей. Въ такомъ видѣ представляется Транзундское дѣло 1-го іюля по офиціальному отчету. Въ настоящее время, по обнародованіи разныхъ новыхъ данныхъ, имѣется возможность дополнить это описаніе нѣкоторыми подробностями.

Въ виду того, что въ донесеніяхъ двухъ начальниковъ Рудакова и Струкова встрѣчались разнорѣчивыя указанія, инженеръ-полковнику В. Д. Кренке предписано было немедленно представить обстоятельное описаніе дѣла 1-го іюля. Изъ его донесенія, а также изъ разсказа командира Выборгской крѣпостной артилеріи, капитана Эгерштрома [1]), вытекаетъ, что наши канонерскія лодки заняли позицію за островомъ Хиикусомъ, на высотѣ Николаевской батареи. 72 человѣка штуцерныхъ и сотня вольныхъ стрѣлковъ были разсыпаны по берегу Равенсари. На этомъ же островѣ находились еще двѣ роты С.-Петербургской № 1-й дружины, подъ командою полковника князя Шаховскаго, и 100 человѣкъ саперъ подъ командою штабсъ-капитана Воицнина. Одна рота Петербургской дружины, съ штабсъ-капитаномъ Галаховымъ, перевезена была на Николаевскій островъ. Англійская паровая канонерская лодка приближалась по обыкновенному Транзундскому фарватеру, придерживаясь берега Саніонъ-Саари, имѣя впереди финскую лодку съ рогожею, вмѣсто паруса. Канонерская лодка, остановившись передъ загражденіемъ, открыла огонь по пароходу «Тосна», который лишенъ былъ возможности отвѣчать по малому калибру своихъ орудій.

---

[1]) Нынѣ генералъ-отъ-артилеріи и заслуженный професоръ.

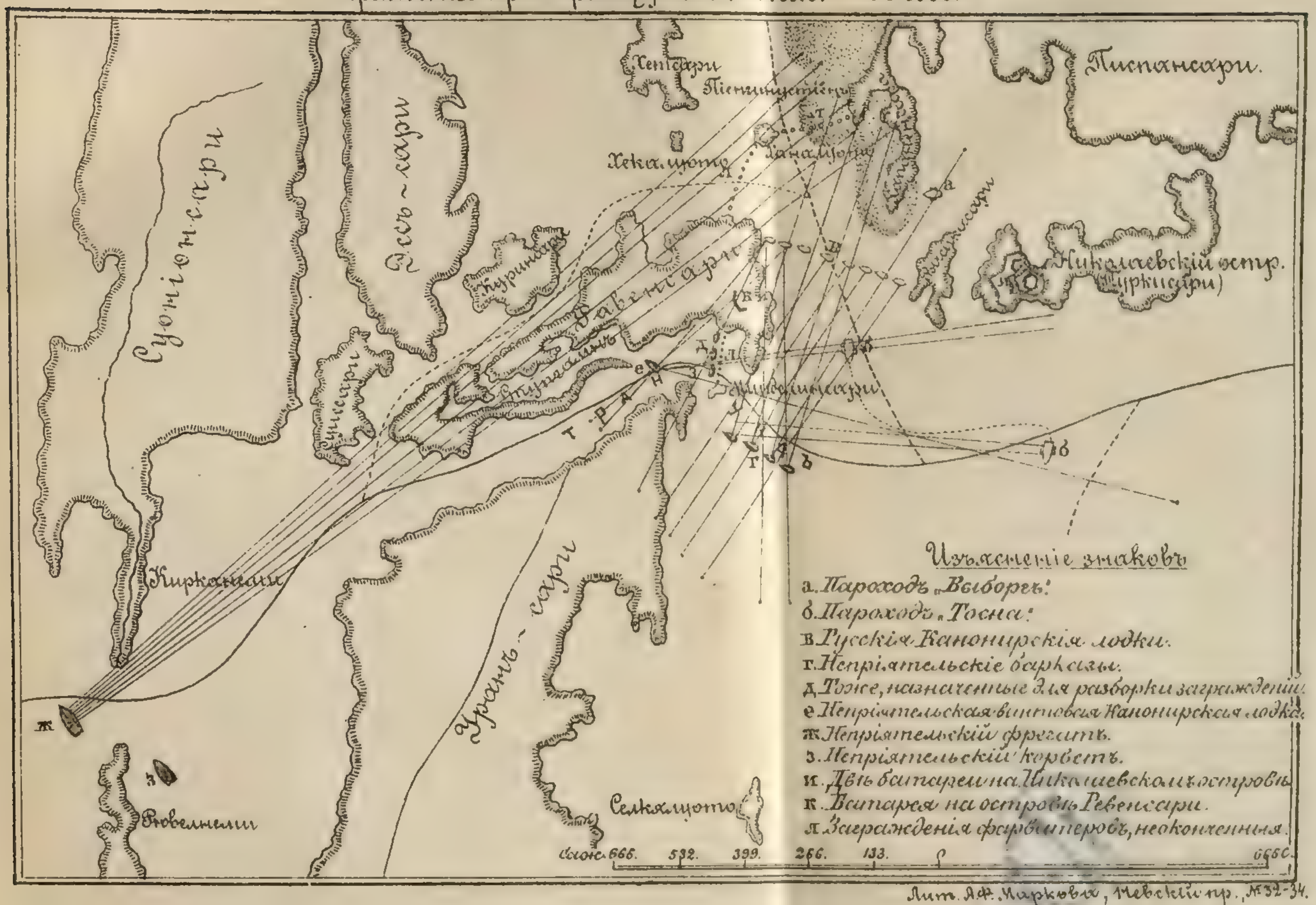
Въ это время наши 8 канонерскихъ лодокъ, подъ начальствомъ кап.-лейтенанта Флотова, выдвинулись впередъ и стали между островомъ Николаевскимъ и Равенсари. Но пока происходилъ этотъ маневръ, три непріятельскихъ баркаса успѣли преодолѣть транзундское загражденіе. Завязалась перестрѣлка между лодками и баркасами. Благодаря молодецкимъ распоряженіямъ Флотова, который лично разъѣзжалъ между канонерками на маленькомъ челнокѣ, наши лодки оправились и направили свой огонь столь удачно, что баркасы вынуждены были отступить. Однако, наибольшій уронъ непріятелю нанесли штуцерные съ острова Равенсари. Непріятель съ своей стороны успѣлъ зажечь на этомъ островѣ лѣсъ и нѣсколько хатъ. Ночью охотники изъ дружины № 1, графа Кутайсова, и матросы произвели рекогносцировку транзундскаго и пильскаго проходовъ. Вообще ополченцы подъ огнемъ непріятеля показали себя молодцами. Шутки и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Подъ конецъ ратники стали даже различать выстрѣлы по звуку. «Ничего ребята, наша!» говорили они, когда звукъ былъ громче, потому что наши лодки находились ближе къ намъ и на открытой мѣстности. «Держись, чужая!» сообщали они, и дѣйствительно надъ головой пролетала иностранная бомба или ракета. При раздачѣ наградъ ратники ополченія получили также нѣсколько знаковъ отличія военнаго ордена [1]).

На островѣ Турки-саари или Николаевскомъ происходило слѣдующее. Батарея была окончена постройкою и ее нужно было вооружить. 1-го іюля, пароходъ «Тосна», которымъ командовалъ прекрасный морякъ, капитанъ-лейтенантъ А. Н. Опочининъ, былъ отправленъ въ крѣпость за орудіями. «Тосна» попала въ Выборгскій заливъ, благодаря случайности. Опочининъ перевозилъ камень изъ Пютерлакса въ Кронштадтъ, для постройки форта. Непріятель, подкарауливъ его, погнался за нимъ. Барки съ камнями пришлось потопить и спасаться отъ англійскаго фрегата и французскаго корвета. Такимъ образомъ «Тосна» очутилась въ Выборгѣ. Теперь этотъ пароходъ буксировалъ барку съ орудіями. Съ этимъ рейсомъ генералъ-маіоръ Теслевъ и Струковъ также отправились въ Транзундъ. Не успѣли доплыть до острова, какъ по нимъ былъ открытъ непріятельскій огонь, такъ что разгрузку артиллеріи и постановку орудій на батарею пришлось произвести подъ

---

[1]) Байковъ. «Военный Сборникъ», 1867 г. т. V, стр. 128, 129 и др.

ПЛАНЪ
Сраженія при Транзундѣ 1го Іюля 1855 года

огнемъ. Дороги отъ берега до батареи по острову не было, платформа не была вполнѣ окончена и тѣмъ не менѣе наши молодцы-солдаты отлично справились со всѣми трудностями.

Въ дѣлѣ при Транзундѣ съ нашими канонерками повторилась старая исторія: неуклюжія лодки, имѣвшія по орудію на носу и на кормѣ, едва поворачивались, но наши моряки, по обыкновенію, выказались героями. Генералъ-маіоръ Теслевъ находилъ, что канонерскія лодки просто срамили насъ: онѣ двигались, какъ раки или черепахи; покуда одну лодку успѣютъ подать впередъ саженей на пять, другую отнесетъ теченіемъ назадъ саженей на десять. Если бы наши канонерки были сколько-нибудь подвижны, то онѣ не должны были бы пропустить непріятельскіе баркасы черезъ Транзундскія загражденія. Флотовъ, безспорно, прекрасный морякъ, но онъ выбился изъ силъ и ничего не могъ подѣлать съ лодками. На одной нашей канонеркѣ была повреждена корма, съ другой три раза сбивали флагъ, но юнкеръ Зеленецкій каждый разъ вылавливалъ его и поднималъ на новой палкѣ.

Въ августѣ непріятель вторично приходилъ на Транзундскій рейдъ. У насъ нашлись смѣльчаки, вызвавшіеся взорвать англійскій фрегатъ, и если это не было исполнено, то по причинѣ совершенно отъ нихъ независившей.

6-го іюня 1855 г. Государь, очень часто писавшій въ то время князю М. Д. Горчакову въ Крымъ, сообщилъ: «*Маленькая попытка на Выборгъ была на дняхъ удачно отбита*» [1]).

Генералъ Мерхилевичъ, докладывая Великому Князю Николаю Николаевичу о дѣлѣ 1-го іюля, находилъ дѣйствія канонерскихъ лодокъ прекрасными. На самомъ же дѣлѣ онѣ могли быть сколько-нибудь полезными только въ заливахъ со спокойной, стоячей водой, но въ шхерахъ, гдѣ этимъ плоскодонкамъ на веслахъ приходилось переходить морскую струю, онѣ дѣлались совершенно безполезными [2]).

Это мнѣніе полковника Кренке и генералъ-маіора Теслева вполнѣ раздѣлилъ затѣмъ и Великій Князь. Рѣшено было всеподданнѣйше доложить объ этомъ Государю Императору и испросить повелѣніе уничтожить эту номинальную флотилію, а орудіями воспользоваться для усиленія сухопутныхъ батарей. 11-го іюля 1855

---

[1]) «Русская Старина». 1883 г., іюль, стр. 207. [2]) Мнѣнія инженера Кренке и моряка Аркаса совпали почти дословно относительно непригодности канонерскихъ лодокъ.

года была получена депеша отъ Великаго Князя: «Государь Императоръ и генералъ-адмиралъ изволили согласиться... относительно канонерскихъ лодокъ... можете ихъ затопить, а линiи употребить, какъ перевозочныя средства». Такимъ образомъ приговоръ надъ канонерской флотилiей былъ изреченъ.

Финнъ, указывавшiй непрiятелю путь къ Транзунду, былъ разысканъ. При немъ оказалось и золото, полученное за услугу отъ англичанъ. Его разстрѣляли на Николаевскомъ островѣ [1]).

Утромъ, 8-го августа, непрiятельскiй флотъ вновь сталъ въ виду Транзунда. 9-го сжегъ телеграфъ на островѣ Тупорансари и взялъ 7 саженей дровъ. Тѣмъ на этотъ разъ и ограничились его дѣйствiя. 12-го августа флотъ ушелъ.

Свеаборгъ.

Состоянiе свеаборгскихъ укрѣпленiй устанавливается достаточно опредѣленно показанiями очевидцевъ, которымъ по службѣ пришлось имѣть съ ними дѣло [2]).

Лѣтомъ 1854 г. генералъ-адъютанты Н. А. Аркасъ и Герштенцвейгъ были экстренно потребованы къ Государю, у котораго застали Великаго Князя Константина Николаевича.

«Мой сынъ»,—сказалъ Государь,—«получилъ письмо безъ подписи, въ которомъ сказано, что ежели непрiятель пожелаетъ занять Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, то можетъ совершить это въ 24 часа, такъ какъ большой островъ, ограждающiй восточную сторону рейда, не вооруженъ. Непрiятель можетъ легко занять его и, дѣйствуя оттуда, переходить съ одного острова на другой, а когда проливы будутъ въ его рукахъ, то внѣшнiй флотъ довершитъ дѣло. Поручаю вамъ обоимъ ѣхать туда вмѣстѣ и немедленно подробно осмотрѣть островъ, каждому по своей части и, сверхъ того, вмѣстѣ рѣшить, что нужно дѣлать, чтобы усилить вооруженiе Гель-

---

1) «Финляндская Газета» 1901 г., № 96. 2) По всеподданнѣйшему отчету 1850 г. оборона Свеаборгской крѣпости состояла: на островѣ Густавъ-Свердѣ—изъ 5-ти бастiонныхъ фронтовъ и 2-хъ набережныхъ линiй, по Стуро-Остеръ-Сварту—изъ 6-ти бастiонныхъ фронтовъ и кронверка, на Лилла-Остеръ-Свартѣ—изъ 3-хъ бастiонныхъ и 3-хъ тенальныхъ фронтовъ; на Лонгернѣ—изъ одного бастiоннаго и трехъ тенальныхъ фронтовъ. («Сборн. Имп. ист. общ.», т. 98, стр. 403).

сингфорса и Свеаборга, какъ вооружить острова, какъ расположить корабли, чтобы охраняли входы на рейдъ и поддерживали батареи, какъ расположить войска. Все, что вы рѣшите, прикажите Моимъ именемъ немедленно привести въ исполненіе. Торопитесь, потому что Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскаго флота въ Балтійское море» [1]).

Въ ту же ночь генералъ-адъютанты помчались въ Гельсингфорсъ. Начальника края, генерала Рокасовскаго, они застали въ загородномъ саду на пикникѣ. Тутъ же состоялось маленькое совѣщаніе о порядкѣ осмотра крѣпости и вновь сооружаемыхъ батарей. «Вездѣ мы поражались негодностью и дурнымъ состояніемъ всего вооруженія», читаемъ въ воспоминаніяхъ Аркаса. «Нѣкоторыя, вновь созидаемыя батареи были до того неправильно поставлены, что нельзя было не удивляться, для чего затрачивались громадныя деньги на сооруженіе ихъ; между тѣмъ тамъ, гдѣ дѣйствительно онѣ были нужны, ихъ не было. Главныя части Густавсвердскихъ укрѣпленій были до того ненадежны, что съ нихъ даже не производилась стрѣльба изъ орудій. Указанные въ письмѣ острова, ограждающіе восточную часть восточнаго рейда, дѣйствительно оказались необитаемыми и до того удобными для занятія и дѣйствія съ нихъ на рейдъ, на городъ и на все укрѣпленіе, что мы съ флигель-адъютантомъ Герштенцвейгомъ, на основаніи даннаго намъ Высочайшаго разрѣшенія, тотчасъ же именемъ Государя Императора приказали приступить къ постройкѣ батарей на указанныхъ нами мѣстахъ, а также къ постройкѣ бараковъ для помѣщенія войскъ, прорубкѣ въ лѣсахъ просѣкъ для проходовъ войскъ и для провоза артилеріи».

5-го августа 1854 г. Государь возложилъ на Аркаса подробный осмотръ отряда канонерскихъ лодокъ въ Роченсальмѣ, новыхъ укрѣпленій въ Свеаборгѣ и позицій вокругъ Або. Кромѣ того, предписано было въ Гельсингфорсѣ сдѣлать на эскадрѣ всѣ подготовленія на случай ея выхода въ море и произвести пробную стрѣльбу съ Густавсвердскихъ укрѣпленій. Комендантъ крѣпости, генералъ Сорокинъ, никакъ не хотѣлъ дозволить производить ее, говоря, что стѣны обрушатся при первомъ же выстрѣлѣ. Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ Аркасъ, — если онѣ обрушатся теперь, чѣмъ послѣ, когда онѣ нужны будутъ противъ непріятеля. Но комен-

---

[1]) «Историч. Вѣстн.» 1901, апр., стр. 120—121.

Финляндскій Генералъ-Губернаторъ
Генералъ-Адъютантъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.

Баронъ П. Рокасовскій.

дантъ упорствовалъ, пока Аркасъ не объявилъ ему, что это есть Высочайшая воля и она должна быть исполнена.

«Въ назначенный часъ началась стрѣльба и, дѣйствительно, стѣна рушилась на значительное пространство, но не послѣ перваго, а послѣ седьмого выстрѣла. И вотъ на эти-то гранитныя твердыни мы разсчитывали такъ самоувѣренно.

«Я былъ, — продолжаетъ Аркасъ, — очень радъ разрушенію стѣны, такъ какъ въ Петербургѣ, когда я говорилъ объ этомъ главному начальнику, то мнѣ, повидимому, не вѣрили и даже Государь сомнѣвался. Теперь же фактъ совершился; необходимо было вновь возводить стѣны. Я приказалъ доставить съ корабля «Россія» на разрушенное укрѣпленіе запасные паруса, которыми прикрыли развалины и до 1,000 человѣкъ приступили къ работѣ, которая ко времени подхода къ Свеаборгу непріятельскаго флота была близка къ окончанію» [1]).

Плохое состояніе свеаборгскихъ укрѣпленій не должно особенно удивлять, такъ какъ послѣ 1808 г. почти ничего не было сдѣлано для ихъ поддержанія. Теперь громъ грянулъ и закипѣла работа. Извѣстно, что верки, обращенные къ сушѣ, откуда опасались нападенія, были прочнѣе сооружены шведами, чѣмъ верки, обращенные къ морю. Инженеръ-подполковникъ М. Пасынкинъ, завѣдывавшій непосредственно передъ войной инженерными работами въ Свеаборгѣ, даетъ слѣдующую картину фортификаціонныхъ работъ.

«Стѣны не были скрѣплены скобами и пиронами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вовсе неприспособлены къ оборонѣ. Нужно было впереди старыхъ шведскихъ верковъ построить новыя батареи. Такимъ образомъ явилась новая крѣпость для защиты старой. Укрѣпленная новая позиція заняла 9 верстъ въ длину. Матеріала подъ рукой не было. Растительности едва хватало на фашины. Песокъ былъ, но онъ находился далеко. Доставка его была затруднительна для экстренныхъ работъ. Строили батареи первоначально изъ дерева (брусья получались изъ Гельсингфорса); середину наполняли щебнемъ. Это конечно, было невполнѣ безопасно при непріятельскомъ огнѣ» [2]).

Послѣ 1854 г. Его Императорское Высочество Генералъ-Инспекторъ по инженерной части, Великій Князь Николай Николаевичъ, былъ въ Свеаборгѣ и примѣнилъ тамъ нѣкоторыя особенности севастопольской обороны. Новыя указанія трудно было вы-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1901 г., апрѣль. [2]) «Инженерный Журналъ» 1857 г., т. IV.

полнить, ибо мѣстность представлялась очень разнообразной, въ виду множества скалъ. Принялись за привозку песку съ Сандгама. По условіямъ мѣстности песокъ разносили въ мѣшкахъ. Рабочихъ и судовъ оказалось недостаточно. Нѣкоторыя батареи были построены изъ рванаго камня (на известковомъ растворѣ). Пришлось взорвать много скалъ. Чаще всего снаружи сыпали песокъ, а по скаламъ клали стѣнки изъ камня, чтобы песокъ не осыпался. Мѣстами скалы служили частями брустверовъ [1]).

Недостатокъ въ людяхъ также ощущался весьма значительный. По числу наличныхъ орудій, необходимо было имѣть 121 фейерверкеровъ и 2,156 нижнихъ чиновъ: въ распоряженіи же артиллерійскаго начальства находилось первыхъ только 47 человѣкъ, а нижнихъ чиновъ 653. Такимъ образомъ, болѣе полуторы тысячи (1,591) артиллерійской орудійной прислуги пришлось взять изъ пѣхотинцевъ. (Рапортъ Свеаборгскаго коменданта отъ 23-го сентября 1854 г., № 3189; Арх. Финл. воен. округа).

Въ іюнѣ (съ 3-го по 7-е) 1855 г. свеаборгскія укрѣпленія были осмотрѣны Генералъ-Инспекторомъ по инженерной части, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Прикомандированный къ Его Императорскому Высочеству инженеръ-полковникъ В. Д. Кренке, оставившій описаніе обороны всего Балтійскаго побережья, удостовѣряетъ, что во всеподданнѣйшемъ донесеніи Великаго Князя означено было:

1) Капитальныя работы, произведенныя въ нынѣшнемъ году, въ теченіи зимы и весны, такъ обширны и разнообразны и до того изумительны, что невольно рождается вопросъ, что же было сдѣлано въ прошломъ году, т. е. въ теченіе весны, всего лѣта и всей осени.

2) Нынѣшнія работы отличаются правильностью, прочностью, искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности, вѣрною оцѣнкою средствъ своихъ и непріятеля и вообще въ нихъ видно желаніе воспользоваться кровавыми уроками, пріобрѣтенными въ настоящую войну, и если не все еще достигнуто, то единственно отъ недостатка физическихъ и матеріальныхъ средствъ.

3) Въ работахъ прошлаго года видна поспѣшность и желаніе противопоставить непріятелю возможно большее число орудій въ самое короткое время и потому, бруствера, одѣтые деревянными ряжевыми рядами, толщиною всего въ 6—8 фут., или палисадныя стѣнки выставлялись прямымъ пушечнымъ выстрѣламъ: батареи въ 5, 8 и до 10 орудій не обезпечивались отъ анфилады; орудія стави-

[1]) «Инженерный Журналъ» 1857 г., т. IV.

Гельсингфорсъ съ крѣпостью Свеаборгъ.

Нарисовано по наброску Эрика Свейнсона въ 1854 г.

лись такъ близко одно къ другому, что для раздѣла ихъ траверсами приходится снимать нѣкоторыя изъ нихъ; прикрытіе людей и обезпеченіе пороховыхъ погребовъ считалось обстоятельствомъ какъ бы второстепеннымъ; вообще, тамъ, гдѣ нужно было употребить камень и землю, предпочитались бревна, брусья и даже доски.

4) Артиллерія въ полномъ совершенномъ порядкѣ; прислуга сформирована и обучена въ полуторномъ комплектѣ на полное вооруженіе крѣпости съ прилежащими отдѣльными батареями, по числу 565 орудій.

5) Перевязочные пункты для первой помощи и для операцій, и всѣ госпитали, сухопутнаго и морского вѣдомствъ выбраны удачно; продовольствіе обезпечено, а для отвращенія недостатка въ прѣсной водѣ принимаются надлежащія мѣры [1]).

Говоря объ укрѣпленіяхъ Свеаборга, нельзя не указать на одинъ курьезъ, пущенный во всеобщее обращеніе, вѣроятно, не безъ извѣстнаго какого-нибудь разсчета. Во время войны, заграницей появились довольно большіе литографированные виды Свеаборга и Гельсингфорса подъ названіемъ «Panorama vom Kriegsschauplaz» или «Ansichten vom Kriegsschauplaz» (за разными нумерами). На нихъ крѣпость изображалась обыкновенно на островахъ, высоко поднявшихся надъ уровнемъ моря. Въ ряду этихъ изображеній Свеаборга особенно выдѣляется литографія съ подписью: «Helsingfors mit der Festung Sveaborg aus der vogelperspektive nach einer skizze von Erig Sweynson 1854. (Carlsruhe.— Verlag von J. Veith). Острова, на которыхъ расположена крѣпость, представлены здѣсь въ видѣ высокихъ недоступныхъ горъ, по окраинѣ нижняго уступа коихъ каймой возведены укрѣпленія. На вершинахъ горъ стаи морскихъ птицъ. Огромные морскіе корабли, рядомъ съ островами, кажутся маленькими лодочками. Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, Свеаборгъ построенъ на довольно плоскихъ и очень умѣренно выдвинутыхъ надъ уровнемъ моря островахъ. Къ довершенію курьеза, наши учителя Зуевъ и Лакида въ своемъ «Опытѣ учебнаго руководства по географіи Россійской Имперіи» (Спб., 1874 г.) не нашли ничего лучшаго, какъ помѣстить именно это безобразнѣйшее изображеніе Свеаборга и

---

[1]) Кренке. Оборона Балтійскаго побережья, Спб. 1887 г. Изъ отчета, представленнаго Государю Императору, по случаю 25-тилѣтія его царствованія, видно, что въ Свеаборгѣ въ 1850 г. находилось 665 орудій, 482 лафета (и станка) и 189,258 снарядовъ. («Сборн. Имп. истор. общ.», т. 98, стр. 394). Помѣщеній имѣлось на 3,445 человѣкъ и на 34,140 пудовъ пороха. (Тамъ же, стр. 404).

такимъ образомъ поселили въ своихъ ученикахъ и читателяхъ самое превратное представленіе о «Сѣверномъ Гибралтарѣ».

Къ востоку отъ Свеаборгской крѣпости находится островъ Сандгамнъ (длиной въ 2¾ вер., шириной въ 2 вер.). Со стороны моря онъ доступенъ, такъ какъ омывается хорошимъ рейдомъ. При морской войнѣ онъ представлялъ такимъ образомъ серьезную опасность для крѣпости. Особенно это было сознано послѣ рекогносцировки Непира, предпринятой 31-го мая 1854 г. Чтобы воспрепятствовать высадкѣ англичанъ, матросы 3-й флотской дивизіи (контръ-адмирала Румянцова) были разсыпаны въ стрѣлки по острову. Вмѣсто того, чтобы укрыться за кустами и пригорками, наши молодцы-матросы пожелали посмотрѣть въ лицо непріятеля. Англичане раскланивались съ ними съ своихъ трехъ пароходовъ и отплыли къ эскадрѣ, которая стояла на якорѣ въ 12-ти верстахъ (7-ми миляхъ) отъ Свеаборга.

По уходѣ непріятельскаго флота, сейчасъ же рѣшено было (комендантомъ и адмиралами) построить двѣ батареи. До 1,000 матросовъ работали днемъ и ночью; ихъ смѣняли солдаты линейнаго (№ 5) баталіона. Къ 15-му іюля того же 1854 г. обѣ батареи были готовы и вооружены 12-ю орудіями. Но непріятель въ теченіи этого лѣта болѣе къ Сандгамну не подходилъ.

Съ назначеніемъ командующимъ войсками Финляндіи генералъ-адъютанта гр. Ф. Ф. Берга, все вновь зашевелилось на островѣ. Онъ, переѣзжая въ легкихъ финскихъ саняхъ, въ которыхъ крестьяне возятъ песокъ, лично (въ апрѣлѣ 1855 г.) осмотрѣлъ всю прилегающую мѣстность и избралъ пункты для постройки четырехъ новыхъ батарей. Солдатамъ роздали двойныя палатки, доски для половъ, солому для настилки и отправили на работу. Лѣсъ и песокъ разрѣшено было брать на мѣстѣ безъ особыхъ переговоровъ съ обывателями. Гражданскій губернаторъ, камергеръ Лангенпельдъ, оказывалъ, съ своей стороны, всякое содѣйствіе. Къ 3-му іюня, т. е. ко времени пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича, батареи были почти закончены, а 10-го іюня тремъ изъ нихъ пришлось уже принять участіе въ отраженіи 31 пушечнаго фрегата, явившагося для промѣровъ. Наконецъ, рѣшено было соорудить еще двѣ батареи, на 16 и 8 орудій. Работали и днемъ, и ночью. Къ 28-му и 29-му іюля 1855 г. батареи были въ полномъ порядкѣ и этотъ вновь созданный изъ 9-ти батарей «истинный форпостъ», какъ изволилъ назвать его Великій Князь Николай Николаевичъ.

Александръ Ивановичъ Гильденштуббе.

Александръ Александровичъ Баранцовъ 1-й.

встрѣтилъ нѣсколько запоздавшаго съ прошлаго года непріятеля должнымъ образомъ.

Говоря о веркахъ Свеаборга, необходимо отмѣтить, что крѣпость эта вообще не имѣла передовыхъ фортовъ и потому она была подвержена бомбардированію [1]).

Въ Свеаборгской гавани находилась часть судовъ 3-й дивизіи и отрядъ шхерной флотиліи, съ состоящими при немъ пароходами. Главные входы на рейдъ были защищены бонами и тремя кораблями, изъ которыхъ 74-хъ-пушечный «Іезекіиль» стоялъ между Лонгерномъ и Вестеръ-Свартъ-Э; 120-ти-пушечный «Россія»—въ Густавсвердскомъ проливѣ, а фрегатъ (44 пушки) «Цесаревичъ»—между Кунгсъ-гольмомъ и Сандгамомъ. Канонерскія лодки были поставлены за Сандгамомъ, у острова Маскъ-Э.

Одновременно съ приведеніемъ крѣпости въ боевое состояніе, по берегу Финскаго залива проводился электро-магнитный телеграфъ. Кромѣ того, по берегу залива имѣлась сигнальная телеграфная линія (оповѣщавшая досками и шарами). Ею завѣдывалъ капитанъ-лейтенантъ Меланъ. Телеграфъ отъ Свеаборга до Гангеудда дѣйствовалъ досками по проекту Рамстедта. Всего по берегу Финскаго залива расположено было при телеграфѣ 22 офицера и 460 нижнихъ чиновъ и вольноопредѣляющихся.

Около Свеаборга имѣлись, наконецъ, и минныя загражденія (44 гальваническихъ и 950 нобелевскихъ минъ) [2]). Минированы были преимущественно доступы къ городу съ запада, между островами. Пространство между островами Сандгамомъ, Вестеръ-грунтъ и Эстеръ-грунтъ также было минировано, причемъ гальваническая батарея находилась на Сандгамѣ. Мины ставились на якоряхъ, баластѣ или особыхъ чугунныхъ сегментахъ. Русскія мины, изобрѣтенныя професоромъ Якоби, имѣли форму конуса; отъ вершины конуса шла веревка къ камнямъ или якорямъ. Внутренность мины дѣлалась изъ листоваго цинка; въ нижней камерѣ помѣщался слабый зарядъ пороха, въ верхній вставлялся запалъ со взрывчатымъ веществомъ. Взрывы были слабы отъ малаго заряда и недостаточной герметической укупорки (Блiохъ, т. III, стр. 211 и 212). Минныя загражденія у Свеаборга были устроены штабсъ-капитаномъ Сергѣевымъ («Морск. Сборн.» 1883 г., № 9; Аренсъ). Минныя же работы поручены были купцу-механику Нобелю, который находилъ берега Финляндіи особенно удобными для минированія (Отч

---

1) Любовицкій, стр. 164. 2) Кренке стр. 151.

воен. министра 19 ноября 1854 г. № 657: арх. финл. воен. окр.). Минное дѣло было тогда еще совершенно новымъ и неудивительно, если съ нимъ справлялись не вполнѣ удачно. Нашъ крѣпостной пароходъ «Медвѣдь» задѣлъ одну изъ минъ, но отдѣлался легкими поврежденiями главнымъ образомъ благодаря тому, что взрывъ произошелъ у борта, а не подъ дномъ («Морск. Сборн.» 1883 г., № 9; и «Воспомин. Авг. Шумана»).

Конечно, при той поспѣшности, съ которой приходилось вооружать крѣпости и флотъ, не обходилось безъ сумятицы и путаницы. Вотъ маленькiй, но схваченный съ натуры эпизодъ. Извѣстному поэту А. Фету-Шеншину, состоявшему тогда на военной службѣ, пришлось квартировать въ остзейскомъ краѣ. Въ мартѣ 1854 г. Фетъ ѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту служенiя.

«Погода»,—отмѣтилъ онъ въ своихъ воспоминанiяхъ,—«изъ снѣжной и морозной измѣнилась въ теплую и дождливую, превращая путь нашъ въ снѣжную кашицу по колѣно лошади. Конечно, для насъ не стали бы церемониться, но передвигали не только нашу артилерiю, но и осадную, и потому дорога была занята тысячами чухонъ, расчищавшихъ снѣгъ. Ѣдемъ и нагоняемъ засѣвшiй въ сугробы обозъ съ санями, въ которыя запряжены по двѣ и по три тройки, и намъ приходится въ одинъ конь пробираться мимо этой кричащей и загораживающей дорогу вереницы. «Куда это вы братцы?» — спросишь обознаго солдатика. — «Осадныя орудiя изъ Свеаборга въ Ригу веземъ». Версты черезъ четыре обгоняемъ новый обозъ съ красными флагами. «Куда вы?» «Изъ Свеаборга въ Ригу порохъ доставляемъ». Черезъ нѣсколько верстъ попадаются навстрѣчу такiе же обозы, везущiе осадныя орудiя изъ Риги въ Свеаборгъ. Ясно, что люди и лошади надрываются вслѣдствiе канцелярской неурядицы [1]).

Первые раскаты стрѣльбы съ свеаборгскихъ укрѣпленiй раздались 10 iюня 1855 г. Фрегатъ «Амфiонъ» (кап. Ки), имѣя впереди три шлюпки, снялся съ якоря у острова Стура-Мiэль-Э и, видимо, пожелалъ сдѣлать рекогносцировку фарватера. Но около Сандгама ему пришлось пройти мимо шести (№№ 3, 4, 5, 6, 7 и 8) вновь построенныхъ батарей, изъ коихъ каждая, по мѣрѣ приближенiя и удаленiя судна, встрѣтила и проводила его своими ядрами. Фрегатъ отстрѣливался изъ своихъ орудiй большаго калибра. Огонь нашихъ батарей оказался настолько мѣткимъ, что «Амфiонъ» потерялъ одну шлюпку, получилъ 8 пробоинъ въ корпусѣ и поврежденiя въ кормовой части и такелажа. Перестрѣлка продолжалась

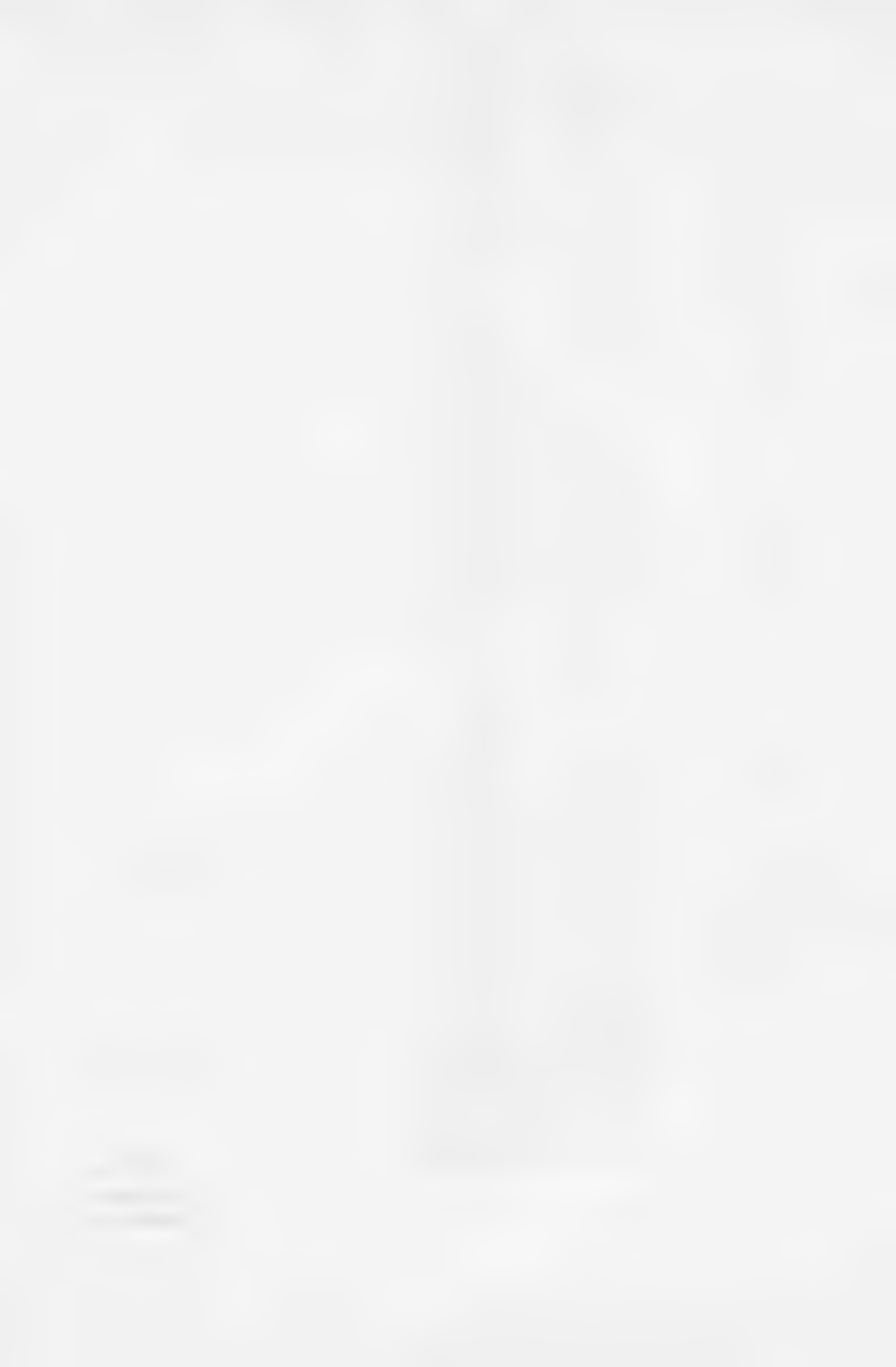
[1]) «Вѣстникъ Европы» 1891 года, апрѣль, стр. 664 и 665.

Входъ въ Свеаборгъ съ южной стороны.

Бали Грохару. Густавсъ-Свертъ. Островъ Скотландъ.
Правосл. церковь въ Свеаборгѣ. Входъ.

три часа. Судно вынуждено было уйти. У насъ: одинъ матросъ убитъ и нѣсколько контужено: непріятель оставилъ двѣ свѣжія могилы на островѣ Стура-Міэль-Э [1]).

Вся линія свеаборгской обороны, въ виду ея большаго протяженія (позиція тянулась на 13 верстъ, а по очертанію берега на 25 верстъ) была раздѣлена на три части: центромъ командовалъ исправляющій должность свеаборгскаго коменданта, инженеръ генералъ-лейтенантъ Сорокинъ; правымъ крыломъ генералъ-лейтенантъ Рамзай, а лѣвымъ—генералъ-лейтенантъ Гильденштубе («Морск. Сборн.» 1876 г., т. V, стр. 16). Суда, поставленныя ко времени боя въ проходахъ Свеаборга, поступили подъ начальство контръ-адмирала Шихманова. Начальникомъ отряда канонерской флотиліи состоялъ адмиралъ Епанчинъ, который имѣлъ свое пребываніе въ Гельсингфорсѣ на пароходѣ «Ильмень» [2]). Въ 1854 г. начальникомъ артиллеріи въ Свеаборгѣ былъ назначенъ генералъ-маіоръ свиты Его Величества А. А. Баранцовъ; а въ январѣ 1855 г. ему повелѣно было завѣдывать всей артиллеріей въ Финляндіи [3]). Всей же оборонительной линіей руководилъ генералъ-адъютантъ гр. Ф. Бергъ. Начальникомъ его штаба былъ генералъ-лейтенантъ Норденстамъ.

Правый флангъ составляли 12 батарей: въ прикрытіи его находились 12 баталіоновъ, 1 сотня и 16 орудій: центръ составляли укрѣпленія Свеаборга; въ прикрытіе ему было дано 7 баталіоновъ: лѣвый флангъ образованъ былъ изъ 10 батарей (изъ нихъ двѣ на полуостровѣ Дегерэ); въ прикрытіе назначено 5 баталіоновъ [4]).

Рекогносцировка, произведенная адмиралами союзнаго флота, убѣдила ихъ, что атака Свеаборга возможна, а потому они предложили своимъ правительствамъ произвести бомбардировку этой крѣпости. Франція и Англія одобрили предположенія адмираловъ и отправили имъ бомбарды и канонерскія лодки. Когда эти суда присоединились къ флоту союзниковъ, Дундасъ и Пено присту-

---

[1]) «Морской Сборникъ», 1876 г. т. V, стр. 9—16). [2]) «Историч. Вѣстн.» 1901, апр. [3]) Пятидесятилѣтній юбилей генералъ-адъютанта Баранцова. Спб. 1877, стр. III. [4]) Всего около Свеаборга и Гельсингфорса было сосредоточено 26½ баталіоновъ, 11½ сотенъ и 36 орудій. Здѣсь были части 1-й Гренадерской резервной бригады, Донскіе казаки, легкой гренадерской батареи, Новгородскій линейный баталіонъ, Гренадерскаго короля Фридриха Прусскаго полка, Эрцъ-герц. Франца полка, резервныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, 1-го запаснаго сапернаго баталіона, 1 и 22 флотскаго экипажей.

пили къ исполненію своихъ плановъ («Воен. Сборн.» 1901 года, августъ, стр. 4).

Тишина, водворившаяся вокругъ крѣпости послѣ 10-го іюня, продолжалась теперь до конца іюля. Въ первыхъ числахъ іюля около острова Рёншеръ остановился винтовой корабль непріятеля: онъ занимался исключительно промѣрами. Черезъ нѣсколько дней къ нему подошло еще нѣсколько пароходовъ и такимъ образомъ въ виду крѣпости, но въ разстояніи не ближе 5 верстъ отъ нея, собралась маленькая флотилія изъ восьми судовъ. Главное ихъ занятіе заключалось въ промѣрахъ, для которыхъ они три ночи кряду передъ бомбардированіемъ подходили къ крѣпости (Любовицкій, стр. 238). 25 іюля на горизонтѣ показался густой дымъ. Такого множества военныхъ судовъ никогда въ водахъ Свеаборга не сосредоточивалось. Любопытные высыпали на крыши. Вскорѣ для всѣхъ было ясно, что эскадра непріятеля держала курсъ на крѣпость. (М. Михайловъ; «Воен. Сборн.» 1860 г., т. X, стр. 251). Весь флотъ въ боевомъ порядкѣ, — т. е. выдвинувъ впередъ бомбарды, плавучія батареи и канонерскія лодки,—расположился по дугообразной позиціи между островами Міелькъ и Рёншеръ съ одной и островомъ Грохараномъ съ другой стороны. На указанномъ пространствѣ бросили якорь 77 судовъ разной конструкціи; здѣсь было 10 кораблей, 7 фрегатовъ, 2 корвета, 16 бомбардъ, 25 канонерскихъ лодокъ и т. д. Обладаніе моремъ было такимъ образомъ вполнѣ обезпечено за союзниками и ихъ огромный флотъ, совершенно не занятый бомбардировкой, являлся готовымъ встрѣтить наши суда любой силы (Коломбъ, стр. 545). Нѣсколько впереди и почти посерединѣ позиціи непріятеля находился небольшой скалистый островъ Абрагамсъ-хольмъ (вѣрнѣе Лонгъ-Эрнъ), на которомъ французы сейчасъ же приступили къ возведенію батареи изъ земляныхъ мѣшковъ (на три мортиры въ 27 сантиметровъ). Порохъ помѣстили въ углубленіи скалы, прикрывъ ее основательнымъ блиндажемъ (Guerin, 1 т.). Все расположеніе англо-французскаго флота было отлично видно изъ Гельсингфорса, съ горы обсерваторіи. Едва суда заняли свои мѣста, какъ съ нихъ начали снимать снасти и нѣкоторыя выдающіяся принадлежности, почему можно было заключить о приготовленіи непріятеля къ дѣйствію. Когда гр. Бергу было донесено о расположеніи флота на указанной позиціи, то онъ, по словамъ г. Финшнеуса, состоявшаго при немъ въ качествѣ чиновника особыхъ

Видъ бомбардированія Свеаборга 28-го Іюля 1855 года.

Съ современной гравюры.

порученій,—отказался повѣрить подобному извѣстію, такъ какъ на русскихъ секретныхъ картахъ мѣсто между Рён-шеръ и Грохаранъ, было отмѣчено, какъ имѣющее «опасныя скалы» [1]).

Свеаборгъ спокойно ожидалъ надвигавшейся бури войны. Его защитникамъ преподано было въ сущности только два правила: избѣгать безцѣльной торопливости [2]), и стрѣлять лишь тогда, когда непріятельскія суда будутъ заходить въ сферу дѣйствія нашего огня. Послѣднимъ распоряженіемъ гарнизонъ предостерегался отъ безразсудной траты боевыхъ запасовъ, ибо извѣстно было, что непріятель обладалъ дальнобойными орудіями, значительно превосходившими вооруженіе крѣпости.

Рано утромъ, въ четвергъ, 28 іюля, съ непріятельскихъ судовъ сперва донеслось до горы обсерваторіи пѣніе псалма, а затѣмъ съ краснаго адмиральскаго корабля, съ бѣлой трубою, «Велингтонъ» раздался сигнальный боевой выстрѣлъ. Началась осада Свеаборга и грозная картина боя стала постепенно развертываться.

Въ крѣпости раздались звуки тревоги, т. е. загремѣли призывные барабаны и трубы; солдаты быстро побѣжали къ своимъ мѣстамъ. Первые выстрѣлы были направлены на западную часть крѣпости, отъ Вестеръ-Свартъ-Э до батарей въ Брунспаркѣ. Затѣмъ чугунный градъ посыпался на крѣпость. Сто орудійныхъ жерлъ ежеминутно выбрасывали тяжелые смертоносные снаряды въ одну и ту же неподвижную цѣль. Свистъ ядеръ и пуль, трескъ лопавшихся бомбъ и грохотъ орудій продолжались затѣмъ непрерывно 45 часовъ кряду. Во все время бомбардированія стояла прекрасная лѣтняя погода. Незначительный вѣтеръ дулъ по направленію къ крѣпости, отчего Свеаборгъ вскорѣ окутался густымъ пороховымъ дымомъ, изъ котораго изрѣдка мелькалъ огонь орудій, а вскорѣ показались и длинные языки пожаровъ. Первый пожаръ начался въ 10 часовъ утра на Лилла-Остеръ-Свартъ-Э; а въ 12 часовъ дня послѣдовалъ страшный взрывъ 4-хъ бомбовыхъ складовъ на Густавъ-Свердѣ. Крѣпость запылала въ нѣсколькихъ мѣстахъ: горѣли преимущественно деревянные домики, склады и мастерскія шведскихъ временъ. При видѣ этихъ послѣдствій своей стрѣльбы, непріятель ликовалъ и вся линія его судовъ оглашалась радостными криками. Обороняющіеся же, стоя средь дыма и огня, тушили и

[1]) Абовъ. Свеаборгъ. «Рус. Бесѣда» 1895, іюль. [2]) Приказъ по войскамъ Финл. 1855 г. № 4,441.

отстрѣливались, не теряя мужества. Такимъ образомъ и флотъ, и крѣпость дышали огнемъ и гремѣли выстрѣлами [1]).

Видно было, что непріятелемъ руководило желаніе сжечь крѣпость, оставаясь внѣ нашихъ выстрѣловъ, такъ какъ ни одинъ корабль его не находился ближе 2,000 ярдовъ отъ крѣпости, а большинство мортирныхъ ботовъ—даже за 3,000 ярдовъ [2]). Предусмотрительность англичанъ простерлась такъ далеко, что большія свои суда они поставили позади, чтобы охранить ихъ отъ всякихъ поврежденій. Стрѣлявшія же суда находились въ постоянномъ движеніи по кругу, чтобы возможно застраховать себя отъ ядеръ крѣпости. И дѣйствительно, при такихъ условіяхъ, шансы попаданій для нашей артилеріи были весьма малы. Въ интервалахъ между бомбардами стояли канонерскія лодки. Всѣхъ бомбардъ было 21 (въ томъ числѣ пять французскихъ). «Главнымъ оружіемъ, на которое болѣе всего возлагали надежды, были многочисленныя мортиры, поставленныя на спеціально для того построенныя парусныя мортирныя суда. Канонерскія лодки, вооруженныя, кажется, одной или двумя гаубицами большаго калибра, представляли слѣдующее орудіе атаки» [3]). Бомбарды были привязаны къ пароходамъ, стоявшимъ на якоряхъ. Четыре англійскихъ буксира были поставлены между кораблями и бомбардами для подачи, въ случаѣ надобности, помощи. Канонерскія лодки все время оставались около пароходовъ. (Guerin; I т.).

Изрѣдка непріятель дѣлалъ попытки приблизиться на канонерскихъ лодкахъ къ крѣпости, но въ этихъ случаяхъ его не отпускали безнаказаннымъ. Множество обломковъ, приносимыхъ волнами къ нашимъ берегамъ, пароходъ, оттаскивавшій подбитыя канонерки на буксирѣ, и, наконецъ, подниманіе черныхъ флаговъ на тѣхъ судахъ, въ которыя попадали наши каленыя ядра и бомбы, все это,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ боя, офицеръ М. Михайловъ,—свидѣтельствовало, что бомбардированіе непріятелю не обходилось даромъ. («Воен. Сборн.» 1860 г., X, 255; см. еще Histoire—Guerin).

«Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали рѣже, но общая

---

[1]) Абовъ. Свеаборгъ. «Рус. Бесѣда» 1895 г., іюль. [2]) Коломбъ; стр. 546. [3]) Коломбъ; стр. 545. Р. Гривель нѣсколько иначе описываетъ осадныя средства союзниковъ. По его словамъ Франція и Англія создали особую осадную флотилію. Первыми элементами этого флота были канонерскія лодки, паровыя бомбарды и блиндированныя шаланды, которымъ дали названіе плавучихъ батарей. (О морской войнѣ; Спб. 1871 г., стр. 147).

Крѣпость Свеаборгъ въ ночь 28-го Іюля 1855 года.

Съ современной гравюры.

картина сраженія много ужаснѣе. Непріятель принялся бросать въ крѣпость хвостатыя конгревовыя ракеты, которыя, свистя и шипя, разсѣкали воздухъ, оставляя за собой огненный слѣдъ и освѣщая все пространство боя. Все это, отражаясь среди темной ночи въ зеркальной поверхности моря, увеличивало впечатлѣніе и казалось, что самый воздухъ горѣлъ» [1]). На буксирѣ бомбарды были отведены въ открытое море для пополненія боевыхъ припасовъ, которые сильно истощились. Въ 11 часовъ ночи ихъ поставили на прежнія позиціи.

Описанный огненный ураганъ, съ оглушительнымъ грохотомъ орудій и пламенемъ пожаровъ, бушевалъ въ Свеаборгѣ и вокругъ него съ одинаковой силой въ теченіи всего 29-го числа.

Жители Гельсингфорса имѣли рѣдкій случай наблюдать всю эту огненную и кровавую драму отъ начала до конца съ горы обсерваторіи, откуда все было видно, какъ на ладони. Даже невооруженнымъ глазомъ можно было видѣть самыя маленькія, едва возвышавшіяся надъ водой и находившіяся въ постоянномъ движеніи, непріятельскія суда, а также прослѣдить полетъ снарядовъ и обозрѣть весь боевой порядокъ флота союзниковъ. Поэтому на горѣ обсерваторіи постоянно находились толпы народа и военныя власти, а нерѣдко показывался также гр. Бергъ со своей свитой. Стоявшіе здѣсь имѣли возможность иногда насчитать до 600 выстрѣловъ, производимыхъ въ теченіе часа съ непріятельскихъ судовъ [2]). Свидѣтели перестрѣлки признавали огонь непріятеля весьма мѣткимъ. Относительно же отвѣтныхъ выстрѣловъ г. Elmgren писалъ, что они производились видимо только для поддержанія мужества гарнизона и чтобы убѣдить непріятеля въ томъ, что средства обороны не были ослаблены; сила нашего пороха, — прибавляетъ тотъ же очевидецъ, — была слаба (254 стр.). На долю Свеаборга выпала такимъ образомъ страдательная роль и бой, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ происходилъ, необходимо признать неравнымъ: союзники имѣли возможность наносить намъ вредъ, оставаясь сами внѣ дѣйствія свеаборгскихъ орудій.

Миновала ужасная кровавая ночь съ 28-го на 29-е іюля, когда огненные метеоры падали на крѣпость и когда бомбардированіе усилилось, вслѣдствіе принятія участія шести-орудійной мортирной батареи, построенной французами съ замѣчатель-

---

[1]) Абовъ. «Рус. Бесѣда», 1895 г., іюль. [2]) Nagra historiska data (Sveaborg bombardement); стр. 28.

Планъ
Гельсингфорса и окрестностей
съ показаніемъ береговыхъ батарей, перевязочныхъ пунктовъ, позицій для кораблей и канонирскихъ лодокъ.
Масштабъ:
0 200 400 600 800 1000 саж.
Гельсингфорсъ
С в е а б о р г ъ
Изъясненіе знаковъ.
Госпиталь
Перевязочный пунктъ 1го разряда.
2го
74 Пушечный Корабль Іезекіиль
120 Россія
44 Фрегатъ Цесаревичъ
Канонерскія лодки
Боны
Загруженное мѣсто.
Лит. А.Ф. Маркова, Невскій пр., 32-34.

ной поспѣшностью на Абрагамсъ-хольмѣ (или Лонгернѣ). Первые лучи солнца застали бой въ полномъ ходу: вся линія гремѣла орудійными раскатами! Крѣпость, какъ раньше, охвачена была огненной лентой. Около 10-ти часовъ утра на Густавъ-Свердѣ разыгралась драма, объ истинномъ ужасѣ которой въ пылу сраженія никто не подумалъ. Всѣ исполняли свой долгъ, не размышляя о важности или значеніи своихъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что въ капонирѣ Каіотъ Густавсвердскаго укрѣпленія находился пороховой погребъ, засыпанный, какъ принято, толстымъ слоемъ земли. Изъ погреба выходила небольшая труба, которая была сколочена изъ досокъ. Труба загорѣлась отъ непріятельскаго снаряда. Сотни лицъ видѣли эту трубу, но никому въ голову не пришло, во время приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе, что деревянной трубѣ не мѣсто надъ пороховымъ погребомъ. Теперь эта оплошность была у всѣхъ на глазахъ. Разбираться въ дѣлѣ, конечно, некогда было: нужно было затушить огонь, или всѣмъ предстояла неизбѣжная гибель. Сейчасъ же вызвались охотники, и офицеры и нижніе чины, которые ринулись тушить огонь, чтобы не дать искрѣ упасть внутрь погреба. Воды подъ рукой не оказалось, почему пришлось прикрывать пламя полами шинелей. Огонь благополучно потушили и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, точно ничего особеннаго не было совершено, а между тѣмъ въ погребѣ находились десятки тысячъ пудовъ пороха! Герои, спасшіе крѣпость отъ взрыва, не отдали себѣ даже надлежащаго отчета въ своемъ подвигѣ и считали лишь, что исполнили то, что необходимо было исполнить каждому, стоявшему тогда около погреба. О самомъ фактѣ даже забыли. Но случилось такъ, что одинъ изъ офицеровъ-героевъ, поручикъ артиллеріи А. В. Гадолинъ, былъ командированъ изъ Петербурга на лѣто 1855 года въ Свеаборгъ и потому ему необходимо было получить отъ крѣпостнаго начальства надлежащее удостовѣреніе. Выдавая ему свидѣтельство начальство отмѣтило также и его участіе въ тушеніи огня у пороховаго погреба. Прибывъ въ Петербургъ, Гадолинъ представилъ свидѣтельство начальству по мѣсту своего постояннаго служенія. Документъ, какъ водится, пришили къ дѣлу и, по прошествіи извѣстнаго времени, сдали въ архивъ. Прошло 15 лѣтъ. Михайловское артиллерійское училище собиралось праздновать свой 50-ти-лѣтній юбилей. При пересмотрѣ архива, документъ былъ отысканъ и такъ какъ онъ свидѣтельствовалъ о подвигѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ, то на него было обращено вниманіе и дѣло кончилось вознаграж-

Бомбардированіе крѣпости Свеаборга соединенными Англо-Французскими флотами 28 и 29 Іюля 1855 г.

Съ современнаго рисунка.

деніемъ въ 1871 г. всѣхъ трехъ георгіевскими крестами. Скромными героями оказались, кромѣ Гадолина, впослѣдствіи извѣстнаго академика и ученаго, Любовицкій, нынѣ командиръ корпуса, украшенный уже другимъ георгіевскимъ крестомъ и золотымъ оружіемъ и, наконецъ, генералъ Зиновьевъ, умершій лифляндскимъ губернаторомъ. Изъ нижнихъ чиновъ особую отвагу при тушеніи проявилъ фейерверкеръ Михѣевъ, первый вскочившій на крышу пороховаго погреба.

«Для отвлеченія вниманія войскъ»,—какъ писалъ въ своемъ рапортѣ Р. Дондасъ, — онъ приказалъ 28-го числа открыть дѣйствія также противъ фланговъ Свеаборгской крѣпости. Согласно этому распоряженію, два англійскихъ парохода и фрегатъ дѣлали попытки высадить десантъ на островѣ Друмс-э: но эта диверсія каждый разъ съ успѣхомъ отражалась нашими войсками. Все, что непріятелю удалось достичь здѣсь, ограничилось поджогомъ лѣса и поврежденіемъ телеграфа, но огонь былъ скоро потушенъ, а телеграфъ на другой же день исправленъ [1]).

На другомъ флангѣ находился островъ Сандгамъ, которому также пришлось принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Утромъ 28-го іюля два англійскихъ корабля начали обстрѣливать островъ, но не были въ состояніи выдержать борьбы съ Сандгамомъ, который къ этому времени располагалъ уже 66-ю орудіями и капитанъ Велльзли, только утѣшая себя въ неудачѣ, могъ донести, что «причинилъ значительный вредъ одной изъ его батарей» [2]). Прибавимъ кстати, что на этомъ островѣ были опущены въ могилу тѣла тѣхъ воиновъ, которые легли костьми за Царя и отечество въ теченіе 28-го и 29-го іюля, какъ въ Свеаборгѣ, такъ и на кораблѣ «Россія». Вскорѣ надъ ихъ могилой, въ сосновомъ лѣсу, недалеко отъ залива, былъ поставленъ простой и скромный памятникъ (по проекту проф. барона Клота). Эта пирамида, увѣнчанная чугуннымъ крестомъ, остается единственнымъ памятникомъ кровавыхъ дней 1855 г. на Балтійскомъ побережьѣ [3]), если не считать чугуннаго креста на могилѣ храбраго подполковника Дергачева, около Экенеса.

«Наиболѣе тяжелая участь во время бомбардированія Свеаборга выпала на долю корабля «Россія»: онъ оказался настоящимъ мученикомъ, опутаннымъ цѣпями въ узкомъ Густавъ-Свердскомъ проливѣ. Съ того момента, какъ англичанинъ началъ стрѣлять по крѣ-

---

1) Абовъ. «Рус. Бесѣда» 1895 г., іюль. 2) «Морской Сборн.» 1855 г., № 9. 3) См. ст. Θ. Нордмана въ «Морск. Сборн.» 1876 г., № 3.

ности. «Россія» затряслась и застонала всѣмъ своимъ огромнымъ корпусомъ, подъ навѣсными ядрами непріятеля. Снаряды, перелетѣвшіе крѣпостныя стѣны, находили въ «Россіи» удобную цѣль для пораженія и они съ ожесточеніемъ пробивали ея палубу, впивались въ ея борты, ломали снасти, рвали въ куски ея желѣзныя части; вода кипѣла и шипѣла отъ ядеръ вокругъ корабля. Трудно описать весь тотъ адъ, который проявился во всей бѣшеной силѣ на тѣсномъ пространствѣ корабля. Тутъ же приходилось переносить и дымъ, и огонь пожара, оглушающій трескъ снарядовъ, визги осколковъ; приходилось видѣть, какъ врачи производили перевязки и ампутаціи на солдатской койкѣ въ маленькой каютѣ, гдѣ полъ былъ смоченъ кровью людей и водой отъ пожарныхъ насосовъ; здѣсь же священникъ причащалъ Св. Таинъ или, съ крестомъ въ рукѣ, читалъ отходную. Къ довершенію ужаса, едва не загорѣлась крюйтъ-камера. Но къ счастью, среди экипажа нашлись многіе, которые раздѣляли мысль матроса Фейхо: «все равно, братцы, что наверху, что здѣсь; ужъ если взорветъ, то всѣмъ поровну достанется», и эти-то смѣльчаки, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Ф. С. Поповымъ, вступили въ отчаянную борьбу съ огнемъ и одолѣли его: пожаръ былъ потушенъ и корабль спасенъ. Когда затѣмъ приступлено было къ задѣлкѣ пробоины подъ крюйтъ-камерой, то, къ удивленію присутствующихъ, подъ осколками въ обшивкѣ найденъ былъ образъ Спасителя, и всѣмъ было ясно, Кому они обязаны были своимъ избавленіемъ отъ неизбѣжной смерти. 17 часовъ кряду «Россія» неподвижно простояла подъ убійственнымъ огнемъ, потерявъ 11 человѣкъ убитыми, 89 ранеными и перенеся три большихъ пожара. Ночью этотъ корабль, пораженный 19-ю бомбами, отвезли, наконецъ, на буксирѣ въ безопасное мѣсто гавани. Поистинѣ здѣсь балтійскіе моряки мужествомъ и терпѣніемъ встали на ряду со своими товарищами черноморцами» [1]).

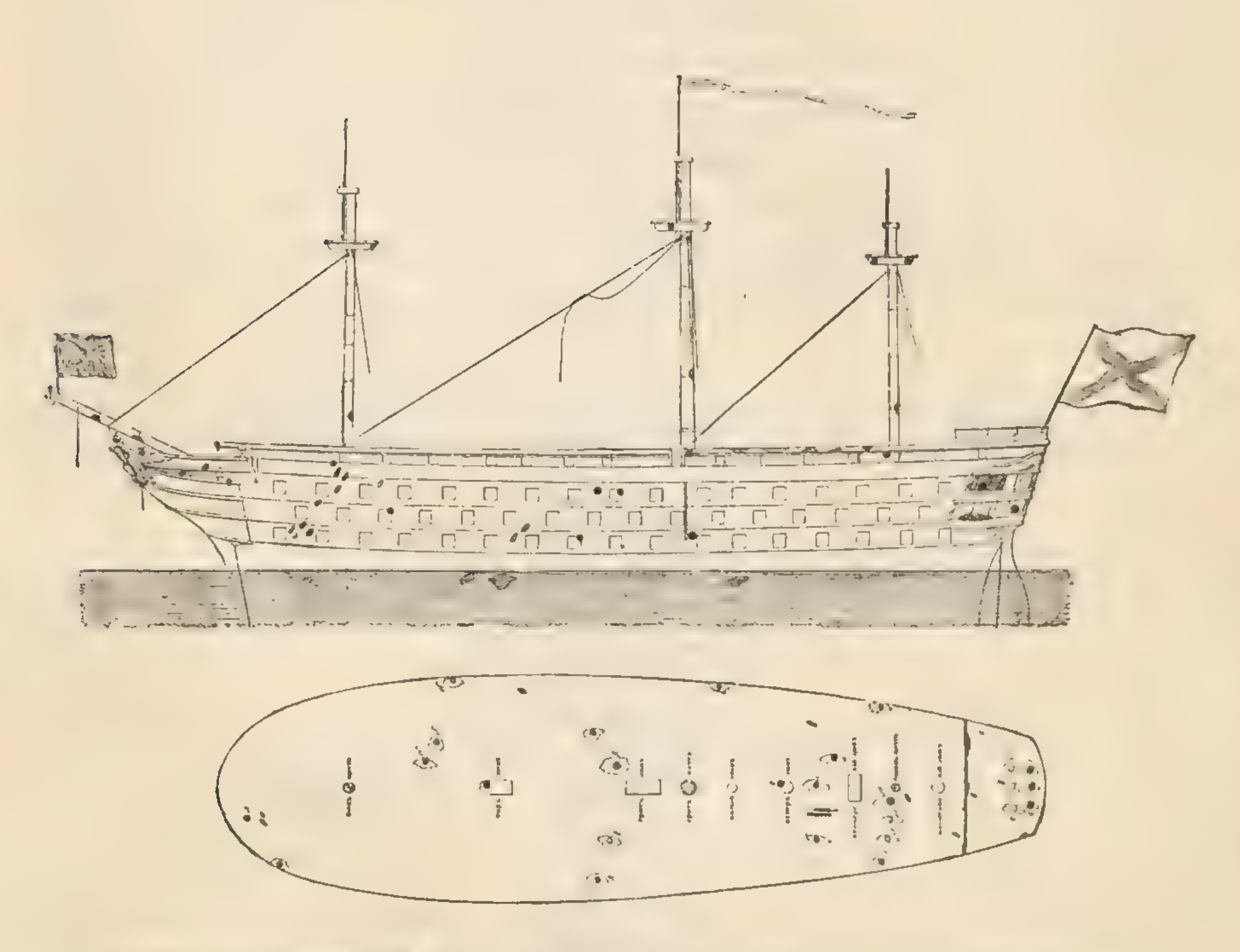
Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней флотъ непріятеля оставался на прежнемъ мѣстѣ.

30-го іюля съ горы обсерваторіи города Гельсингфорса наблюдалось слѣдующее: въ Свеаборгѣ раздался благовѣстъ соборнаго колокола, призывая обремененныхъ облегчить свою грудь у алтаря

1) Г. Абовъ. «Рус. Бесѣда» 1895, VII. «Сборн. извѣстій, относ. до наст. войны» (Путилова), кн. XXX, 1857 г., стр. 98 — 113; «Морской Сборникъ» 1856 г., № 12. Существуетъ такой еще анекдотъ, относящійся къ исторіи корабля «Россія»: — «Ты что тутъ дѣлаешь?»—спрашиваетъ командиръ матроса Антонова.—«Виноватъ ваше в—діе: бомбу швырнулъ за бортъ». («Морской Сборникъ» 1856 г., № 10). См. еще «Обзоръ дѣятельности морского министерства въ Россіи (1855—1800)», т. II, стр. 976).

Филиппъ Степановичъ Поповъ 4-й.

Чертежъ поврежденій 120 п. корабля „Россія“ во время бомбардированія Свеаборга.

Всевышняго. Во флотѣ слышались шумъ и ликованіе непріятеля. Враговъ раздѣляла тихая поверхность моря и равнодушная природа сіяла обычною лѣтнею красой. Въ ночь на 31-е число въ крѣпость было брошено нѣсколько ракетъ. Въ 8 часовъ утра 1-го августа, въ понедѣльникъ, флотъ неожиданно для всѣхъ снялся съ якоря и скрылся изъ виду [1]).

Разсказываютъ (см. «Histoire» соч. Guerin'a, t. I), что, послѣ нѣсколькихъ большихъ пожаровъ, Пено предложилъ своему англійскому товарищу войти съ флотомъ въ Свеаборгскій портъ; но тутъ адмиралы убѣдились, что наши батареи далеко еще не истреблены, что сами они лишены десанта, а потому, послѣ совѣщанія, рѣшили прекратить бомбардировку [2]).

Р. Дондасъ, отдавая отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, доносилъ англійскому правительству о значительномъ числѣ разрушенныхъ имъ въ Свеаборгѣ зданій и о томъ, «что впереди не представлялось относительной выгоды, если бы продолжалось бомбардированіе еще и на слѣдующій день». Французскій адмиралъ рапортовалъ, что «ударъ нанесенъ непріятелю жестокій». Изъ донесенія адмирала Пено оказывалось, что у насъ было повреждено 18 судовъ. Французская эскадра выпустила 4,150 снарядовъ (въ томъ числѣ 2,668 бомбъ. См. «Военный Сборникъ» 1901 г., августъ, № 8, изъ соч. лейтенанта Грассе «La Défense des Côtes»). По англійскому разсчету однѣ бомбарды произвели 6,000 выстрѣловъ. По подсчету нашего морского вѣдомства въ Свеаборгъ брошено было 60 тыс. пудовъ чугуна [3]). Одинъ изъ иностранныхъ писателей утверждаетъ,

---

[1]) Въ воспоминаніе о его стоянкѣ, на скалѣ острова Абрагамсъ-хольма, гдѣ находилась мортирная батарея французовъ, осталась немногосложная надпись:

Kragan
Nity Hellaco
9 et 10 août 1855. Marie.
Le Poi
Batterie Française
par l'artillerie
de marine
et les cannoniers
Mots *Olivier*
Bicot
Com. De Parles
Capitaine Sapia
Modrei.

[2]) «Морской Сборникъ» 1855 г., № 9. [3]) «Обзоръ дѣятельности морского управленія въ Россіи 1855—1880 гг.», т. II, стр. 975.

что при бомбардированіи израсходовано 2.500.000 фунтовъ желѣза и 250.000 фунтовъ пороха. (Изъ исторіи послѣдней войны Россіи, соч. Guerin). «Times» довелъ до всеобщаго свѣдѣнія, что во время бомбардированія у русскихъ было убито до 2-хъ тысячъ человѣкъ [1]), истреблено 14—15 судовъ и вообще причиненъ убытокъ на $1^1/_2$ мил. фунтовъ стерлинговъ. «Moniteur Universel» пошелъ еще далѣе и заявилъ, что гор. Гельсингфорсъ лежитъ въ пеплѣ, а «Sveaborg n'existe plus». Эти небылицы повторяются до сихъ поръ въ западной печати. Лейтенантъ Грассе (въ соч. La Défense des Côtes) утверждаетъ, напр., что «ущербъ, причиненный русскимъ, былъ чрезвычайно великъ». На дѣлѣ же весь вредъ, нанесенный огнемъ непріятеля, ограничился истребленіемъ значительной части деревянныхъ построекъ крѣпости, (коихъ по отчету 1850 г. въ крѣпости находилось всего 220, а каменныхъ 58. См. «Сборн. Имп. Истор. Общ. т. 98, стр. 404). Затѣмъ повреждены были корабль «Россія» и комендантскій домъ, стоявшій на возвышенномъ мѣстѣ крѣпости. Потеря людьми также оказалась невелика: убитыхъ было 55 чел., въ томъ числѣ 5 офицеровъ, а раненыхъ 199 человѣкъ. Кромѣ того, куполъ собора нашли пробитымъ однимъ ядромъ, осколокъ котораго нѣсколько задѣлъ мѣстный образъ Спасителя, а другія части снаряда вошли въ стѣну храма на незначительную глубину, гдѣ сохраняются и по настоящее время [2]). Такимъ образомъ, нашъ уронъ и убытки въ общей сложности нельзя назвать значительными и комендантъ Свеаборга, не погрѣшая противъ истины, могъ донести,—какъ совѣтовала ему одна иностранная газета,—что церковь, военные корабли и укрѣпленія остались невредимыми. И дѣйствительно, наши орудія были цѣлы, пороху и ядеръ оставалось достаточно, людей имѣлось на лицо необходимое количество, сообщенія съ материкомъ были свободны, провіантскіе припасы мало тронуты огнемъ, а стѣны крѣпости стояли безъ малѣйшаго поврежденія, нетронутыми. Недаромъ нѣкоторыя газеты Запада негодовали на союзный флотъ и спрашивали, почему Свеаборгъ не истребленъ? Другіе органы печати (напр., Nautical Standart) иронизировали надъ англійскимъ адмираломъ и писали, что въ разсчеты Дондаса вовсе не входило производить общую

[1]) Эту же несообразную цифру убитыхъ и раненыхъ воспроизводитъ въ своемъ сочиненіи Гривель «О морской войнѣ» Спб. 1871 г., стр. 103. [2]) Прежде эта гарнизонная церковь помѣщалась во флигелѣ № 83 и принадлежала морскому вѣдомству. (Архивъ Финл. воен. окр.; дѣло № 206—1855 г.).

Французская батарея на о-вѣ Абрагамсгольмѣ.

Съ современной равюры.

Памятникъ матросамъ и солдатамъ, убитымъ во время бомбардированія Свеаборга въ 1855 г. и похороненнымъ на островѣ Сандгамѣ.

Проектъ профессора барона Клодта.

атаку на укрѣпленія кораблями, что онъ не находилъ нужнымъ превращать укрѣпленія Свеаборга въ груду развалинъ и т. п. Если бы представилась какая-нибудь возможность ввести «сѣверный Гибралтаръ» въ вѣнокъ побѣдъ Альбіона и Галліи, то союзники, конечно, не упустили бы подобнаго случая. Они сдѣлали что могли: простреляли непрерывно 45 часовъ, бросили въ крѣпость отъ 18.500 до 22 тысячъ снарядовъ, сожгли деревянныя ея постройки, но далѣе они пойти не могли, ибо лишены были къ тому главнѣйшихъ средствъ [1]. Надо помнить, что десанта союзники не имѣли и что двухъ-суточная пальба настолько сильно повредила ихъ бомбарды и мортиры [2], что безъ исправленія дальнѣйшее ихъ употребленіе сдѣлалось не мыслимымъ; наконецъ, отдача орудій крайне вредно повліяла на прочность судовъ. Иначе говоря, союзники были вынуждены прекратить бомбардированіе.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ Гельсингфорсѣ во время бомбардированія Свеаборга? Гельсингфорсъ, предчувствуя грозу, нѣсколько приготовился. Наиболѣе дорогіе экземпляры университетской библіотеки были уложены въ 30 мѣшковъ и спрятаны въ подвалы библіотечнаго зданія. Это было сдѣлано въ день первой бомбардировки. Манускрипты и отдѣленіе Fennica были значительно ранѣе упакованы въ ящики и отвезены въ Лауко (Laukko) Весилаксъ (Wesilaks socken). Валюта банка была первоначально отправлена въ Тавастгусъ, а затѣмъ въ С. Михель. Чтеніе лекцій прекратилось мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго (Авг. Шауманъ, стр. 112). Вообще же драгоцѣнности были скрыты въ подвалахъ подъ Николаевской киркой. Предполагаютъ, что нѣкоторыя сокровища университета были тамъ же запрятаны, но весьма секретно. Университетскій же персоналъ, въ виду каникулярнаго времени и общей дороговизны, возникшей вслѣдствіе блокады и многочисленнаго постоя, выселился въ деревни на дачное житье. Одинъ изъ очевидцевъ канонады Свеаборга, S. G. Elmgren (Эльмгренъ), оставилъ слѣдующее описаніе происходившаго въ эти дни въ городѣ [3].

Вечеромъ 29-го іюня въ городъ вошелъ новый русскій полкъ,

---

[1]) Ринильдъ Гривель. «О морской войнѣ». Спб. 1871 г., стр. 103. [2]) Одна мортира вышла изъ употребленія послѣ 95 выстрѣловъ, другая—114, третья—148 и т. д. [3]) S. G. Elmgren. Sweaborgs bombardemang. Historiallinen Arkisto, X, 188.

по слухамъ въ числѣ 4-хъ тыс. человѣкъ, но вѣроятно, значительно меньшаго состава, и расположился бивакомъ въ Кайсанеми-паркѣ среди деревьевъ. Сила эта предназначалась или для противодѣйствія непріятельской высадкѣ, или для подкрѣпленія уставшаго свеаборгскаго гарнизона. Втеченіе недѣли полкъ простоялъ въ паркѣ, который на это время былъ закрытъ для публики. Дисциплина тогда въ войскахъ была настолько водворена, что по уходѣ полка изъ парка, ни одно дерево не оказалось попорченнымъ. Никакихъ жалобъ и нареканій не было слышно отъ содержателя гостинницы, всегда находившейся въ этомъ паркѣ. Воздухъ оглашался солдатскими пѣснями... Когда затѣмъ полкъ ушелъ, то о недавней стоянкѣ напоминали въ первое время только кучи соломы, на которой спали солдаты.

Странно, что въ городѣ распространился страхъ къ врагу именно послѣ того, какъ бомбардировка окончилась. Типографіи стали прятать свои шрифты въ подвалы, а одна изъ нихъ (въ которой печатались «Гельсингфорскія Вѣдомости» — Helsingfors Tidningar) перебралась на Вракъ-гольмъ (сосѣдній съ Хегхольменъ), гдѣ было напечатано два нумера этой газеты, которыя въ публикѣ назывались «Vrakholms Tidningar». Одна — другая лавка закрылась уже въ пятницу (10-го августа нов. стиля), а остальныя въ субботу. Одна бомба упала на набережной города, около магазиновъ, расположенныхъ по дорогѣ къ Брунспарку. Другое ядро долетѣло до Rödbergen и осколки его достигли Георгіевской (у Bangatan) и Большой Робертской улицъ. Это было, по словамъ Эльмгрена, единственное ядро, упавшее въ самомъ городѣ; оно не причинило никакого замѣтнаго вреда. Видимо, что здѣсь непріятель щадилъ городъ и частную собственность. Только въ Брунспаркъ попало около дюжины бомбъ, причинившихъ менѣе вреда, чѣмъ опасались. — Одна бомба проникла въ зданіе ваннъ и, пройдя черезъ крышу и полъ верхняго этажа, разрушила печку въ нижнемъ этажѣ, а затѣмъ застряла въ землѣ подъ поломъ; осколкомъ другой бомбы разбито было стекло въ томъ же зданіи, а другой осколокъ попалъ въ женскую купальню и, наконецъ, одна бомба разорвалась у лѣстницы гостинницы Брунспарка. Пожара онѣ не произвели и ущербъ, причиненный ими, легко былъ исправленъ. Тотъ же очевидецъ насчиталъ всего около девяти выбоинъ въ предѣлахъ этого парка [1]). Изъ воспоминаній другого современника видно, что въ Брунспаркѣ

[1]) Elmgren и Авг. Шауманъ.

была одна человѣческая жертва: бомбой убита была наповалъ маленькая дѣвочка (воспитанница инженеръ-механика Рихтера), игравшая на берегу залива. Ее похоронили съ почестями, какъ убитую на войнѣ [1]).

Бомбардировка прекратилась, но непріятельскія суда оставались втеченіе двухъ дней (субботы и воскресенія) на своихъ прежнихъ мѣстахъ, и только въ понедѣльникъ (13-го авг. н. ст.) рано утромъ они снялись съ якоря. Вмѣсто того, чтобы успокоиться, населеніе города было охвачено почти паническимъ страхомъ. Оно принялось поспѣшно укладывать свой скарбъ и длинный рядъ возовъ потянулся за городъ. Всѣ разсуждали такъ: непріятель никоимъ образомъ не можетъ удовлетвориться тѣмъ ничтожнымъ результатомъ, который имъ до сихъ поръ достигнутъ, и разъ ему не удалось овладѣть Свеаборгомъ, онъ сдѣлаетъ попытку разорить Гельсингфорсъ. Возраженію, что уничтоженіемъ города онъ ничего не выиграетъ, никто не внималъ. Многіе изъ тѣхъ, которые до сей поры оставались спокойными, охвачены были теперь лихорадкой переселенія и подъ вліяніемъ временнаго общественнаго настроенія, поднялись въ субботу изъ города. Другіе уложили свое имущество, но рѣшились приступить къ его перевозкѣ лишь при возобновленіи бомбардированія.

Интересное зрѣлище представляла Генриковская эспланада ночью: тутъ можно было видѣть кровати съ колыбелями, въ которыхъ лежали дѣти—ангелы мира, кушетки, на которыхъ спали старые холостяки; тутъ же старушки разсуждали о послѣднихъ дняхъ вселенной. Въ воскресеніе въ церквахъ говорились проповѣди на текстъ: «Христосъ плакалъ надъ Іерусалимомъ». Настроеніе было особенно тяжелое. Въ Телѣ (окраинѣ Гельсингфорса) все движимое имущество было вынесено изъ помѣщеній. На островѣ Хегхольмѣ не менѣе идиллично поселилось 30 семействъ. Тутъ же появились даже походныя лавочки съ товарами первой необходимости. Большинство однако искало убѣжища въ деревняхъ на сушѣ. Къ счастію, погода въ эти дни была довольно хорошая, почему бивачная жизнь подъ открытымъ небомъ не имѣла дурныхъ послѣдствій [2]).

Въ понедѣльникъ, когда отъ непріятельскаго флота не осталось ни единаго судна, немногочисленное населеніе стало успокаиваться, торговцы открыли лавки и магазины, всѣ приступили къ

---

[1]) «Финл. Газета» 1900 г. № 96. [2]) Elmgren и Авг. Шауманъ.

обычнымъ занятіямъ, но выселившіеся изъ города не сразу еще рѣшились вернуться въ свои дома [1]).

Итоги кампаніи стали подводиться немедленно, послѣ ея окончанія, тѣмъ же Западомъ, который въ началѣ раздувалъ пламя войны, желая униженія Россіи. Въ видахъ безпристрастія, полезно выслушать эти голоса европейской печати. «Великолѣпный и огромный флотъ», высланный Англіей при всеобщихъ восторгахъ, вернулся съ весьма сомнительнымъ тріумфомъ, какъ призналась англійская газета «Nautical Standart». Свеаборгскія укрѣпленія остались нетронутыми, а русскія военныя суда неуничтоженными». Въ другой разъ та же англійская газета, возвратившись къ прежнему вопросу о результатахъ похода въ Балтику, задается вопросомъ: почему не были разрушены приморскія укрѣпленія Свеаборга, послѣ того, какъ *пловучая цитадель* ея — трехъ-дечный корабль «Россія» — принуждена была покинуть Густавсверскій проходъ? Газета держалась того мнѣнія, что при наличныхъ силахъ «можно было атаковать приморскія укрѣпленія, съ полною надеждою на успѣхъ...» «Когда бы, вмѣстѣ со внутренностью крѣпости, истребили бы и приморскія укрѣпленія, что дало бы союзнымъ флотамъ возможность овладѣть и гаванью и русскими кораблями, тогда бы этимъ торжествомъ дѣйствительно могли гордиться наши соединенные флоты».

Адмиралъ Ричардъ Дондасъ объяснилъ, что, вслѣдствіе усовершенствованій, сдѣланныхъ съ прошлаго года въ свеаборгскихъ приморскихъ укрѣпленіяхъ, въ его разсчетъ не входило производить общую атаку на укрѣпленія кораблями: а предположенія его и французскаго контръ-адмирала (Пено) ограничивались разрушеніемъ крѣпости съ арсеналами, въ такой мѣрѣ, какая была доступна дѣйствію мортиръ» [2]).

Адмиралъ Коломбъ, разсмотрѣвъ въ наши дни дѣла подъ Свеаборгомъ, призналъ, что результатомъ бомбардированія былъ одинъ большой взрывъ, нѣсколько меньшихъ и много продолжительныхъ пожаровъ.

Нѣмецкая печать справедливо находила, что пріобрѣтеніе нѣсколькихъ развалинъ не соотвѣтствуетъ цѣнности потерь. «Жертвы войны не были въ соотвѣтствіи съ тѣми выгодами, которыя можно было надѣяться изъ нея извлечь» признавался также и маршалъ

---

[1]) Населеніе города въ 1850 г. достигало 19,500 чел., но холера 1853 г. значительно уменьшила его. [2]) «Морск. Сборн.» 1855 г., т. IX, стр. 86 и 87.

Франціи Кастеллянъ [1]). Во время кампаніи 1854—1855 г.г. покорялись въ сущности беззащитныя гавани, сожигались неукрѣпленные города и раззорялись недостроенныя крѣпости.

Чтобы нѣсколько уменьшить, напр., таможенные доходы Петербурга въ Балтійскомъ морѣ, союзникамъ пришлось (въ 1854 г.) держать въ этомъ морѣ въ продолженіи полугода 5,000 орудій, 50,000 матросовъ и 12,000 сухопутныхъ солдатъ [2]).

Зажигательство и грабежи англичанъ повредили гораздо болѣе доброму имени ихъ, чѣмъ оборонительныя средства Россіи. Захваты финляндскихъ судовъ не могли принести выгоды Англіи, а опустошеніе финскаго берега не могло быть полезнымъ западнымъ державамъ; Россіи они не ослабили, Швеціи съ Финляндіей не сблизили. Врядъ ли когда либо,—заключаетъ нѣмецкій критикъ «Allgemeine Zeitung»—предпринималась экспедиція со столь большими средствами и малой предусмотрительностью.

Въ томъ же смыслѣ высказалась газета «Allgemeine Zeitung» и въ 1855 г., имѣя передъ собою еще одну законченную кампанію. Англія оказалась сильной въ ограбленіи мирныхъ мореходовъ и въ сожиганіи неудобныхъ для «призовъ» имуществъ. «Даже ничтожные успѣхи въ Балтійскомъ морѣ достались на долю французскихъ сухопутныхъ войскъ». Въ окончательномъ выводѣ Англія ни на одной точкѣ не поколебала могущества исполина (Россіи), о которомъ она кричала, что онъ на глиняныхъ ногахъ. Въ пріемахъ же англичанъ сказалась только какая-то «мелочная месть»... «Dayly News» взглянулъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. По его убѣжденію, для успѣха Непиру нужны были не линейные корабли и большіе фрегаты, а нѣсколько небольшихъ пароходовъ и канонерскихъ лодокъ. Послѣднія должны быть устроены такъ, чтобы поднимать пушку большого калибра. Значительная часть кораблей сэра Чарльса Непира слишкомъ были велики для того, чтобы дѣйствовать въ Финскомъ заливѣ, а особенно въ узкихъ Свеаборгскихъ и Кронштадскихъ каналахъ [3]). Въ томъ же духѣ и самъ Непиръ объяснилъ своимъ соотечественникамъ (на обѣдѣ у лондонскаго лорда мэра въ 1855 г.) причины неисполненія данныхъ ему порученій. «Прежде всего,—говорилъ онъ,—вода недостаточно была глубока для нашихъ кораблей. Потомъ, батареи были такъ сильны.

---

[1]) «Рус. Стар.» 1898 г., апрѣль, стр. 381. [2]) «Сборн. Н. Путилова», т. XXIII, стр. 248 и 251. (Изъ «Спб. Вѣдом.» 1854 г. № 217). [3]) Сборн. Н. Путилова, XVIII, 40—41. («Спб. Вѣдом. 1854, № 112).

что не дозволяли намъ и попытки нападенія на крѣпость, не подвергнувъ гибели нашего флота. Итакъ, я полагаю, что дѣйствовалъ благоразумно... Когда разнеслось ложное извѣстіе о взятіи Севастополя, стали спрашивать, зачѣмъ Непиръ не беретъ Кронштадта и Санктпетербурга. Меня спрашивали даже, зачѣмъ я не пошелъ на Москву» [1]).

Цѣлью Балтійской кампаніи союзниковъ въ 1855 г.,—какъ справедливо заявилъ г. Любовицкій [2]),—было конечно, желаніе отвлечь, по возможности, большую часть нашихъ силъ отъ главнаго театра войны и предпринять ту операцію противъ котораго нибудь изъ нашихъ военныхъ портовъ, какая будетъ возможна по состоянію новыхъ вспомогательныхъ средствъ флотовъ.

Намъ представляется, что эта цѣль въ значительной мѣрѣ была достигнута непріятелемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ торговля наша пострадала, конечно, но очень мало въ сравненіи съ тѣми громадными средствами, которыя были для этого употреблены западными державами. Мимоходомъ отмѣтимъ, что тогда родилось особенное опасеніе за Петербургъ, и для огражденія его устроили цѣлую сѣть укрѣпленій въ устьяхъ Невы, у Сестрорѣцка и въ другихъ мѣстахъ, а также сосредоточили около столицы 137 тыс. войска.

Союзники, какъ мы видѣли, вообще явно преувеличивали достигнутые ими во время Восточной войны результаты. Болѣе правдивымъ оказался лордъ Кларендонъ; онъ, пріѣхавъ въ Парижъ на конгрессъ, сказалъ, что «двѣ предыдущія кампаніи признаются нерѣшительными» (indecises). («Истор. Вѣст.» 1891 г., янв. 112, А. Петровъ). Такого же мнѣнія былъ и Наполеонъ. Онъ находилъ, что союзники одержали въ Крыму серьезную побѣду, которая стоила, однако, имъ очень дорого, такъ какъ «русскіе оборонялись со славой». Но когда дѣло коснулось Балтики, онъ призналъ (въ бесѣдѣ съ барономъ Зеебахомъ, зятемъ гр. Нессельроде), что союзники еще не совершили ничего важнаго въ Балтійскомъ морѣ», но что они «намѣрены воспользоваться (въ 1856 г.) успѣхами морской науки для серьезнаго нападенія на русскихъ въ Балтійскомъ морѣ и разрушенія Кронштадта». Намѣреніе это осталось не приведеннымъ въ исполненіе.

Проба же, произведенная подъ стѣнами Свеаборга, кончилась

---

[1]) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, Спб. 1881, т. VI, стр. 514 и 515. [2]) Сборн. соч. офицер. Ник. акад. ген. шт., кн. I, 1862, стр. 162.

для нихъ ничѣмъ, а между тѣмъ, по опредѣленію столь компетентнаго лица, какъ адмиралъ Коломбъ, «это бомбардированіе надо считать самымъ большимъ изъ всѣхъ, когда либо предпринятыхъ съ моря».

Для самаго Свеаборга война не прошла безслѣдно. До Восточной войны свеаборгскій портъ, не имѣя никакого кораблестроительнаго значенія, былъ, однако, важнымъ военно-морскимъ пунктомъ, такъ какъ за его укрѣпленіями могли находить себѣ защиту суда Балтійскаго флота, изъ коихъ ежегодно зимовала здѣсь очередная дивизія кораблей, фрегатовъ, транспортовъ, бриговъ и шхунъ. Вслѣдствіе этого на островахъ были раскинуты портовыя заведенія и склады. Послѣ войны Свеаборгъ лишился своего прежняго значенія и на основаніи Высочайшаго повелѣнія, было признано необходимымъ имѣть въ Гельсингфорсѣ, — вмѣсто Свеаборга, — только склады угля и нѣкоторыхъ предметовъ [1]). Флотъ, послѣ войны, былъ выведенъ изъ Свеаборга и крѣпость эта была сдана сухопутнымъ войскамъ [2]).

Отношенія финляндцевъ къ Россіи.

Въ началѣ марта 1854 г. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича, посѣтилъ Финляндію, въ которой не былъ съ іюня 1833 г. Черезъ Выборгъ и Фридрихсгамъ, гдѣ былъ осмотрѣнъ кадетскій корпусъ, оказавшійся въ полномъ порядкѣ, Николай Павловичъ прибылъ 2 (14) числа въ Гельсингфорсъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера народъ густыми толпами окружалъ дворецъ, а во время парада л.-гв. финскаго стрѣлковаго баталіона окна, крыши, лѣстницы вокругъ сенатской площади были унизаны зрителями, коихъ, какъ предполагаютъ, собралось здѣсь отъ 8 до 9 тысячъ [3]). Вездѣ Его Величество сопутствовали искренній энтузіазмъ и преданность жителей. Родители подымали дѣтей на руки, чтобы показать имъ «величайшаго изъ современныхъ вѣнценосцевъ». Государь, какъ отецъ въ кругу своего семейства, ходилъ среди народа, милостиво кланялся ему, клалъ свою руку на головы и плечи ближайшихъ

---

[1]) Обзоръ дѣятельн. морск. управленія въ Россіи; 1855—1880 г., Спб. 1880, стр. 253—254. [2]) «Финлянд. Газета», 1900, № 96. [3]) Населеніе Гельсингфорса простиралось тогда до 15 тыс.

счастливцевъ. Во время царскаго обѣда, студенты пѣли подъ балкономъ дворца русскій гимнъ и свою народную пѣсню «Вортъландъ» (Нашъ край). Вечеромъ городъ «тонулъ въ огнѣ иллюминаціи». «Его Императорское Величество и Его Сыновья во время всего пребыванія въ Финляндіи имѣли случай убѣдиться въ горячей преданности финскаго народа Своему Монарху и Его Дому», писали тогда «Абоскія Извѣстія» («Abo Underrättelser» 1854, № 20).

Финляндцы просили Государя о защитѣ ихъ въ предстоящую войну, что, конечно, было обѣщано и войска были двинуты изъ Россіи для охраны побережья.

Тогда же Царь посѣтилъ и Свеаборгъ, гдѣ находилась часть нашего флота и строилось 10 канонерскихъ лодокъ [1]).

Встрѣча, оказанная финнами, глубоко тронула Государя; благосостояніе края Его порадовало, а потому въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 12-го (24-го) марта на имя ген.-лейт. Рокасовскаго выражены были Царское благоволеніе и милостивая признательность населенію Великаго Княжества.

Въ іюнѣ 1855 г. Финляндію посѣтилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Жители Або устроили гулянье въ саду Купписъ, гдѣ дамы забросали Высокаго Гостя прекрасными букетами. Великій Князь объѣхалъ значительную часть страны, побывавъ въ Гельсингфорсѣ, Таммерфорсѣ, Тавастгусѣ, Кюмени, Фридрихсгамѣ, Выборгѣ и на Сайменскомъ каналѣ. Послѣ этой поѣздки къ гр. Бергу былъ отправленъ слѣдующій рескриптъ: «Федоръ Федоровичъ. При исполненіи особаго порученія, Высочайшимъ довѣріемъ возложеннаго на меня въ Финляндіи, я былъ истинно утѣшенъ радушною встрѣчею добрыхъ финляндцевъ. Не говорю здѣсь о прекрасномъ состояніи всей страны, о повсемѣстномъ порядкѣ и спокойствіи въ ней господствующихъ и не касаюсь до военныхъ предметовъ, обо всемъ этомъ всеподданѣйше донесено мною Государю Императору, но я прошу Ваше Высокопревосходительство передать жителямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя я проѣзжалъ, мою искреннюю душевную благодарность за усердный пріемъ мнѣ сдѣланный, передать это всѣмъ чинамъ, всѣмъ сословіямъ безъ исключенія и увѣрить ихъ, что воспоминаніе о времени, проведенномъ мною въ Финляндіи, съ 1-го по 14-е іюня, будетъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни» [2]).

---

[1]) «Историч. Вѣстн.» 1897, іюль, 105—101; и «Журн. для чтенія воен. воен.-учеб. зав.» 1854, № 429. [2]) В. Д. Кренке; стр. 162—170.

Свою готовность выступить вмѣстѣ съ русскими противъ общаго врага, финны засвидѣтельствовали не малымъ числомъ примѣровъ. Частныя пожертвованія дѣлались въ разныхъ городахъ края.

Граждане Або, Бьернеборга, Гамле-Карлебю и другихъ городовъ сформировали на собственный счетъ вольныхъ стрѣлковъ. Городъ Або кромѣ того внесъ 10 тыс. руб. сер. на военныя надобности. Въ Бьернеборгѣ два частныхъ лица, отставной капитанъ Стрембергъ и купецъ Борго, вооружили 70 человѣкъ стрѣлковъ двухствольными ружьями. Одинъ Абоскій купецъ Trygg пожертвовалъ 150 новыхъ пикъ; другой—Бернстедъ, вмѣстѣ съ отставнымъ поручикомъ Юлинымъ, отдалъ свои мызы на островѣ Рунсало и дома въ распоряженіе нашихъ войскъ; Бьернеборгскій купецъ Ольденбургъ на свой счетъ содержалъ телеграфную линію на протяженіи 35-ти верстъ; лагманъ Фалькъ пожертвовалъ годовой свой доходъ, состоявшій изъ 100 бочекъ ржи и ячменя; купцы Кирстремъ и Селинъ безвозмездно отдали свой пароходъ и двѣ шхуны для нашей гребной флотиліи; экенескій купецъ Старкъ подарилъ мореходное судно съ матросами и содержалъ его на свой счетъ. Финляндскіе врачи безвозмездно пользовали нашихъ больныхъ. Дворянство и землевладѣльцы строили на свой счетъ магазины для храненія хлѣба [1]). На сѣверѣ Финляндіи поселяне установили умѣренную цѣну на припасы, необходимые для войскъ. Женщины не оставались безучастными къ дѣлу ухода за ранеными. Офицерскимъ женамъ, на время отсутствія въ походахъ ихъ мужей, въ гор. Або даны были квартиры, а солдатскія жены призрѣвались городскими и сельскими обывателями [2]).

Финляндскій сенатъ выразилъ готовность на средства края построить 35 канонерскихъ лодокъ, а также принять на себя расходы по временнымъ госпиталямъ и озаботиться обезпеченіемъ войскъ запасами продовольствія по умѣреннымъ цѣнамъ [3]).

11-го мая 1854 г. капитанъ-лейтенантъ князь Голицынъ донесъ Великому Князю Константину Николаевичу, что 40 канонерскихъ лодокъ были готовы и вооружены (24-фунтовой пушкой или единорогомъ), и что постройка лодокъ произведена прочно. Здѣсь говорится, очевидно, о лодкахъ, заказанныхъ на финляндскихъ верфяхъ русскимъ правительствомъ. Далѣе тотъ же кн. Голицынъ

---

[1]) Сборн. Н. Путилова, кн. XIII, стр. 6—7 (изъ «Рус. Инв.» 1855, № 133); кн. XIX, 51 («Сѣв. Пч.», 1854 г., № 84). [2]) Сборн. Н. Путилова, XXI, 83. (Изъ «Сѣв. Пчелы» 1854 г., № 84). [3]) Сборн. Н. Путилова, кн. XIII, 3; XIX, 51.

сообщалъ, что военные матросы набирались весьма успѣшно. Въ теченіе трехъ недѣль въ Або, Бьернеборгѣ и Нииштадтѣ собрали до 1,200 чел.—Народъ здоровый, и на $^2/_3$ изъ матросовъ.

«Для защиты береговъ Финляндіи *вольными прибрежными* судами контръ-адмиралъ Шанцъ уже приготовилъ 19 контрактовъ съ хозяевами судовъ и шкиперами, и ожидаетъ приказаній отъ генерала Рокасовскаго».—продолжалъ кн. Голицынъ [1]). Ясно, слѣдовательно, что имѣлось въ виду создать вольную флотилію для береговой обороны.

Говоря о мѣрахъ, которыя принимались финляндцами для самозащиты, нельзя не упомянуть еще о слѣдующемъ проектѣ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ И. Липранди въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1863 г., оказывается, что въ концѣ 1854 года, кто-то изъ финновъ предложилъ, чтобы прибрежнымъ жителямъ позволено было самимъ защищать сѣверный берегъ Финскаго залива на собственныхъ своихъ лодкахъ. Финны, какъ кажется, излагали и способъ этой защиты. Лодки, въ десять и пятнадцать человѣкъ каждая, служащія для рыбной ловли, должны были соединиться въ нѣсколько десятковъ и, пользуясь туманомъ и мракомъ, нападать со всѣхъ сторонъ на пароходы, входящіе въ шхеры, а также предпринимать болѣе значительныя нападенія, имѣя съ собою вилы, къ оконечности которыхъ прикрѣплялся бы пукъ соломы, смѣшанной со смолою, для зажиганія, по возможности, непріятельскихъ судовъ. Вооруженіе же ихъ преимущественно должно было состоять изъ топоровъ на длинныхъ топорищахъ и ломовъ. Условія же ихъ заключались въ томъ, что они требовали за каждое взятое или истребленное ими непріятельское судно немедленной выдачи установленнаго приза.

Предложеніе это не было одобрено на томъ будто бы основаніи, что подобное дѣйствіе озлобило бы непріятеля и обратило бы его на опустошеніе береговъ. А между тѣмъ, разсуждаетъ Липранди,—подобная мѣра крайне озаботила бы его и онъ не рѣшился бы, какъ это дѣлалъ, отдѣлять въ шхеры по одному и по два парохода, а былъ бы принужденъ держаться въ совокупности. Съ практической точки зрѣнія, И. Липранди находилъ предложеніе это полезнымъ. Прибрежные жители эти на водѣ чрезвычайно предпріимчивы, шхеры имъ настолько знакомы, что въ бурныя, темныя ночи они за безцѣнокъ провозятъ контрабанду. Кто можетъ ручаться, чтобы тогда эти люди не стакнулись и съ лоцманами изъ среды ихъ,

[1]) Военно-ученый архивъ (при главномъ штабѣ) отд. 2; № 4,274.

находящимися на непріятельскихъ судахъ, которые, чтобы участвовать въ богатомъ дѣлежѣ, не наводили бы съ умысломъ, судовъ на условленныя мѣста, и т. п.» [1]).

Въ 1854 г., когда въ теченіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ на верфяхъ Гельсингфорса, Або и Бьернеборга построили и вооружили 40 канонерскихъ лодокъ, изобрѣтены были для хладнокровныхъ финновъ два рода особаго абордажнаго оружія. Это оружіе состояло изъ желѣзной пики и чугунной булавы. Къ концу рукояти придѣлывался еще подъ прямымъ угломъ острый финскій ножъ «пуко» [2]).

Слѣдуетъ указать еще на одну своеобразную и полезную мѣру, къ которой прибѣгли въ виду военнаго времени.

30-го ноября 1855 года состоялось Высочайшее повелѣніе открыть для гельсингфорскихъ студентовъ, желающихъ поступить въ войска, особые курсы, нѣчто вродѣ военнаго факультета на шведскомъ языкѣ, съ цѣлью преподать имъ главнѣйшія свѣдѣнія военнаго дѣла и строеваго обученія. Попутно студенты упражнялись въ практическомъ письмоводствѣ. Учителя вознаграждались изъ финляндскихъ суммъ. Курсъ былъ 4-хъ мѣсячный. Окончившіе университетъ и прошедшіе этотъ военный курсъ, опредѣлялись на службу прямо офицерами. Двадцать шесть человѣкъ было такимъ способомъ приготовлены для военнаго дѣла и 14 произведены прямо въ офицеры, а остальные—зачислены унтеръ-офицерами [3]). Съ прекращеніемъ войны курсы закрылись.

Постой войска, исполненіе повинности по его траспортированію, ростъ цѣнъ на всѣ продукты—все это, конечно, пришлось перенести населенію, какъ неизбѣжное послѣдствіе войны. Но съ другой стороны, «къ утѣшенію населенія»,—какъ выразился одинъ изъ современниковъ (Авг. Шауманъ) «осталось большое количество серебряныхъ рублей». Этого утѣшенія лишена была, конечно, мѣстная администрація, или, точнѣе говоря, финляндская казна. Біографъ поэта Рунеберга (I. E. Strömborg) утверждаетъ даже, что никакого особаго вниманія къ доходамъ края не было проявлено, особенно генералъ-губернаторомъ гр. Бергомъ, который для своихъ мѣропріятій по защитѣ края до такой степени широко пользовался финляндской кассой, что далъ одному высокопоставленному мѣстному дѣятелю поводъ сказать, что онъ положительно

[1]) Отдѣльный оттискъ статьи Липранди: «Можетъ ли быть сдѣлано и въ какой степени покушеніе на С.-Петербургъ», стр. 9—10. [2]) «Морской Сборн.» 1856 г., янв., смѣсь, стр. 2—5. [3]) «Финл. Газета», 1901 г., № 29.

ѣстъ деньги («han formligen äter penningar»). Но все это переносилось безъ ропота и неудовольствія. Другой финляндецъ въ стокгольмской газетѣ «Aftonbladet» обвинялъ гр. Берга даже въ расходованіи казенныхъ денегъ на свои удобства. Это обвиненіе, говоритъ писатель нашихъ дней, справедливо лишь отчасти, такъ какъ гр. Бергъ обращался съ казенными средствами легкомысленно, желая расположить въ свою пользу общественное мнѣніе щедростію и раздачами [1]). Финляндцы и гр. Бергъ вообще «не были созданы другъ для друга», какъ отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ Авг. Шауманъ.

Провожали русскихъ воиновъ и встрѣчали повсюду съ должнымъ вниманіемъ и радушіемъ: устраивались обѣды, говорились рѣчи, а нижнихъ чиновъ угощали водкой, пивомъ, булками, сигарами и пр. [2]). А эти нижніе чины, находясь «на берегу Балтійскаго моря», ожидали «себѣ ежедневно непріятеля, чтобы съ нимъ побиться на острые штыки и на горячія пули и ядра...» [3]).

1-я Гренадерская дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гильденштуббе, вступила въ Гельсингфорсъ уже въ началѣ апрѣля (1854 г.). Затѣмъ появились Гродненскіе гусары, казаки и другія воинскія части. Всѣ полки были радушно встрѣчены представителями Гельсингфорса и угощались на счетъ города. «Но, къ счастію»,—прибавляетъ Авг. Шауманъ,—«не всѣ вновь прибывшія части остались въ Гельсингфорсѣ». Значительная часть ихъ прослѣдовала далѣе и была расположена въ окрестныхъ городахъ и деревняхъ: однако, не мало ихъ осталось на постоѣ среди обывателей главнаго города Финляндіи. Гостинницы были, конечно, переполнены; пробки шампанскаго щелкали раннею и позднею порой, звенѣли шпоры, гремѣли сабли и блестящіе рубли перекатывались по выручкѣ,—какъ говоритъ тотъ же современникъ-очевидецъ [4]).

Въ финской военной средѣ къ русскимъ успѣхамъ и геройскимъ подвигамъ относились доброжелательно и сочувственно. Адмиралъ Нордманъ удостовѣряетъ, что «всѣ славныя дѣла Севастополя читались въ командѣ морскаго финскаго экипажа и съ завистью произносились имена героевъ-матросовъ Кошки, Шевченки и др.» Среди чиновъ этого экипажа въ пользу инвалидовъ было

---

[1]) Furuhjelm. Ur Finlands Kulturhistoria. H—fors, 1902 г., стр. 68. [2]) Н. Путилова, кн. XXI, 83 (изъ «Сѣв. Пч.» 1854 г., № 84); кн. XXII, стр. 398, 399, 400. [3]) Тамъ же, кн. XXII, 401. [4]) Авг. Шауманъ, стр. 108—110.

собрано до полуторы тысячи руб. сер. Былъ и такой эпизодъ. Финскимъ матросамъ объявили, что имѣющіе право на отставку не будутъ задержаны болѣе въ частяхъ войскъ. Сорокъ стариковъ вышло изъ рядовъ съ заявленіемъ, что отъ отставки отказываются, желая въ будущемъ 1856 году положить животъ свой за права Монарха, во славу Россіи, во славу счастливой Финляндіи. («Морск. Сборн.» 1876 г. V).

Вообще между финляндцами и русскими существовали простыя и естественныя отношенія. Вмѣстѣ они дѣлили тогда и горе, и радость. Въ воспоминаніяхъ В. Д. Кренке находимъ описаніе одного эпизода, который, въ данномъ случаѣ, можетъ служить нѣкоторой илюстраціей къ нашимъ словамъ. Когда послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе наименовать батарею на Турки-Саари—«Николаевской», т. е. именемъ Великаго Князя Николая Николаевича, то В. Кренке задумалъ устроить (27-го іюля 1855 г.) на этомъ островѣ маленькое празднество. Пригласительные билеты, кромѣ военнаго начальства, разослали почетнымъ жителямъ гор. Выборга, а также нѣкоторымъ помѣщикамъ, купцамъ и фабрикантамъ. Изъ Выборга гостей доставили на островъ на двухъ пароходахъ «Выборгъ» и «Тосна». Островъ убрали, какъ могли, флагами и растительностію; взяли съ собой и музыку. На пароходахъ едва ли не преобладали дамы. Послѣ молебна сѣли за обѣдъ. Кому не хватило стульевъ, тѣ воспользовались барабанами и ранцами. Всѣ были въ отличнѣйшемъ настроеніи духа. Въ первый разъ встрѣтившіеся и не знавшіе поименно другъ друга, казались старыми знакомыми. Вдругъ подулъ вѣтеръ, налетѣла грозовая туча и разразилась ливнемъ. Но и эта гроза не испортила общаго хорошаго настроенія. Послѣ обѣда всѣ прокатились на лодкахъ на передовое укрѣпленіе Равансаари. Съ согласія военнаго губернатора, генерала Теслева, ударили тревогу и произведенъ былъ къ общему удовольствію маленькій маневръ. А въ заключеніе на гранитной площадкѣ Николаевскаго острова устроили веселые танцы. Оживленіе было общее [1]). 30-го августа того же года, стараніями преимущественно офицеровъ 1-й дружины государственнаго ополченія, въ Выборгѣ былъ устроенъ балъ по подпискѣ; жители города также приняли въ немъ участіе. Вообще, насколько возможно судить по воспомина-

---

[1]) В. Д. Кренке, стр. 146—148, и А. Байковъ. «Военный Сборникъ» 1867 г., т. V, стр. 134 и 135.

ніямъ современниковъ, общеніе гг. офицеровъ съ мѣстными обывателями г. Выборга было довольно частое и вполнѣ нормальное [1]).

31-го мая (н. ст.) 1856 г., по случаю заключенія мира, нѣкоторые жители г. Борго и его окрестностей устроили завтракъ, на который были приглашены офицеры расположенныхъ тамъ русскихъ войскъ. Это, конечно, также свидѣтельствуетъ, что обыватели остались довольны ихъ поведеніемъ (Strömborg, стр. 109). Въ тѣ времена,—прибавляетъ біографъ Рунеберга,—«не замѣчалось еще въ средѣ русскихъ (офицеровъ) той вражды, которая болѣе или менѣе проявилась послѣ того, какъ національная партія въ Россіи начала свои нападки (?) на права и привилегіи Финляндіи» (стр. 109).

2-го марта 1854 г. Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ гельсингфорскій университетъ и, обратясь къ студентамъ, сказалъ: «большія несчастія угрожаютъ всѣмъ намъ, но Я увѣренъ, что вы не измѣните находящемуся въ опасности отечеству». Не можетъ быть, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что финскій народъ рѣшилъ остаться вѣрнымъ своему законному монарху и исполнить долгъ, вытекавшій изъ факта принадлежности его Россіи. «Но нельзя отрицать»,—пишетъ професоръ Рейнъ въ своей обстоятельной монографіи о сенаторѣ Снельманѣ, — «что у одной части ея молодыхъ членовъ, особенно среди студентовъ, сказалось фрондирующее направленіе» [2]). Тотъ ультра-либерализмъ и противоправительственное настроеніе, которое обошло Европу въ 1848 г., не миновало финляндской молодежи. Режимъ царствованія Императора Николая I не только не справился съ этимъ вѣяніемъ Запада, но, напротивъ, нѣкоторыми своими мѣропріятіями далъ ему новую пищу. Наступившая война еще значительнѣе окрылила воображеніе нѣкоторыхъ лицъ. Общество видѣло въ Николаѣ Павловичѣ и въ его самодержавной власти наиболѣе серьезнаго врага конституціонно-либеральныхъ идей, и потому свободомыслящіе люди Финляндіи выразили свое сочувствіе западнымъ державамъ, надѣясь, что при ихъ побѣдѣ излюбленныя идеи получатъ права гражданства въ предѣлахъ ихъ родины. Все это, вмѣстѣ взятое, дало сильный толчекъ несбыточнымъ мечтаніямъ, особенно у той кучки молодыхъ университетскихъ людей, которые

---

[1]) «Военный Сборникъ» 1867 г., т. V, стр. 134—136. (А. Байковъ). [2]) Здѣсь почти дословно воспроизводятся заявленія проф. Рейна въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о фрондирующихъ финляндцахъ.

были извѣстны тогда въ краѣ подъ именемъ «безкровныхъ» (de blodlöse) [1]).

Кучка эта настолько высоко подняла голову, что въ Гельсингфорсѣ не смѣли осудить ея воззрѣній. Кто не сочувствовалъ ея направленію, подвергался бойкотированію. Одинъ изъ лучшихъ писателей Финляндіи, Зах. Топеліусъ, отличавшійся особенно мягкимъ характеромъ, религіознымъ чувствомъ и вообще многими симпатичными качествами своего характера, позволилъ себѣ, въ издаваемой имъ газетѣ «Helsingfors Tidningar» высказаться неодобрительно по вопросу о заступничествѣ христіанскаго Запада за мусульманскую Турцію. По поводу первой стычки финновъ съ непріятелями у Экенеса и Витсанда (Hvitsand), Топеліусъ, въ стихотвореніи «Первая капля крови», въ поэтической формѣ осудилъ непріятеля, оросившаго въ чудный весенній день прекрасный берегъ Финляндіи человѣческой кровью. Въ стихотвореніи говорилось также: «Мы защищаемъ наши берега, мы сражаемся за свою родину, и тягость причины этой крови на насъ не ляжетъ. Политическія неурядицы, Европа, Магометъ, все, все забыто, ибо теперь Финляндія привлечена къ участію». За эти заявленія Топеліусъ подвергся преслѣдованію фрондировавшей оппозиціи. Газета «Morgonbladet», редактировавшаяся тогда Авг. Шауманомъ, клеймила Топеліуса и инсинуировала по адресу его изданія, про которое тогда говорили, что оно является полуофиціальнымъ органомъ, ищущимъ покровительства власти. Чего нельзя было высказать въ Гельсингфорсѣ, то договаривалось въ Стокгольмѣ, гдѣ газета «Aftonbladet» широко открыла свои столбцы для всякаго рода клеветъ и навѣтовъ, лишь бы они могли быть направлены противъ Россіи. Въ кореспонденціяхъ изъ Финляндіи «Aftonbladet» изобразила Топеліуса въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. О немъ писали, что онъ «бѣсится какъ полусумасшедшій противъ Турціи и англичанъ» и что имъ руководитъ лакейство и заискиваніе. Въ Гельсингфорсѣ создалось такое общее настроеніе противъ бѣднаго и ни въ чемъ неповиннаго поэта, что даже не всѣ старые его знакомые дерзали здороваться съ нимъ на улицѣ.

---

[1]) Одни (преимущественно финноманы) производили это прозваніе отъ безучастія членовъ партіи къ національному возрожденію финновъ; другіе говорили, что кличка эта дана была (Іенишемъ) просто въ насмѣшку, такъ какъ въ числѣ членовъ партіи находился одинъ высокій чахоточный субъектъ.

Послѣ дѣла при Гамле-Карлебю «фрондирующая опозиція» еще опредѣленнѣе проявила свое направленіе. Она прямо осмѣивала воинское рвеніе тѣхъ гражданъ, которые, вмѣстѣ съ войсками, отражали англичанъ. Одному студенту, принявшему участіе въ защитѣ города, пришлось перенести за это не мало насмѣшекъ. И вообще они не желали слышать какихъ-либо нареканій на попраніе англичанами правъ народа. Газета «Morgonbladet» пыталась даже, насколько возможно было, оправдать поведеніе англичанъ общими разсужденіями, вродѣ того, что всякая война неизбѣжно сопровождается несчастіями и страданіями для отдѣльныхъ лицъ и т. п. Только тогда, когда «Times» неодобрительно отнесся къ уничтоженію англичанами частной собственности въ городахъ Брагестадтѣ и Улеаборгѣ, и когда въ парламентѣ сдѣланъ былъ Мильнеромъ Гибсонъ запросъ по поводу пожаровъ въ сихъ городахъ, въ Финляндіи прекратились защитительныя рѣчи, прикрывавшія морскіе разбои. Такимъ образомъ фронда дошла до анти-патріотическихъ выходокъ.

Прошло почти сорокъ лѣтъ. Авг. Шауманъ—издатель «Morgonbladet» —вновь взялся за перо, чтобы оживить это прошлое и передать (въ своихъ воспоминаніяхъ) потомству нѣкоторые факты, а также пояснить ту точку зрѣнія, которой онъ тогда держался, какъ редакторъ указанной газеты. Назвавъ Топеліуса Тиртеемъ и приведя два его стиха, онъ говоритъ: «Что Финляндія обязана была принять участіе въ войнѣ и съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлать все, что могла для отраженія непріятельскихъ нападеній на ея берегъ, въ этомъ не могло быть различія во взглядахъ. Этого требовалъ долгъ, тяжелый долгъ, но который необходимо было свято исполнить. Но сознаніе сего долга нельзя было поднять во всѣхъ на степень энтузіазма. («Men denna pligtkänsla kunde icke hos alla bringas upp till entusiasm). Если капля крови двухъ-трехъ раненыхъ воиновъ и пролилась на финскомъ берегу, то тѣмъ самымъ честь нашей страны не была еще запятнана, и если непріятелемъ похищенъ какой-то корабль, то этимъ еще право страны не было нарушено. Военное время естественно должно было причинить намъ большія потери и страданія, къ этому намъ надлежало быть подготовленными; оставалось только терпѣливо покориться имъ и утѣшиться тѣмъ, что тягость вины за все это падала не на насъ... Причины войны лежали далеко отъ насъ; Финляндія не имѣла никакого въ нихъ участія. Въ послѣдствіяхъ отъ нихъ также нельзя было предвидѣть никакихъ неблагопріятныхъ (ogynsam) перемѣнъ нашего

Лоцманъ Сёдерлингъ

положенія. Громы войны могли, пожалуй, въ извѣстной мѣрѣ очистить ту давящую атмосферу, которая насъ окружала; другихъ перемѣнъ не ожидалось» [1]).

Рядомъ съ фрондирующими финляндцами справедливость требуетъ поставить еще одно печальное явленіе, которое изрѣдка давало себя знать то здѣсь, то тамъ. Мы говоримъ объ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лоцмановъ къ своимъ обязанностямъ. Многіе изъ нихъ выказали себя замѣчательными героями и подвиги ихъ тогда же были отмѣчены въ русской печати. Особенно громкую извѣстность заслужилъ лоцманъ Сёдерлингъ. Этотъ отважный морякъ на утлой лодкѣ поѣхалъ осмотрѣть тѣ мѣста около Поркалаудда (19-го іюня 1854 г.), на которыхъ непріятелемъ раставлены были баканы. Съ Сёдерлингомъ находился лоцманскій ученикъ и одинъ крестьянинъ. Лодка была замѣчена непріятелемъ, который сталъ преслѣдовать ее на пароходѣ. Девять пушечныхъ выстрѣловъ было сдѣлано по лодкѣ, но она уцѣлѣла. Во время преслѣдованія пароходъ наткнулся на мель. Не желая упустить дерзкаго финна, непріятель снарядилъ для погони двѣ шлюпки, съ которыхъ открытъ былъ по бѣглецамъ ружейный огонь. Держа одной рукой парусъ, а другой весло, замѣнявшее руль, Сёдерлингъ прекрасно лавировалъ и, наконецъ, выйдя на вѣтеръ, отдѣлался отъ англичанъ. Едва обстоятельства нѣсколько поправились и Сёдерлингъ получилъ возможность освободить руки, онъ взялъ ружье и сдѣлалъ по непріятелямъ два выстрѣла. Тѣ отвѣтили двумя залпами и прекратили преслѣдованіе. Это небывалое единоборство происходило на протяженіи 7 верстъ («Морской Сборникъ» 1856 г., № 4, стр. 215 и 216). Извѣстно еще, что многіе финляндцы отказались служить проводниками у англичанъ («Сборн. П. Путилова», кн. XXI, стр. 147), а также, что по нѣкоторымъ лоцманскимъ лодкамъ англичане стрѣляли изъ пушекъ. (Переписка гр. А. К. Толстого, «Вѣст. Евр.» 1897 г., апр., стр. 608). Можно указать еще на подвигъ крестьянина Канконена и на достойное поведеніе комерціи совѣтника Доннера, портреты коихъ имѣются въ гельсингфорскомъ дворцѣ. Не мало мужества проявили еще почтари-гребцы, перевозившіе почту въ шхерахъ. Благодаря ихъ осторожности и сообразительности, почта ни

[1]) «Воспоминанія Авг. Шаумана», т. VI, стр. 127 и 128. Докторъ Ильмони молилъ, чтобы гроза войны не сокрушила Финляндія, а ограничилась тѣмъ, чтобы очистила духовную атмосферу отъ существующей духоты. (См. біографію Рунеберга, составленную Strömborg'омъ, т. IV, ч. 4).

разу кажется не попала въ руки непріятеля, крайне затруднявшаго своимъ дозоромъ сообщеніе между островами и материкомъ [1]).

Но, къ сожалѣнію, рядомъ съ этими самоотверженными героями, оказались и такіе лоцманы, которые или отказывали намъ въ своихъ услугахъ, или, напротивъ, содѣйствовали проводкѣ непріятельскихъ судовъ. Извѣстный адмиралъ Аркасъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующій случай: «Мнѣ хотѣлось ночью на одномъ изъ своихъ пароходовъ «Смѣломъ» войти къ стоявшимъ противъ Свеаборга кораблямъ (непріятеля) и потаранить одного или двухъ... Пароходъ былъ готовъ, но лоцманъ, вѣроятно, умышленно куда-то скрылся... По этому поводу адмиралъ призналъ нужнымъ заявить, что во время войны наши лоцманы-финляндцы вели себя очень двусмысленно: были основанія предполагать даже, что они сообщали непріятелю все, что у насъ дѣлалось въ Финляндіи. Не могу умолчать также,—говоритъ адмиралъ,—о томъ, что финляндскіе землевладѣльцы весьма недружелюбно относились къ намъ, морякамъ и войскамъ, почти всегда отказывали въ продажѣ какой-либо необходимой провизіи и при удобномъ случаѣ снабжали ею непріятеля, съ которымъ, повидимому, были въ близкихъ отношеніяхъ...» («Историч. Вѣстн.» 1901 г., апр.).

Въ «Абоскихъ Извѣстіяхъ» 1854 г. («Abo Underrättelser» №№ 46 и 59) имѣется указаніе на то, что наиболѣе опытный лоцманъ Ананій Михельсонъ, захваченный англичанами во время его плаванія къ Торнео, указалъ непріятелю не только путь къ Улеаборгу, но также и тѣ мѣста, въ которыхъ обыватели этого города запрятали часть своихъ запасовъ. Военный инженеръ Шателенъ, участникъ войны 1854—1855 гг., описывая (въ «Инженерномъ Журналѣ» 1866 г., № 5) атаку и оборону Аландскихъ укрѣпленій, говоритъ, между прочимъ: «Командиръ англійскаго парохода «Гекла», капитанъ Холь, захвативъ (въ іюнѣ 1854 г.) нѣсколько

---

[1]) Разсказываютъ, что однажды позднимъ лѣтомъ 1855 г. почтари неожиданно были замѣчены англичанами, которые въ своихъ красныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ брюкахъ стояли на берегу, недалеко отъ Брендё (въ аландскихъ шхерахъ). Непріятели бросились въ свою лодку и подняли красный флагъ; почтари однако не испугались, а всѣми силами налегли на весла, при поднятомъ парусѣ. Англичане почти настигали ихъ. Почтари причалили къ берегу. Самый сильный изъ нихъ взвалилъ мѣшокъ съ почтой на спину и скрылся въ лѣсу. Англичане захватили лодку, почта же исправно была доставлена въ Або. («Hufvudstadsbladet»; 1903, № 47 (изъ газеты «Aland»).

рыболовныхъ судовъ, подъ обѣщаніемъ владѣтелямъ отпустить ихъ, добылъ себѣ проводниковъ» [1]).

Несомнѣнно, что фрондирующіе финляндцы и нѣсколько недостойныхъ лоцмановъ явились не болѣе, какъ исключеніемъ изъ общаго правила и потому мы отнюдь не склонны придавать этимъ отдѣльнымъ случаямъ какого-либо распространительнаго толкованія, такъ какъ всѣ остальные факты показываютъ, что финны были столь же готовы «лечь костьми» за Царя и Отечество, какъ и остальные русскіе подданные.

Опозиціонная фронда, какъ извѣстно, находила себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ органахъ печати Швеціи, которые полагали, что насталъ удобный моментъ для возвращенія Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Швеціи признано было желательнымъ выслушать голосъ самихъ финновъ по вопросу о возсоединеніи. Такой голосъ скоро подалъ Эмиль фонъ-Квантенъ, финнъ, родившійся въ 1827 г. въ гор. Бьернеборгѣ. Подъ псевдонимомъ Peder Särkilax онъ въ 1855 г. выпустилъ двѣ брошюры о «Финноманизмѣ и скандинавизмѣ» («Fennomani och skandinavism»). Въ первой изъ нихъ Квантенъ разъяснялъ то финно-національное движеніе, которое проявилось въ Финляндіи, стараясь оправдать его и разсѣять тѣ облака недоразумѣнія и охлажденія, которыя были вызваны въ Швеціи этимъ финноманскимъ движеніемъ. Вторая его брошюра посвящена была разъясненію вопроса: «возможно ли вновь объединить Финляндію со Швеціей?». Авторъ толкалъ Швецію въ войну, чтобы затѣмъ вознаградить ее Финляндіей, которая, по его мнѣнію, должна быть отторгнута отъ Россіи. Когда отторженіе состоится, то, пророчилъ Квантенъ, въ финнахъ проснется заглушенное стремленіе къ сво-

---

[1]) «Старый морякъ» Шиллингъ говоритъ («Рус. Арх.» 1892 г., т. VII, стр. 291), что на Дальнемъ Востокѣ «кромѣ насъ, англичане забрали еще нѣсколько финскихъ матросовъ съ брига нашей россійско-американской компаніи. Спасаясь отъ англичанъ, этотъ бригъ хотѣлъ зайти въ Амуръ съ сѣверной стороны, гдѣ сѣлъ на одну изъ многочисленныхъ мелей этого фарватера. Отъ этихъ финляндцевъ англичане узнали, что русскія суда находятся въ Амурскомъ лиманѣ, входъ въ который большимъ судамъ доступенъ только съ южной стороны, изъ Татарскаго пролива. Капитанъ Стерлингъ былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ въ Хакодате къ своему отцу, адмиралу серу Джемсу Стерлингу, и на пути встрѣтилъ насъ. На пароходѣ англійскіе офицеры относились къ намъ очень любезно. Изъ ихъ разсказовъ мы узнали, что ихъ команды порядочно грабили въ Аянѣ и что, къ сожалѣнію, финскіе матросы имъ не уступали. По словамъ этихъ финновъ, жители Аяна поспѣшно удалились въ лѣсъ, при приближеніи непріятеля, зарывъ пушки и другія вещи... Для отысканія пушекъ англичане ежедневно отправляли команду на берегъ, въ сопровожденіи финскихъ матросовъ, но безуспѣшно...»

бодѣ и они съ радостію протянутъ руки своимъ шведскимъ освободителямъ. Но,—предупреждалъ Квантенъ,—развившееся уже у финновъ національное самосознаніе не даетъ возможности присоединить Финляндію къ Швеціи на прежнихъ основаніяхъ (т. е. провинціи), а требуетъ, чтобы она вошла въ союзъ сѣверныхъ странъ— Швеціи, Норвегіи и Даніи,—какъ самостоятельное государство, но съ общимъ для Швеціи королемъ. Дипломатическое представительство, вмѣстѣ съ таможней и почтой, должны быть едины для Финляндіи со Швеціей, армію и флотъ необходимо организовать на одинаковыхъ основаніяхъ, бюджетъ слѣдуетъ имѣть общій. Каждая страна будетъ имѣть свой риксдагъ, куда по общимъ дѣламъ будутъ взаимно посылать своихъ представителей. Такова основа политической теоріи Квантена [1]).

Попутно, въ изложеніи фактовъ и соображеній, Квантенъ не упустилъ, конечно, случая излить чувства, которыя онъ лично питалъ къ Россіи. Авторъ, очевидно, жилъ надеждой, что побѣда достанется западнымъ государствамъ и что Россія будетъ раздѣлена на нѣсколько частей, почему онъ совѣтовалъ Швеціи не только отобрать Финляндію, но прихватить также и русскую Карелію [2]).

Брошюры Квантена были широко распространены въ Финляндіи, но,—говоритъ Рейнъ,—особаго вліянія онѣ не произвели: только въ молодежи онѣ поддержали политическія мечтанія о новомъ будущемъ ихъ родины. Единственный голосъ, поднятый въ Финляндіи противъ политическихъ домогательствъ партіи «безкровныхъ» принадлежалъ Снельману. Онъ смѣло разилъ ихъ, доказывая несостоятельность задуманныхъ плановъ и вредъ ихъ для родины. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Снельмана, конечно, чернили и въ его статьяхъ видѣли признательность правительству за предоставленное ему сенаторское кресло.

Генералъ-губернаторъ Бергъ внимательно слѣдилъ за «фрондой» и особенно интересовался ея сношеніями съ финляндскими эмигрантами, удалившимися въ Швецію, гдѣ они содѣйствовали пропагандѣ панскандинавизма, желая вовлечь въ ея сѣти также и Финляндію. Разныя политическія выходки «университетскихъ» повели къ тому, что Государь повелѣлъ ничего важнаго впредь не

---

[1]) Неудивительно поэтому, что старикъ Квантенъ недавно въ грустныхъ стихахъ оплакалъ упраздненіе финскихъ войскъ, названныхъ имъ «сердцемъ» Финляндіи. [2]) На Карелію обращали вниманіе и другіе финскіе писатели. Такъ, напримѣръ, Эрвастъ въ финской газетѣ «Эхо» доказывалъ, что Кемскій уѣздъ Архангельской губ. необходимо присоединить къ Финляндіи. («Рус. Вѣст.» 1895 г., сент., стр. 309). С. К. Михайловъ. «Юридич. полож. Финл.», 1901 г., стр. 46.

предпринимать въ университетѣ безъ вѣдома генералъ-губернатора. Однако, и дѣйствіями гр. Берга Императоръ Александръ II остался не вполнѣ доволенъ. Отголоскомъ университетскихъ фантазеровъ явилась также нашумѣвшая въ свое время такъ называемая «исторія въ Телэ» (предмѣстье Гельсингфорса). Она сводилась къ тому, что университетская молодежь на обѣдѣ съ обильнымъ возліяніемъ принялась за тосты съ шутками и остротами политическаго характера. Подымались бокалы за «наихристіаннѣйшаго султана Турціи, за его союзниковъ, за маршала Канробера, за гр. Берга и др. (Остроты были построены, между прочимъ, на томъ, что среди прислуги ресторана оказался кельнеръ Каинъ Робертъ, а среди пировавшихъ—Эдвардъ Бергъ, впослѣдствіе извѣстный финляндскій публицистъ). Въ рѣчахъ было много дерзости, а въ поведеніи—много безтактности. Далеко не всѣ финляндцы одобрили «исторію въ Телэ». Гр. Бергъ сталъ думать о реформѣ университета. Проф. Рейнъ, описывая эту исторію, говоритъ, что «только политическая наивность» могла усмотрѣть въ ней юношескую шутку.—Генералъ-губернаторъ энергично принялся за уничтоженіе зла, корнемъ котораго «были,—по словамъ Рейна,—все-таки тѣ глупцы и пустые фантазеры, которые ввели смуту въ финляндскомъ обществѣ».

Парижскій миръ 1856 г. разрушилъ воздушные замки маленькой финляндской фронды, но былъ моментъ, когда осуществленіе програмы Квантена казалось весьма вѣроятнымъ. Это—періодъ переговоровъ, которые вела Франція, съ цѣлью вовлеченія Швеціи въ восточную войну.

Намѣреніе Швеціи принять участіе въ войнѣ, естественно, возбудило большой интересъ въ Финляндіи. Что̀ думала по поводу этого обстоятельства фрондировавшая опозиція легко, конечно, представить. Но даже для болѣе спокойныхъ людей, воззрѣнія которыхъ совершенно расходились съ кучкой увлекавшихся, франко-шведскіе переговоры дали обильную пищу для соображеній всякаго рода. Вопросъ о войнѣ или мирѣ, послѣ паденія Севастополя, продолжалъ всю осень обсуждаться въ финляндскомъ обществѣ,—какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ Авг. Шауманъ. Къ газетнымъ извѣстіямъ сдѣлались еще болѣе внимательными. Русскія и иностранныя изданія усердно прочитывались въ гельсингфорскомъ клубѣ, который тогда помѣщался на углу Эспланады и Уніонской улицы (гдѣ теперь домъ Эдлунда, а тогда былъ домъ Ушакова). Клубъ посѣщался также и русскими офицерами. Реляціи и телеграмы, печатавшіяся въ «Русскомъ Инва-

лидѣ», финляндцамъ приходилось сообща и не безъ усилій «дешифрировать», въ виду слабаго знанія ими русскаго языка. По прочтеніи газетъ начиналась политическая бесѣда. Но такъ какъ вполнѣ откровенный политическій разговоръ неудобно было вести въ стѣнахъ клуба, въ присутствіи пестрой толпы его посѣтителей, то собесѣдники выходили на улицу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось обсуждать какой-либо текущій вопросъ, или дѣло, касавшееся Финляндіи. Самъ Авг. Шауманъ обмѣнивался мыслями со Снельманомъ во время прогулокъ по улицамъ отъ клуба до квартиры послѣдняго. Подобныя прогулки были особенно въ ходу въ ноябрѣ (1855 г.), въ періодъ поѣздки Канробера въ Стокгольмъ. О томъ, что поѣздка генерала Канробера весьма замѣтно отозвалась на настроеніи въ Финляндіи, и особенно на университетскихъ кругахъ, свидѣтельствуетъ также генералъ-губернаторъ гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ въ письмѣ къ гр. Армфельту (отъ 5-го (17-го) ноября 1855 г.), хотя имѣлись основанія предполагать, что миссія Канробера была не болѣе, какъ ловкимъ шахматнымъ ходомъ со стороны Наполеона, дабы побудить Россію къ принятію проектированныхъ условій мирнаго договора.

«Миссія генерала Канробера,—писалъ гр. Бергъ,—сильно волнуетъ молодую университетскую Финляндію и еще нѣкоторыхъ въ краѣ. Если миссія этого генерала не будетъ имѣть благопріятныхъ результатовъ въ интересахъ враговъ, то все стихнетъ здѣсь на нѣкоторое время»...

Участіе Швеціи могло быть богато разными послѣдствіями, почему даже такой серьезный человѣкъ, какъ Снельманъ, подвергалъ его серьезному обсужденію (Воспом. Авг. Шаумана, т. II, стр. 186).

Нѣкоторыя свои мысли объ участіи Швеціи, въ союзѣ съ западными державами, въ войнѣ въ Финляндіи, В. Снельманъ имѣлъ случай высказать въ статьѣ, направленной противъ финскихъ симпатій къ полякамъ 1863 г. («Litteraturbladet», № 5). Участіе Швеціи прежде всего создало бы, по его мнѣнію, братоубійственную войну (brödrakrig), такъ какъ естественно, что союзники неизбѣжно направили бы шведскія войска въ Финляндію. Однако, Швеція не извлекла бы особыхъ выгодъ для себя, такъ какъ первымъ результатомъ ея участія явилась бы блокада финскихъ береговъ, а такая блокада не можетъ быть желательна Стокгольму. Союзникамъ также не выгодно было бы производить высадку на финскую землю, ибо рѣдкое населеніе края и отсутствіе предметовъ первой необходимости для пропитанія десант-

наго отряда, неизбѣжно побудило бы непріятеля не позже ноября оставить край. Если населеніе Финляндіи въ 1808 и 1809 годахъ скрывалось въ лѣса при приближеніи собственнаго войска, то тѣмъ болѣе оно сдѣлало бы это, при видѣ непріятеля (Собр. соч. Снельмана, т. VI, стр. 274). Наконецъ, не извлекла бы пользы изъ войны и сама Финляндія. Среди другихъ народовъ война подымаетъ чувства національности и самостоятельности, но для этого необходимо обладать прежде всего политической независимостью и правомъ собственной защиты, чего у Финляндіи не имѣется. Особенно же возмущался Снельманъ толками о нейтралитетѣ, которые особенно были въ ходу въ 1863 г., и удивлялся, какъ могла возникнуть подобная несообразная мысль. Вообще же онъ очень горячо осуждалъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые дали Западу поводъ желать созданія изъ Финляндіи «второй Польши» (т. VI, стр. 281), а въ этомъ повинны были, по его словамъ, именно сами финляндцы.

Въ общей массѣ финляндцы признавали свой долгъ и, конечно, понимали свои обязанности. Извѣстный финляндскій дѣятель Ирье-Коскиненъ написалъ впослѣдствіи (въ 1876 г.) особую статью о «долгѣ народной признательности». Въ ней онъ заявилъ, что на финскомъ народѣ лежитъ долгъ признательности къ русскимъ, и притомъ не малый. Дружеское сожительство подъ одною кровлею измѣнило и прежнія понятія о Россіи, и прежнія отношенія къ Швеціи. «Конечно»,—продолжаетъ онъ,—непріятна мысль, что мы (т. е. финны) когда-нибудь можемъ встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ нашихъ прежнихъ товарищей, шведовъ, но... такова дѣйствительность. Многое измѣнилось и должно было измѣниться съ того памятнаго дня, когда Дебельнъ въ благодарственной прощальной рѣчи къ финскимъ войскамъ [1]) уплатилъ финскому народу долгъ признательности со стороны Швеціи».

Во время восточной войны одному финну (Ирье-Коскинену?) случилось бесѣдовать со шведскимъ офицеромъ. Предметами разговора были пріѣздъ Канробера въ Стокгольмъ и вѣроятныя послѣдствія этого пріѣзда. «А что вы станете дѣлать, когда мы вступимъ въ Финляндію?» — спросилъ шведъ у финна. — «Какъ что!?. Станемъ стрѣлять въ васъ»,—отвѣтилъ послѣдній.—Офицеръ сначала изумился, но потомъ выразилъ должную дань уваженія отвѣту» [2]).

---

[1]) Эту рѣчь см. у Михайловскаго-Данилевскаго, Описаніе Финляндской войны—стр. 506—508. [2]) Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи, Спб., 1891 г., стр. 116.

Въ Финляндіи долгое время прожилъ шведскій маіоръ Мильбергъ и потому успѣлъ ознакомиться съ господствовавшимъ настроеніемъ въ краѣ. По возвращеніи въ Стокгольмъ, онъ въ присутствіи короля высказалъ свое убѣжденіе, что шведы плохо будутъ встрѣчены въ Финляндіи, гдѣ народъ искренно преданъ своему Государю.

Дабы финскій народъ во время Крымской войны исполнилъ свой долгъ по отношенію къ Россіи, приняты были нѣкоторыя мѣры. Такъ, напр., въ Або напечатана была въ 1855 г. брошюра «Ett ord i sinom tid, till förmaning». («Своевременное слово для увѣщанія»). Авторомъ ее называли пастора T. G. Hedberg'a (Хедберга). По желанію примаса финляндской церкви, эта книжка распространялась въ тысячахъ экземплярахъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ среди населенія края. Ея цѣлью было укрѣпленіе преданности монарху и воодушевленіе народа на сопротивленіе врагу. Цѣль была поставлена, конечно, хорошая: и если критика отнеслась къ книжкѣ не совсѣмъ одобрительно, то объясняется это тѣмъ, что въ текстѣ допущены были нѣкоторыя неумѣстныя сравненія Турціи, напр., съ дикимъ звѣремъ, питавшимся въ теченіи столѣтій христіанскою кровью, Франціи—съ блудницей и т. п. [1]).

Еще ранѣе этой брошюры епископъ Бергенгеймъ въ 1854 г. разослалъ по подчиненнымъ ему пасторатамъ циркуляръ, призывая населеніе руководиться присягой, данной Монарху, какъ своему законному и Богомъ поставленному повелителю [2]).

И дѣйствительно финны были спокойны, когда буря войны приближалась къ Финляндскимъ берегамъ (Сборн. И. Путилова, XXII, 397). Финны долго (какъ никогда прежде) наслаждались благами мира. «Мы были бы неблагодарны Провидѣнію за благодѣянія мира, если бы не умѣли встрѣтить войну, какъ прилично потомкамъ мужественныхъ предковъ»,—говорилъ профес. Гельсингфорскаго университета Сигнеусъ (16-го—28-го апр. 1854 г.). Мы знаемъ, что война не худшее изъ золъ, что она иногда является, какъ ангелъ въ Виоездѣ, чтобы, смутивъ общественное спокойствіе, исцѣлить общество отъ духовныхъ недуговъ, зарождающихся среди продолжительнаго мира»... Но кромѣ того, финны шли защищать благо мира и ту страну, гдѣ они научились высоко цѣнить это достояніе. Они,—какъ справедливо указывалъ тотъ же профес. Сиг-

[1]) Воспоминанія Авг. Шаумана, 1893 г. тетрадь 6, стр. 147—149. [2]) Партіи либераловъ воззваніе епископа, конечно, не понравилось и въ Стокгольмской брошюрѣ «Finska förhollanden» одинъ изъ финляндцевъ выступилъ съ дерзкимъ заявленіемъ, что Императоръ Николай I вовсе не былъ законнымъ повелителемъ Финляндіи (соч. Рейна, II, 179).

неусъ,—должны были доказать, что не даромъ пользовались общественнымъ уваженіемъ. Они шли защищать море, носившее имя финскаго народа и бывшее свидѣтелемъ прежнихъ ихъ подвиговъ, свои скалы, съ которыми срослись ихъ воспоминанія дѣтства и молодости [1])...

«Намъ нечего сомнѣваться въ преданности и сочувствіи къ Россіи нѣмцевъ и другихъ нашихъ инородцевъ, — писалъ извѣстный кн. П. А. Вяземскій лѣтомъ 1854 г., —такъ какъ они руководятся въ этомъ отношеніи вполнѣ естественнымъ *благоразуміемъ и разсчетомъ*. Вопреки примѣру другихъ державъ, наше правительство всегда покровительствовало народностямъ, вошедшимъ въ составъ нашего государства, поскольку это покровительство не противорѣчитъ общему благу. Льготами, во многихъ отношеніяхъ, у насъ пользовались не побѣдители, а побѣжденные. Губерніямъ Балтійскимъ, Финляндіи, областямъ азіатскимъ предоставлены такія права по торговлѣ и самоуправленію, которымъ могутъ позавидовать жители настоящей Россіи. Вольно же было полякамъ собственными руками уничтожить всѣ преимущества, которыя были имъ уступлены русскимъ правительствомъ. Всякій нѣмецъ, подданный Россіи, всякій благоразумный финляндецъ всегда будетъ гордъ и счастливъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ великой имперіи, которая пріобщила его къ своему могуществу. Они не станутъ мечтать о составленіи маленькаго и бѣднаго независимаго государства, не станутъ добиваться чести принадлежать государству второстепенному или составленному изъ разнородныхъ началъ, гдѣ два вѣса и двѣ мѣры одни для побѣдителей и другіе для побѣжденныхъ» [2]).

По поводу преданности финновъ своему монарху нѣмецкая газета «Neue Preussiche Zeitung» тогда же, во время войны, справедливо указала, что у финновъ «нѣтъ рѣшительно никакихъ достаточныхъ причинъ къ оправданію какой либо вражды противъ Россіи», что не только подати финновъ употребляются на пользу ихъ области, — тогда какъ раньше онѣ отправлялись въ Стокгольмъ, — но кромѣ того, русское правительство отпускало значительныя суммы на разныя мѣстныя нужды, что «Россія никогда не нарушала ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ выгодъ Финляндіи», что образованныя сословія пользуются при нынѣшнемъ правительствѣ слишкомъ большими выгодами, чтобы не желать ихъ сохраненія, коро-

---

[1]) Сборн. Н. Путилова, XXI, 89—90. (Изъ «Сѣв. Пчелы» 1854 г., № 118).
[2]) Соч. кн. Вяземскаго, VI, стр. 417—418.

ле — невозможно, чтобы финляндцы не чувствовали живѣйшей благодарности къ своему Императору и не были ему вѣрно преданны» [1]).

Итакъ, долгъ народной признательности, вліяніе духовенства, защита собственной родины, пользовавшейся подъ покровительствомъ Россіи большими привилегіями и существенными матеріальными выгодами, благоразуміе и разсчетъ — все побуждало финна быть вѣрнымъ Русскому Монарху. Участіе въ коалиціи Швеціи ничего хорошаго финляндцамъ не сулило.

Но помимо этого, была еще одна причина, побуждавшая финновъ крѣпко стоять за Россію. Финны были раздражены дѣйствіями англичанъ. Болѣе возмутительнаго отношенія къ мирному населенію, чѣмъ англійское, трудно представить. Естественно, слѣдовательно, что финны желали отплатить за захваченныя суда, за сожженную частную собственность, за нарушенную торговлю, за оскорбленныхъ женъ, за поруганную честь. Финны протестовали, но Плюмриджъ оставался глухъ къ ихъ заявленіямъ. «Такого способа дѣйствія въ серединѣ XIX ст. никакъ не ожидали со стороны одной изъ наиболѣе образованныхъ въ Европѣ націй противъ миролюбиваго народа, не принимавшаго къ тому же участія въ общей политикѣ, а лишь соединеннаго (förenad) съ Россіей. Поэтому англійскія опустошенія произвели повсюду въ Финляндіи большое изумленіе, безпокойство, досаду и негодованіе (Strömborg, IV. ч. 4).—Извѣстный поэтъ Финляндіи Рунебергъ,—который вообще сторонился политики и мало высказывался по текущимъ событіямъ,—въ письмѣ отъ 7-го окт. (нов. ст.) 1854 г. заявилъ: «Хотя шведы и болтаютъ всякіе пустяки, но едва ли кто изъ нихъ серьезно вѣритъ, что мы (финны) склонны къ возстанію.—По крайней мѣрѣ, не считая всѣхъ другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, поведеніе, испытанное нами въ послѣднее время, какъ со стороны ихъ (шведовъ), такъ и англичанъ, даетъ весьма мало основанія къ подобному ожиданію. Если они въ дѣйствительности надѣялись на какія-либо демонстраціи въ Финляндіи, то съ ихъ стороны было странно возбуждать, какъ они сдѣлали, своимъ поведеніемъ противъ себя негодованіе финновъ. Всѣ эти англійскіе подвиги въ Эстерботніи и рукоплесканія имъ шведовъ, а также стѣсненіе торговли, не особенно удачно выбраны для возбужденія здѣсь въ Финляндіи симпатій и вовлеченія насъ въ ихъ интересы. Еслибы они самымъ изысканнымъ благородствомъ желали лишить насъ искушенія укло

[1]) Сборн. Н. Путилова, XXIV 289—290. (Изъ «Сѣв. Пчелы» 1854 г., № 208).

ниться отъ нашихъ клятвенныхъ обѣщаній, то они никогда не могли бы поступить разумнѣе и вѣрнѣе для достиженія этой цѣли, чѣмъ поступили. Таковы мои мысли»... «Мы финляндцы должны сожалѣть,—читаемъ въ другомъ письмѣ Рунеберга,—что нѣсколько недоброжелательныхъ нападокъ на Швецію появилось въ нашихъ газетахъ, изъ которыхъ бывшая братская страна могла заключить, что мы забыли наши отношенія къ ней и проявили неблагодарность» [1]).

«Если бы подвергнуты были столь тяжкому испытанію вѣрность и долгъ нашей страны, чтобы мы вынуждены были выступить въ походъ противъ нашихъ прежнихъ братьевъ, то я увѣренъ, продолжалъ Рунебергъ, что многія сердца облились бы кровью не только за шведскія пули, но также и за шведскую любовь, и за шведскія воспоминанія».

Рунебергъ находилъ, что въ началѣ, по ходу дѣла, война (1854—55 г.) грозила Финляндіи только разрушеніемъ. Ожиданіе, что Финляндія сдѣлается мѣстомъ борьбы могущественныхъ державъ, не могло быть утѣшительнымъ. Надеждъ на возмѣщеніе потерь не существовало, неизбѣжныя же страданія предвидѣлись. Благодареніе Богу—заканчиваетъ Рунебергъ,—этого не случилось. Если другіе усматриваютъ, что заключили выгодный миръ, то дѣла теперь поставлены удовлетворительно». (I. E. Strömborg. Біографія Рунеберга. H-fors, 1901 г., IV, 4).

Иностранная враждебная намъ печать пыталась, конечно, расписать отношенія Финляндіи къ Россіи мрачными красками.

«До войны, о Финляндіи почти ничего не было слышно и это понятно, такъ какъ о добродѣтельной женщинѣ говорятъ менѣе всего. Ея счастье, въ продолженіи 45 лѣтъ, ежегодно возрастало.— Но теперь хлѣбные запасы страны взяты для арміи, фонды банка перевезены въ Петербургъ, подъ предлогомъ помѣщенія ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, величайшій изъ поэтовъ христіанства— Рунебергъ, пѣвецъ Финляндіи, сосланъ въ Сибирь и т. п. [2]).

Нѣкоторые финляндцы (докторъ Ильмони, полк. Маллеръ), недовольные тѣми нелѣпостями, которые разносились о нихъ по свѣту, обратились къ Рунебергу, прося его опровергнуть ложь и вообще высказаться о настроеніи умовъ въ Финляндіи. Другіе ко-

[1]) Предложеніе, исходившее отъ 10 или 11 легкомысленныхъ жителей Вазы о переименованіи города, послѣ кончины Императора Николая Павловича, въ Николайштадтъ произвело дурное впечатлѣніе, вызвавъ «горе и досаду». Ихъ поступокъ показывалъ, что они забыли услуги, оказанныя Финляндіи Густавомъ Вазой. (Писалъ тотъ же Рунебергъ). [2]) Сборн. Н. Путилова, IX, 67—68.

респонденты Рунеберга,—напр. проф. И. Вассеръ,—находили, что страна не должна терять мужества и надежды, а потому предлагали популярному поэту произнести свое слово утѣшенія и поощренія. Опроверженіе должно было появиться въ газетахъ Швеціи, такъ какъ газеты Финляндіи не пользовались довѣріемъ, и на нихъ смотрѣли тогда, какъ на органы деспотизма. Рунебергъ, вообще не любившій политики, на этотъ разъ проронилъ нѣсколько замѣчаній по вопросу дня. «Мы лишены мира, писалъ онъ. Душевнаго же спокойствія намъ приходится искать въ самихъ себѣ, въ нашей способности къ отреченію. Да хранитъ Всевышній нашу бѣдную страну и поддержитъ ея силы нести тягости войны, ибо къ нашей радости мы видимъ и находимъ, что нашъ Монархъ дѣлаетъ все, чтобы облегчить бѣдствія» [1]. Переходя къ слухамъ о постигшихъ его карахъ, Рунебергъ продолжалъ: «Такія сумасбродныя и неосновательныя инсинуаціи не оказываютъ мнѣ никакой услуги, но въ состояніи причинить мнѣ много непріятностей, еслибы наше правительство не было столь просвѣщенно и благородно, чтобы сдѣлать изъ нихъ какіе либо выводы. Впрочемъ, эти референты должно быть странные люди, такъ какъ думаютъ, что нельзя любить своего отечества и воспѣвать его прекрасныхъ воспоминаній безъ того, чтобы въ то же время не проявлять безпокойства и безсмысленныхъ политическихъ разсужденій (Kannstöpa)» [2].

Оставшись вѣрными союзниками русскихъ и принявъ въ войнѣ, какъ матеріальное, такъ и нравственное посильное участіе, финляндцы впослѣдствіи озаботились также и о томъ, чтобы придать должное значеніе и надлежащій вѣсъ этому факту, причемъ не избѣжали нѣкоторыхъ крайностей въ этомъ отношеніи. «Задуманное въ 1855 г. флотомъ западныхъ державъ нападеніе на самый Кронштадтъ, было,—по выводу професора гельсингфорскаго университета В. Лагуса,—черезчуръ рискованнымъ предпріятіемъ, пока вѣрная и непокоренная Финляндія оставалась у нихъ за спиной» [3].

Убытки, понесенные Финляндіей во время войны, были довольно значительные. Непріятель съ апрѣля (1854 г.) блокировалъ Финляндское прибрежье, преслѣдовалъ торговый флотъ, сжигалъ верфи и склады въ гаваняхъ. «Судоходство прекратилось, и лишь до нѣкоторой степени возможно было поддерживать сообщеніе съ швед-

[1]) Strömborg, IV, 4, стр. 59. [2]) Рунебергъ,— въ одномъ изъ своихъ писемъ,—отмѣтилъ, что кончина Имп. Николая I глубоко поразила финляндцевъ (med djup bestörtning). [3]) Юбилейное торжество 2-го марта 1880 г. при Александровскомъ университетѣ. Рѣчь В. Лагуса (на шведскомъ языкѣ), стр. 2. А также «Русская Бесѣда» 1895 г., іюль, стр. 31.

скимъ берегомъ позднею осенью 1854 г. и въ слѣдующую весну. Этимъ путемъ и черезъ Торнео привозилась большая часть иностранныхъ произведеній; вывозъ же въ другія страны, кромѣ Швеціи, производился почти исключительно на судахъ нейтральныхъ державъ. При такихъ обстоятельствахъ эта часть вывоза уменьшилась въ 1854 г. до 78,000, а въ 1855 г. до 7,788 руб., не достигая такимъ образомъ полныхъ 5% и 0,5% средней годовой цѣнности вывоза въ эти страны за періодъ съ 1841 по 1852 г. [1]).

Годовой привозъ изъ этихъ странъ доходилъ почти до одного мил. руб. сер. или до 28% средняго привоза изъ оныхъ за тотъ же періодъ. Хотя при этомъ товарный обмѣнъ съ Швеціею значительно увеличился, тѣмъ не менѣе сокращеніе таможенныхъ поступленій въ 1854—1855 гг., сравнительно съ ихъ размѣромъ до войны, составило всего 1,3 мил. руб. сер. Торговый флотъ городовъ, въ которомъ въ 1853 г. числилось 532 судна въ 55,064 ласта (рег. тоннъ), подвергся значительнымъ потерямъ; въ 1855 г. онъ уменьшился до 341 судна, т. е. на 191 судно въ 22,228 ластовъ, сократившись слѣдовательно въ отношеніи числа судовъ на одну треть, а въ отношеніи числа ластовъ приблизительно до 60%. Торговый флотъ городовъ приведенъ былъ такимъ образомъ къ размѣрамъ начала 30-хъ годовъ. (Эти же данныя о флотѣ приведены у В. В. Каммана въ его соч. «Мореходство Финляндіи». Спб. 1899 г., стр. 13) [2]).

Во всякомъ случаѣ этотъ расчетъ нельзя признать вполнѣ надеж-

[1]) Фр. Неовіусъ. «Торговыя сношенія Финляндіи съ Россіей». Гельсингфорсъ 1890, стр. 13 и 14. [2]) Неовіусъ не указалъ источниковъ, послужившихъ основаніемъ для его расчета, но если сопоставить его выводъ съ выводами другихъ, то можно принять за довольно достовѣрное, что число торговыхъ судовъ Финляндіи передъ войной было нѣсколько болѣе 500. По даннымъ, собраннымъ Ив. Ѳ. Штукенбергомъ («Статистич. труды», статья XLII. Описаніе В. К. Финл. Спб. 1859, стр. 93) торговый флотъ Финляндіи достигалъ въ 1852 году до 507 судовъ вмѣстимостью въ 54,380¹/₄ ластовъ. (Ластъ=18 берковцамъ=12 четвертей).

Полковникъ генеральнаго штаба баронъ Любекеръ даетъ весьма подробныя данныя для Абоской, Выборгской, Нюландской и Вазаской губерній (всего 377 судовъ вмѣстимостью 38,406 ластовъ); относительно Улеаборгской же губ. онъ ограничился, къ сожалѣнію, общими указаніями на то, что въ приморскихъ городахъ строятся купеческіе корабли, поднимающіе грузъ среднимъ числомъ въ 95 ластовъ; кромѣ того жители, жившіе въ шкиперахъ, строили меньшія суда. Цѣнность купеческихъ кораблей простиралась отъ 3-хъ до 6-ти тыс. руб. сер., а маленькихъ судовъ, въ 5 и болѣе ластовъ, отъ 100 до 1,000 р. («Военно-статистическое описаніе Улеаборгской губ.», Спб. 1851 г., стр. 37). Такимъ образомъ, если къ даннымъ полк. Любекера прибавить число судовъ Улеаборгской и другихъ губерній, то величина торговаго флота края приближается къ цифрѣ, установленной Неовіусомъ и Штукенбергомъ.

по установленнымъ. Финляндскій специальный календарь (Finlands Skeppskalender för år 1856) даетъ къ этимъ цифрамъ весьма серьезное поясненіе, которое также необходимо принять во вниманіе, при оцѣнкѣ убытковъ. Изъ всего количества ластовъ (31,237) [1], на которое уменьшился финляндскій торговый флотъ, на долю *проданныхъ* судовъ приходится 25,849 ластовъ, на *захваченныя и сожженныя непріятелемъ суда всего—9.544 ластовъ* и на суда, погибшія отъ несчастныхъ случаевъ—*1,734 ластовъ*. Изъ флота въ 53,105 ластовъ, которымъ обладала Финляндія въ 1852 г., остался у нея къ 1856 г. флотъ только въ 21.868 ластовъ; слѣдовательно, за періодъ войны флотъ уменьшился на 31.237 ластовъ (за округленіемъ—на 40,000 ластовъ); но уничтожена непріятелемъ была только одна четвертая часть общей убыли (9,544 л.) [2]). Остальныя части могутъ быть поставлены только въ косвенную связь съ событіями военнаго времени. Эти обстоятельства обыкновенно упускаются изъ вида тѣми, кто опредѣлялъ общую убыль флота въ 60%.

Балансъ казенныхъ доходовъ и расходовъ, благопріятный въ періодъ 1840—1854 г., вслѣдствіе чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ показалъ значительный дефицитъ.

Прямой убытокъ казны, вслѣдствіе увеличенія выдачъ по военному вѣдомству и сокращенія ординарныхъ доходовъ равнялся *3.931.937 р. 76 к.*

Фактическій военный расходъ превысилъ нормальный на 2.267,935 р. 82 к. На таможенныхъ поступленіяхъ Финляндія потеряла 1.293,197 р. 68 к. Кромѣ того Финляндія произвела слѣдующій расходъ, *при условіи возмѣщенія его изъ суммъ государственнаго казначейства:*

За постройку и снаряженіе 10 канонерскихъ лодокъ . . .	64,000
За устройство оптическаго телеграфа	80,500
За военные транспорты	153,000
За снаряженіе гребной флотиліи	73,000

Чрезвычайные расходы военнаго времени потребовались на:

1) Расквартированіе войскъ	330,000
2) Военные транспорты	200,000
3) Канонерскія лодки и гребную флотилію .	460,000
4) Транспорты лоцмановъ и охрану береговъ.	42,000
5) Оптическій телеграфъ	177,000

---

[1]) Зарегистрованы только суда вмѣстимостію болѣе 10 ластовъ. [2]) Finlands Skeppskalender för år 1856, utkommen pa J. W. Lillja & C. förslag. «Abo Underrättelser» 1856. № 43.

6) Вознагражденіе за потери, понесенныя населеніемъ	61,000
7) Временные военные госпитали	80,000
8) Поставка дровъ для проходящихъ русскихъ войскъ	65,000
9) Чрезвычайные расходы:	
На гвардейскій финскій баталіонъ	150,000
На учебный баталіонъ	145,000
На флотскій экипажъ	275,000
На баталіоны поселенныхъ войскъ	900,000
Итого.	1.470,000 [1])

Военные расходы Финляндіи распредѣлялись такъ:

Въ 1854 г.	594,263 р.	76 к.
» 1856 »	1.397,773 »	69 к.
» 1856 »	1.752,262 »	78 к. [2])

Чтобы не обременить населенія новыми налогами, Высочайше разрѣшено было (4-го апр. 1854 г. и 25-го дек. 1855 г.) для покрытія военныхъ расходовъ, заключить заемъ (чрезъ посредство Финляндскаго банка) изъ 4%.

Послѣ войны численность финскаго войска была сокращена съ 11,000 чел. до 3,620 чел.

23-го марта (н. ст.) 1856 г. Государь Императоръ Александръ II, въ засѣданіи финляндскаго сената, оцѣнивая поведеніе финляндцевъ за время минувшей войны, соизволилъ милостиво сказать: «Отъ всего сердца благодарю васъ и всѣхъ Моихъ вѣрныхъ финскихъ подданныхъ за ваше ревностное содѣйствіе мѣропріятіямъ по оборонѣ края».

М. Бородкинъ.

---

[1]) Э. Берендтсъ. «Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX ст.». Спб. 1900, стр. 60—62. См. также Э. Берендтсъ: «Краткій обзоръ финансовъ и финансовое управленіе Вел. Кн. Финляндскаго». Спб., 1900, стр. 125.

[2]) Война съ Россіей стоила:

Франціи около	100,000 чел.
Англія потеряла	22,000 »
Піемонтъ	2,200 »
Турція	35,000
Всего . .	159,200 чел.
А Россія	110,000 чел.

Тогда какъ всѣ техническія усовершенствованія были на сторонѣ западныхъ союзниковъ (Грегуаръ, т. III, стр. 535).

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 44.

Въ воспоминаніяхъ адмирала Д. И. Кузнецова [1]) находимъ слѣдующія данныя о финскомъ экипажѣ. «Въ 1844 г. командиромъ этого экипажа состоялъ капитанъ 1 ранга Нордманъ, который предложилъ Д. И. Кузнецову (1805+1889) командовать фрегатомъ сего экипажа «Мельпоменой». Кузнецовъ согласился. 13 февраля 1845 г. онъ выѣхалъ изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ. Нижніе чины фрегата — ни слова по-русски, а я ни слова по-фински и шведски». Офицеры всѣ говорили по-русски, и наверху всѣ командныя слова говорили по-русски. Кампанія «Мельпомены» на этотъ разъ совершена была въ составѣ третьей дивизіи. «Команда «Мельпомены» хороша и офицеры знающіе», — прибавляетъ Дмитрій Ивановичъ Кузнецовъ.

Въ 1847 г. «наши финскіе экипажи—корабль и фрегатъ—поступили въ составъ эскадры, назначенной въ крейсерство въ Нѣмецкое море, подъ флагомъ вице-адмирала И. И. Епанчина. «Лейпцигъ» и «Мельпомена» на 13 году службу показывали уже признаки гнилости; «но мы просились и были назначены». Въ Нѣмецкомъ морѣ пробыли около 60 дней, но цынги среди финновъ не было и «не мудрено: финны еще на берегу просолены».

Въ 1848 г. «Мельпомену» назначили на брандвахту въ Свеаборгъ. Начальникъ 3 дивизіи Епанчинъ 2-й, по пріѣздѣ въ Свеаборгъ объявилъ мнѣ одному очень туманное приказаніе, что, въ случаѣ политическихъ безпокойствъ въ Гельсингфорсѣ, я долженъ буду дѣйствовать своею артиллеріею по финнамъ. Тогда было тревожное состояніе во всей Европѣ, но въ Гельсингфорсѣ было спокойно, какъ и во всей Финляндіи. «Финскій экипажъ имѣлъ благороднѣйшаго командира. Ф. Д. Нордмана; вѣчная ему память!»

---

[1]) «Море и его жизнь», журн. 1903, янв.

Къ стр. 59.

Въ 1817 г. былъ возбужденъ вопросъ объ усиленіи сѣверо-западной границы долговременными укрѣпленіями. 1-го іюня этого года именнымъ указомъ, даннымъ начальнику главнаго штаба, послѣдовало «учрежденіе комитета для сочиненія проектовъ долговременныхъ укрѣпленій въ Финляндіи». Этотъ комитетъ именовался «учрежденнымъ по Финляндскимъ укрѣпленіямъ». Во главѣ его былъ поставленъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Барклай де-Толли, который (согласно п. 10 указа 1817 г.) получилъ право личнаго доклада Государю; что же касалось «до самаго построенія предварительныхъ укрѣпленій на Оландѣ и всѣхъ по сему предмету хозяйственныхъ распоряженій», то въ этомъ отношеніи Барклай де-Толли остался «по прежнему въ вѣдѣніи ген.-лейт. графа Штейнгеля», на основаніи указа, даннаго послѣднему 3-го марта 1816 г. [1]).

По заявленію историка главнаго инженернаго управленія, ген.-м. И. Г. Фабриціуса, этотъ комитетъ подробно изслѣдовалъ Аландскіе острова и выяснилъ, какіе пункты ихъ слѣдуетъ укрѣпить, для прочнаго обладанія архипелагомъ, выдвинутымъ далеко впередъ отъ Финляндскаго материка. Кромѣ того, комитетъ составилъ точную карту окрестностей Бомарзунда и проектъ укрѣпленной позиціи. Вслѣдствіе смерти ген.-м. Барклая де-Толли проектъ не былъ осуществленъ, а комитетъ закрытъ [2]).

Къ стр. 60.

Въ 1843 г. адмиралу Д. Н. Кузнецову довелось быть на Аландѣ и осмотрѣть строющійся Бомарзундъ. Укрѣпленіе этой крѣпости были начаты, по словамъ адмирала, «въ огромномъ масштабѣ». («Море и его жизнь» 1903 г., янв., стр. 34).

---

[1]) Перерывъ въ дѣятельности ген.-м. Барклая де-Толли (съ 1811 по 1816 г.) произошелъ вслѣдствіе его болѣзни, вызвавшей поѣздку заграницу. [2]) «Столѣтіе Военнаго министерства. Главное инженерное управленіе». Соч. ген.-м. И. Г. Фабриціусъ; Спб. 1903 г., ч. I, стр. 108—109, 119, и ч. II, прилож., стр. 201. Планъ Бомарзундскихъ укрѣпленій имѣется въ альбомѣ крѣпостей, составленномъ въ 1825 г. для Вел. Кн. Михаила Павловича. Планъ этотъ воспроизведенъ въ книгѣ И. Г. Фабриціуса.

Къ стр. 123.

Въ августѣ 1854 г. состоялся въ Петербургѣ спускъ «Орла», предназначеннаго быть винтовымъ пароходомъ, но, по случаю войны, англичане завладѣли заказанною у нихъ машиною. (Д. Н. Кузнецовъ. См. «Море и его жизнь» 1903 г., янв., стр. 39).

Къ стр. 124.

Заявленіе адмирала Н. А. Аркаса о томъ, что съ корвета «Полтава» не было произведено ни одного выстрѣла изъ орудій ядрами является, кажется, ошибочнымъ, такъ какъ по воспоминаніямъ другого очевидца, адмирала Д. Н. Кузнецова, *въ 1853 году*, послѣ Высочайшаго смотра и маневровъ, была произведена, въ присутствіи Государя, пальба на Кронштадтскомъ рейдѣ въ щиты, разставленные для кораблей. Надо полагать, что въ числѣ судовъ, находившихся на смотру, была и «Полтава», пользовавшаяся неизмѣннымъ расположеніемъ Государя («Море и его жизнь» 1903 янв., стр. 32 и 39).

Къ стр. 131.

Св. Воен. Постан. 1869 г.; изд. 1892, кн. 7, прилож. къ 898 ст.

в) Для внесенія въ послужные списки воинскихъ чиновъ, походовъ и дѣйствій на берегахъ Балтійскаго моря противъ соединенныхъ флотовъ и войскъ Англіи и Франціи, всѣ военныя дѣйствія раздѣляются на двѣ кампаніи, по годамъ: 1) Войскамъ, охранявшимъ Финляндію, за исключеніемъ уѣзда Странда Выборгской губ., *первая* кампанія 1854 г. считается отъ появленія непріятельскихъ крейсеровъ у береговъ Финляндіи, т. е. съ 7/19 марта по 28 октября (9 ноября), послѣ котораго непріятельская эскадра скрылась изъ виду: *вторая* кампанія 1855 г. считается съ 17/29 апрѣля по 21 ноября (3 декабря). 2) Войскамъ, охранявшимъ прибрежье С.-Петербургской губ. и Выборгской уѣзда Странда, *первая* кампанія 1854 г. считается съ 9 марта по 15 ноября, а *вторая* кампанія 1855 г.—съ 17 апрѣля по 15 ноября.

Къ стр. 138.

Почтенный генералъ Н. Эгерштромъ исправилъ слѣдующія неточности, вкравшіяся въ нашу статью:

Въ 1855 г. Н. Эгерштромъ былъ не капитаномъ, а поручикомъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады и былъ командированъ въ г. Выборгъ, въ помощь командиру выборгской крѣпостной артиллеріи полковнику Ляпунову. Такъ какъ полковникъ Ляпуновъ въ то время хворалъ, то Н. Эгерштрому пришлось фактически исполнять его обязанности и наблюдать также за вооруженіемъ батарей на Турки-саари и Равенъ-саари. 1-го іюля 1855 г. Николаевская батарея (Турки-саари) вооружалась подъ наблюденіемъ Н. Эгерштрома: нижнихъ чиновъ было 20 чел., коими командовалъ здѣсь поручикъ Фадеевъ. Нижнимъ чинамъ, вооружавшимъ батарею подъ огнемъ непріятеля, пожаловано было 6 знаковъ отличія Военнаго Ордена, а поручикъ Н. Эгерштромъ удостоился Высочайшаго благоволенія. («Рус. Инв.» 1903 г., № 19).

Къ стр. 143.

Въ январѣ 1856 г., бывшій начальникъ Свеаборгской инженерной команды, М. Пасынкинъ, въ частномъ письмѣ [1]) къ генералъ-адъютанту Э. Ив. Тотлебену изложилъ свое воззрѣніе на оборону этой крѣпости и при этомъ очень подробно перечислилъ тѣ недостатки въ укрѣпленіяхъ Свеаборга, кои желательно было исправить.

1) Во многихъ мѣстахъ сдѣланы палисады, что только увеличитъ пожаръ во время боя; а осколки ихъ бьютъ людей.

2) Внутри крѣпости имѣется много деревянныхъ зданій, которыя слѣдуетъ сломать, какъ приносящій одинъ вредъ.

3) Сообщеніе между островами по мостамъ на ряжахъ и шпренгеляхъ не надежны.

4) Большіе пороховые погреба (около 2 т. пудовъ пороха), въ особенности въ капонирахъ Кайэтъ и Дельвигъ, имѣющихъ одинокія тонкія стѣны, весьма опасны и въ случаѣ взрыва окружающія ихъ батареи непремѣнно будутъ разнесены.

---

[1]) Сохраняющемся въ бумагахъ гр. Тотлебена, имѣющихся въ собраніяхъ П. Я. Дашкова.

5) При многихъ батареяхъ устроены деревянные валганги на стойкахъ, что весьма опасно.

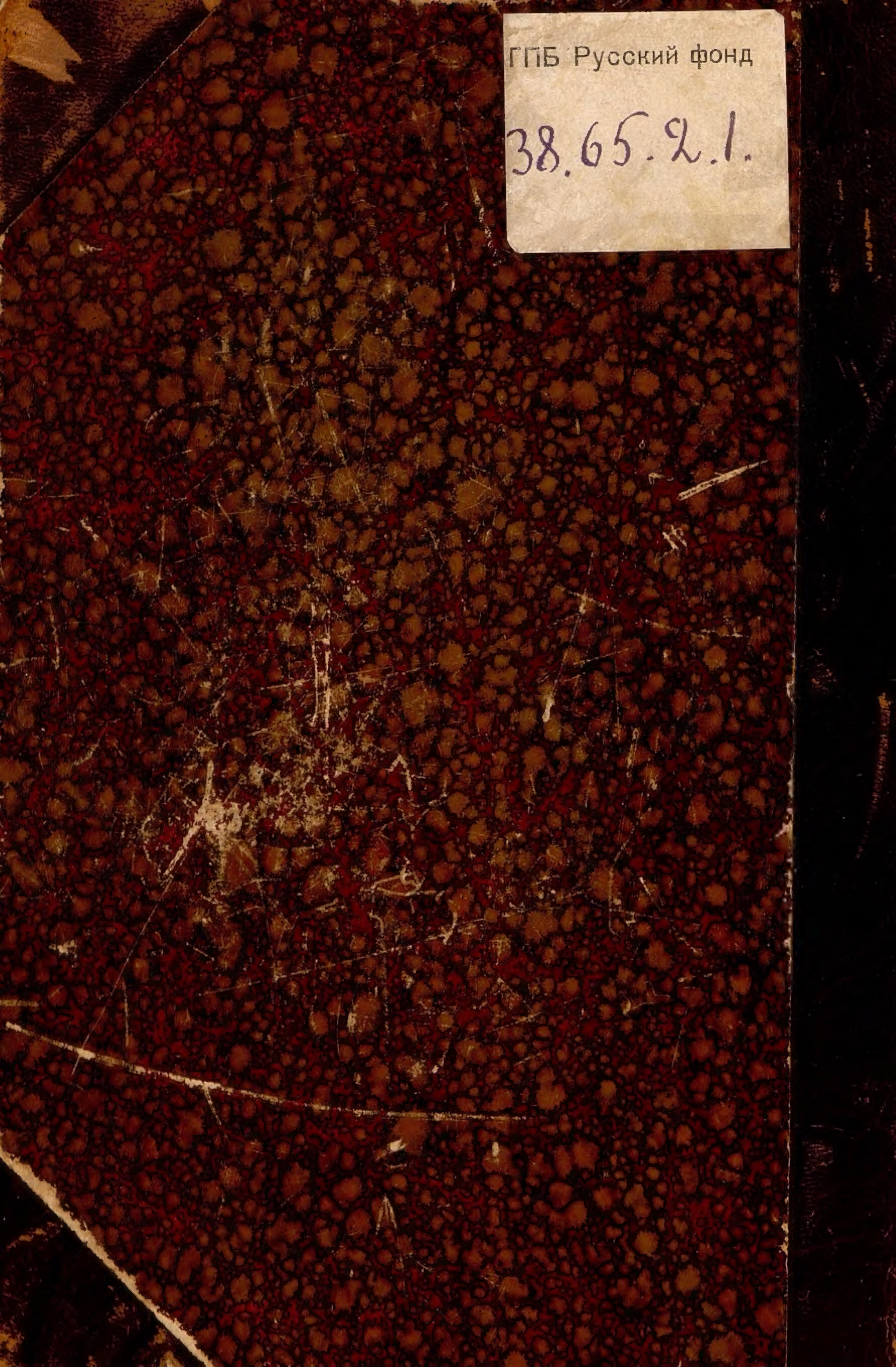
6) Обстрѣлъ орудій вообще во всѣхъ амбразурахъ очень малъ, около 30°.

7) Щеки амбразуръ чрезмѣрно круты, почти вертикальны и не плакированы, а обиты дерномъ плашмя; а посему отъ перваго попавшаго ядра амбразуры будутъ завалены.

Кромѣ того М. Пасынкинъ находилъ необходимымъ, чтобы всею оборонительною линіею Свеаборга завѣдывалъ одинъ инженеръ, могущій соображать потребности всей обороны.

Послѣ войны подымался вопросъ о необходимости устроить въ Гельсингфорсѣ значительный военный портъ. Если бы этотъ планъ былъ осуществленъ, то городъ пріобрѣлъ бы особую важность и тогда создалась бы потребность въ новыхъ укрѣпленіяхъ. Конечно, война заставила подумать о многомъ и естественно, что рождались новые проекты и соображенія. Между прочимъ, подумывали объ укрѣпленіи Тавастгуса, такъ какъ онъ является центральнымъ пунктомъ важнѣйшей части западной и южной Финляндіи, гдѣ сосредоточена главная промышленность. Кромѣ того въ Тавастгусѣ усматривали узелъ всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ главнѣйшимъ городамъ края. Генералъ-адъютантъ Бергъ признавалъ полезнымъ устроить на озерѣ Пэйянѣ небольшую флотилію изъ канонерскихъ лодокъ и транспортныхъ судовъ, «для перевозки войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Тавастгуса, въ Ювяскюля и еще далѣе къ сѣверу, для дѣйствія на Гамле-Карлебю или Улеоборгъ».—Вообще признавалось, что трудно было воспрепятствовать непріятелю занимать главнѣйшіе прибрежные города, но было бы полезно имѣть въ 4-хъ или 5-ти переходахъ отъ морскаго берега сильный корпусъ войскъ, которымъ можно было поддерживать слабые передовые отряды и препятствовать непріятелю въ его дальнѣйшемъ движеніи внутрь страны. Подобныя соображенія, какъ надо думать, возникали главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что рѣшительная атака непріятеля у Гельсингфорса и Свеаборга требовала сосредоточенія на этой оборонительной линіи весьма солидныхъ силъ. По мнѣнію ген.-адъют. Берга, здѣсь нужно было (на 1856 годъ) имѣть 36 баталіоновъ гарнизона и 8 тысячъ человѣкъ прислуги при орудіяхъ и кромѣ того сильный подвижной отрядъ съ сухаго пути.

2147 коп.

ГПБ Русский фонд
38.65.2.1.